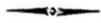

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

№ 1(73), 2025

Т о м I.
R o k 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.
Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/humanities>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 17.02.2025. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 50 экз. Заказ 036.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 56.0(476)"10/17"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-2-9

**СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА XI – XVIII ВВ.
ПО ДАННЫМ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ¹***канд. биол. наук, доц. О.А. ЕМЕЛЬЯНЧИК**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

В статье представлены результаты палеодемографического анализа материалов 4-х некрополей с территории Полоцка. Установлены общие черты показателей смертности в группах населения Полоцка XI–XIII и XVII–XVIII вв. Возрастное распределение смертности в общих выборках имеет характер, типичный для доиндустриальных популяций: пик смертей приходится на ранний детский возраст, затем смертность снижается, достигая минимума в возрасте 15–20 лет, после чего начинает увеличиваться. Для всех исследованных остеологических выборок характерна разная степень недоучета детских останков, в особенности младенцев. Средний возраст смерти взрослых женщин ниже, чем у мужчин, разница составляет от 0,6 года до 4 лет. Во всех выборках пики смертности у женщин приходятся на молодой возраст, вероятность смерти в репродуктивном возрасте повышена по сравнению с мужчинами. Наиболее низкие демографические показатели отмечены в группе средневекового населения Полоцка XIII–XIV вв., что может отражать один из эпизодов «катастрофической» смертности, связанных с военными действиями или эпидемией чумы середины XIV века.

Ключевые слова: население Полоцка, XI–XVIII вв., пики смертности, половозрастное распределение смертности, средний возраст смерти, вероятность смерти.

Введение. Смертность является одним из ключевых показателей естественного движения населения, характеризующих условия жизни человеческих популяций. В ряду других демографических показателей смертность представляет особый интерес, поскольку в условиях стабильно высокой рождаемости, характерной для доиндустриальных обществ с традиционным типом воспроизводства, именно смертность оказывала определяющее влияние на динамику численности населения отдельных стран и регионов. В связи с тем, что систематическая фиксация статистических данных о естественном движении населения на территории Беларуси появляется лишь к концу XIX в., единственным источником для реконструкции смертности населения эпохи Средневековья и Нового времени являются данные палеодемографии, основанные на изучении человеческих скелетных останков, полученных в результате раскопок погребений.

Благодаря проведению систематических археологических исследований на базе Полоцкого государственного университета, которые развернулись с начала 2000-х гг., на территории древнего Полоцка был открыт и исследован ряд кладбищ эпохи Средневековья и Нового времени. В результате археологических раскопок под руководством полоцких археологов Д.В. Дука, А.Л. Коца, И.В. Магалинского были получены репрезентативные по численности остеологические материалы по населению Полоцка XVII–XVIII вв., пригодные для палеодемографического анализа. В 2014 г. на территории полоцкого Нижнего Замка впервые был открыт и исследован средневековый городской некрополь XIII–XIV вв. (раскопки Д.В. Дука, А.Л. Коца). В 2020 г. впервые были получены остеологические материалы по населению Полоцка XI–XIII вв., представленные материалами погребений на территории Верхнего замка (раскопки И.В. Магалинского, А.Л. Коца).

Объектом исследования являются остеологические выборки из погребений XI–XVIII вв. с территории Полоцка, предметом исследования – распределение смертности по полу и возрасту, вероятность смерти, средний возраст смерти. Цель исследования – анализ динамики показателей смертности населения Полоцка XI–XVIII веков с использованием методов палеодемографии.

Материал и методы исследования. Средневековое население Полоцка представлено материалами двух некрополей, выявленных на территории Верхнего и Нижнего замков. Наиболее ранняя выборка XI–XIII вв. представлена материалами грунтового некрополя, обнаруженного и исследованного археологами в 2019–2021 гг. на территории Верхнего Замка. Кладбище было обнаружено в ходе спасательных археологических работ в связи со строительством и реконструкцией зданий для размещения ГУО «Полоцкое кадетское училище» [12]. Всего было вскрыто не менее 115 погребений, часть из которых была представлена почти целыми скелетами, часть – неполными и разрушенными. Встречались также отдельные скопления костей и фрагменты скелетов разных индивидов.

¹ Статья подготовлена в рамках Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность Белорусского государства» на 2021–2025 годы. (подпрограмма «История», задача «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», проект «Экономика, культурные традиции и население Полоцка и Полоцкого Подвинья в эпоху становления и развития исторических форм белорусского государства в IX–XVIII вв.», гос. регистрационный номер 20211489 от 21.05.2021 г.).

Погребения, совершенные по христианскому обряду, располагались в деревянных гробах, изготовленных из досок, часто обложенных берестой. Ориентация погребенных западная с отклонениями на север и юг. В большинстве случаев руки скелетов были сложены на животе, иногда на груди или вытянуты вдоль тела [12, с. 3]. В некоторых погребениях были обнаружены единичные находки: элементы одежды и украшений, керамика, а также пряслица, гвозди, односторонние гребни. Обнаруженные находки позволили датировать погребения XI–XIII вв. [12, с. 4–5]. Проведение антропологической экспертизы скелетных материалов из погребений на территории Верхнего замка позволило выявить останки не менее 160 человек разного пола и возраста.

Материалы по населению Полоцка XIII–XIV вв. были получены в ходе археологических раскопок 2014 г. под руководством Д.В. Дука и А.Л. Коца на территории Нижнего замка [5]. В ходе исследования были обнаружены погребения, происходившие из двух хронологических разновременных кладбищ, датированных XIII–XIV и XVII веками. Погребения XVII в. располагались в северо-западном и юго-восточном секторах раскопа. В связи с небольшой численностью выборки (19 индивидов) данные материалы не были включены в палеодемографический анализ. Часть кладбища XIII–XIV вв. была обнаружена в северо-восточном секторе раскопа. Согласно предположению археологов, данное кладбище возникло и функционировало при храме, построенном тут ещё в XII в. (т.н. «храм на стрелке Нижнего замка») [5, с. 181]. На вскрытом участке средневекового кладбища было зафиксировано два ряда погребений и одиночные захоронения в третьем ряду. Захоронения совершались в деревянных гробах, о чем свидетельствуют находки фрагментов железных гвоздей, а также следы деревянного тлена от гробов [7, с. 227]. Все костяки ориентированы головой на запад, иногда с небольшим отклонением на юг. В большинстве случаев руки умерших положены на живот или тазовые кости. Все умершие лежали на спине в вытянутом положении в индивидуальных могилах. В одном случае было зафиксировано коллективное захоронение, в котором находилось три скелета, уложенные в одну могильную яму, обставленную досками. Скелеты из коллективного захоронения представлены останками молодого мужчины в возрасте 20–30 лет, юноши 18–20 лет и подростка 14 лет. В погребении присутствовали также отдельные фрагменты детских костей плохой сохранности. В целом почти все погребения безинвентарные, что соответствует христианской традиции. Обнаруженные единичные находки (лжезитое кольцо, пуговица в виде бубенчика, куски плинфы) позволили датировать погребения XIII–XIV вв. В результате антропологической экспертизы были выявлены останки не менее 61 индивида.

Население Полоцка Нового времени представлено материалами двух некрополей XVII–XVIII вв. – кладбища на территории Полоцкого городища и кладбища при Спасо-Преображенском храме Спасо-Евфросиниевского монастыря. В 2007 г. на территории Полоцкого городища проводились археологические раскопки под руководством Д.В. Дука, в результате которых были выявлены 35 погребений [4, с. 61]. На основании обнаруженного немногочисленного погребального инвентаря (два оловянных нательных крестика, иконка-медальон) Д.В. Дук датировал погребения XVII–XVIII вв. и установил принадлежность умерших к католической конфессии [4, с. 70, 72]. В 2009 г. археологические исследования на территории Полоцкого городища продолжил М.В. Климов, в результате чего было выявлено ещё 12 погребений [10]. В 2022 г. на территории Полоцкого городища И.В. Магалинский осуществлял археологический надзор в связи с прокладкой оптоволоконной сети, в ходе которого были обнаружены ещё два погребения, принадлежавшие женщинам в возрасте 30–40 и старше 50 лет. Непосредственная близость выявленных захоронений к исследованному ранее комплексу, а также находка католического оловянного нательного крестика позволила датировать погребения XVII–XVIII вв., и отнести их к исследованному ранее кладбищу. Суммарно скелетный материал, полученный в ходе археологических раскопок 2007, 2009 и 2022 гг. на территории Полоцкого городища, представлен останками 50 человек.

Археологические исследования Спасо-Преображенского храма Спасо-Евфросиниевского монастыря были начаты в 2005 г. и продолжались вплоть до недавнего времени. В 2005 г. Д.В. Дук исследовал крипты в подцерковье храма [3, с. 58]. Масштабные археологические раскопки на территории, прилегающей Спасо-Преображенской церкви, начались в 2015 г. [11]. В ходе археологических исследований у стен храма было выявлено большое количество человеческих скелетных останков. Многослойность погребений указывает, что кладбище при храме функционировало продолжительное время, в результате чего часть могил была повреждена, многие погребения представляли собой скопления переотложенных костей, множество костей и их фрагментов содержалось в разрозненном состоянии в культурном пласте [6]. Большая часть погребений датируется XVII–XVIII вв. Суммарно скелетный материал, полученный в ходе археологических раскопок у стен храма, представлен останками не менее 213 человек.

Для палеодемографического анализа были использованы результаты определения пола и возраста, полученные в ходе антропологической экспертизы. Возраст взрослых индивидов определялся на основании оценки степени облитерации черепных швов, а также степени стертости зубов. Возраст детских скелетов определялся преимущественно по степени развития зубной системы с использованием схемы Убелэйкера, а также на основании оценки степени окостенения различных отделов скелета [16]. По результатам половозрастного распределения индивиды были сгруппированы в возрастные когорты, на основании которых рассчитывались стандартные таблицы дожития (отдельно для общей выборки, отдельно для взрослых мужчин и женщин). При построении таблиц дожития использовалось понятие условно стационарной популяции. Последний интервал ограничивается возрастом 50 и более лет (50+). Рассчитывался также такой показатель, как средний возраст смерти, который вычисляется путём умножения середины каждого возрастного класса на долю этого класса. Середина первой

возрастной категории (15–19 лет) принималась равной 17,5 годам, середина старческого возраста принималась равной соответственно 52,5 годам.

Результаты. В таблице 1 представлены данные о половозрастном составе исследованных остеологических выборок. В двух средневековых выборках отмечена диспропорция в соотношении полов. В серии из Верхнего замка женские захоронения численно преобладают над мужскими, тогда как в серии из Нижнего замка, наоборот, численно преобладают мужчины. В двух выборках XVII–XVIII вв. с территории Полоцкого городища и Спасо-Евфросиниевского монастыря соотношение полов примерно одинаково.

Таблица 1. – Состав выборок по полу и возрасту

Выборка	Датировка, век н.э.	Общий объём выборок, чел.	Взрослые			Дети	
			Муж.	Жен.	Неопред. пол	0-15 лет	В т. ч. младенцы 0-1 год
Верхний замок	XI-XIII	160	25	37	32	66	8
Нижний замок	XIII-XIV	61	24	12	13	12	–
Полоцкое городище	XVII-XVIII	50	14	13	7	16	1
Спасо-Преображенский храм	XVII-XVIII	213	44	45	59	65	21

Наиболее высокий процент детских останков от общей численности выборки установлен в материалах погребений с территории Верхнего замка (41,5%). Наименьший процент детских останков отмечен в материалах погребений с территории Нижнего замка (19,7%). В материалах двух кладбищ XVII–XVIII вв. детские останки составляют около трети от общего числа погребённых: выборке Полоцкого городища – 32,0%, в выборке Спасо-Преображенского храма – 30,5%.

В таблицах 2–3 представлены демографические показатели исследованных групп. Пик смертности в общей выборке XI–XIII вв. с территории Верхнего Замка отмечается в детском возрасте (до 6 лет), в возрасте 15–20 лет смертность минимальна. Второй пик смертности приходится на возрастную категорию 20–30 лет. Пики смертности у мужчин отмечены в возрасте 30–40 лет и в финальной возрастной когорте (50+ лет). У женщин пик смертности сдвинут на более ранний возраст (20–30 лет), второй пик смертности приходится на финальную возрастную когорту. Вероятность смерти (q_x) у мужчин плавно увеличивается с возрастом, у женщин наблюдается повышение вероятности смерти в возрасте 20–30 лет, при этом процент доживающих до финальной возрастной когорты у женщин выше, чем у мужчин. Средний возраст смерти взрослых (без учёта детской смертности) в исследованной группе населения Полоцка XI–XIII вв. составил 36,7 года, у взрослых мужчин – 38,5 года, женщин – 37,9 года. Половые различия среднего возраста смерти в группе XI–XIII вв. выражены незначительно, разница составляет всего 0,6 года.

Таблица 2. – Показатели смертности средневекового населения Полоцка

Возраст /индексы	Верхний замок, XI–XIII вв.				Нижний замок, XIII–XIV вв.			
	D_x	d_x	l_x	q_x	D_x	d_x	l_x	q_x
	<i>Все взрослые и дети (N = 159)</i>				<i>Все взрослые и дети (N = 61)</i>			
0–6	38	23,9	100,0	0,239	5	8,2	100,0	0,082
6–15	28	17,6	76,1	0,231	7	11,5	91,8	0,125
15–20	9	5,7	58,5	0,097	2	3,3	80,3	0,041
20–30	26,25	16,5	52,8	0,313	18,5	30,3	77,0	0,394
30–40	16,75	10,5	36,3	0,290	11,5	18,9	46,7	0,404
40–50	18,75	11,8	25,8	0,457	10	16,4	27,9	0,588
50+	22,25	14,0	14,0	1,000	7	11,5	11,5	1,000
	<i>Мужчины (N = 25)</i>				<i>Мужчины (N = 24)</i>			
15–20	1	4,0	100,0	0,040	0	0,0	100,0	0,000
20–30	6	24,0	96,0	0,250	8,5	35,4	100,0	0,354
30–40	6,5	26,0	72,0	0,361	6	25,0	64,6	0,387
40–50	5	20,0	46,0	0,435	5	20,8	39,6	0,526
50+	6,5	26,0	26,0	1,000	4,5	18,8	18,8	1,000
	<i>Женщины (N = 37)</i>				<i>Женщины (N = 12)</i>			
15–20	2	5,4	100,0	0,054	0	0,0	100,0	0,000
20–30	12,25	33,1	94,6	0,350	5	41,7	100,0	0,417
30–40	4,25	11,5	61,5	0,187	4,5	37,5	58,3	0,643
40–50	7,75	20,9	50,0	0,419	1	8,3	20,8	0,400
50+	10,75	29,1	29,1	1,000	1,5	12,5	12,5	1,000

Примечание: D_x – число умерших в каждом возрастном интервале; d_x – процентное распределение смертей в различных возрастных интервалах; l_x – относительное число индивидов, доживающих до определенного возрастного интервала; q_x – вероятность смерти в каждом возрастном интервале.

В отличие от выборки XI–XIII вв., пик смертности в общей выборке XIII–XIV вв. (Нижний Замок) приходится на возраст 20–30 лет, на этот же возраст приходится максимум смертей в группах взрослых мужчин и женщин. Вероятность смерти у женщин повышена по сравнению с мужчинами в возрастном интервале 20–40 лет. Для исследованной выборки характерен низкий показатель доживающих до финальной возрастной когорты (11,5%). У взрослых мужчин этот показатель составляет 18,8%, у женщин – 12,5%.

Средний возраст смерти взрослых в группе XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка понижен по сравнению с более ранней группой населения Полоцка XI–XIII вв. на 1,6 года и составляет 35,1 года. Средний возраст смерти у мужчин составил 36,8 года, у женщин – 33,9 года, что показывает, что в группе XIII–XIV вв. продолжительность жизни как мужчин, так и женщин была ниже по сравнению с более ранним периодом, а различия смертности между мужчинами и женщинами были выражены более существенно: женщины жили почти на 3 года меньше, чем мужчины. Ухудшение демографической ситуации в Полоцке XIII–XIV вв. прослеживается и на примере процента доживающих до финальной возрастной когорты (11,5%). По сравнению с предыдущим периодом этот показатель снижен на 2,5% в общей выборке, на 7,2% у мужчин, и на целых 16,6% у женщин.

Пик смертности в общей выборке погребений XVII–XVIII вв. с территории Полоцкого городища приходится на возраст 0–6 лет, при повышенной смертности в возрасте 30–40 лет (таблица 3). У взрослых мужчин пик смертности приходится на возраст 30–40 лет, у женщин – 20–30 лет, в этом же возрастном интервале у женщин наблюдается повышенная по сравнению с мужчинами вероятность смерти. Показатель доживающих до финальной возрастной когорты в общей выборке составил 14,5%. Процент доживающих до финальной возрастной когорты у женщин ниже, чем у мужчин. Среди взрослых мужчин до финальной возрастной когорты доживало 21,4%, среди женщин – 17,3%. Средний возраст смерти взрослых в исследованной группе составил 37,0 лет, средний возраст смерти мужчин – 39,5 года, женщин – 35,5 года, женщины в среднем жили на 4 года меньше, чем мужчины.

Пики смертности в общей выборке погребений XVII–XVIII вв. при Спасо-Преображенском храме приходятся на возраст 0–6 лет и финальную возрастную когорту. У взрослых мужчин максимум смертности отмечен в финальной возрастной когорте (50+ лет), у женщин – в возрасте 20–30 лет и финальной возрастной когорте. Как и в предыдущих случаях, вероятность смерти у женщин повышена по сравнению с мужчинами в активном репродуктивном возрасте (20–40 лет). Показатель доживающих до финальной возрастной когорты в общей выборке составил 19%. Среди взрослых мужчин до финальной возрастной когорты доживало 31,3%, среди женщин – 30,6%. Средний возраст смерти взрослых в исследованной группе составил 37,9 года. У мужчин этот показатель составил 40,8 года, женщины в среднем жили на 2,5 года меньше, чем мужчины (средний возраст смерти 38,3 года).

В целом показатели смертности населения, оставившего погребения XVII–XVIII вв. при Спасо-Преображенском храме, очень близки показателям, установленным для выборки из погребений того же периода с территории Полоцкого городища. Для обеих выборок, несмотря на их разную численность, характерны примерно равное соотношение полов, близкий процент детских останков (30,5 и 32,0%), близкие показатели среднего возраста смерти. Исключение составляет более высокий показатель доживающих до финальной возрастной когорты в выборке с территории Спасо-Евфросиниевского монастыря.

Таблица 3. – Показатели смертности населения Полоцка Нового времени

Возраст/индексы	Полоцкое городище, XVII–XVIII вв.				Спасо-Преображенский храм, XVII–XVIII вв.			
	D_x	d_x	l_x	q_x	D_x	d_x	l_x	q_x
	<i>Все взрослые и дети (N = 50)</i>				<i>Все взрослые и дети (N = 213)</i>			
0–6	13	26,0	100,0	0,260	49	23,0	100,0	0,230
6–15	3	6,0	74,0	0,081	16	7,5	77,0	0,098
15–20	3	6,0	68,0	0,088	12	5,6	69,5	0,081
20–30	7,75	15,5	62,0	0,250	37,5	17,6	63,8	0,276
30–40	8,75	17,5	46,5	0,376	27,5	12,9	46,2	0,279
40–50	7,25	14,5	29,0	0,500	30,5	14,3	33,3	0,430
50+	7,25	14,5	14,5	1,000	40,5	19,0	19,0	1,000
	<i>Мужчины (N = 14)</i>				<i>Мужчины (N = 44)</i>			
15–20	0	0,0	100,0	0,000	0	0,0	100,0	0,000
20–30	2	14,3	100,0	0,143	10,75	24,4	100,0	0,244
30–40	6	42,9	85,7	0,500	7,25	16,5	75,6	0,218
40–50	3	21,4	42,9	0,500	12,25	27,8	59,1	0,471
50+	3	21,4	21,4	1,000	13,75	31,3	31,3	1,000
	<i>Женщины (N = 13)</i>				<i>Женщины (N = 47)</i>			
15–20	1	7,7	100,0	0,077	2	4,3	100,0	0,043
20–30	4,75	36,5	92,3	0,396	14,25	30,3	95,7	0,317
30–40	1,75	13,5	55,8	0,241	7,75	16,5	65,4	0,252
40–50	3,25	25,0	42,3	0,591	9,25	19,7	48,9	0,402
50+	2,25	17,3	17,3	1,000	13,75	29,3	29,3	1,000

Обсуждение. Учитывая, что половозрастные распределения индивидов в палеодемографических выборках подвержены как случайным, так и систематическим искажениям, обусловленным разной сохранностью костей и несовершенством методики определения возраста по скелетным материалам, для сравнения были привлечены статистические данные о смертности городского православного населения Беларуси 2-й половины XIX вв. (таблица 4). Приняв характеристики смертности, полученные на основании анализа данных статистики, за своеобразный эталон, отражающий характер половозрастного распределения смертности в доиндустриальных популяциях конкретного региона (Беларусь), можно проследить, каким искажениям подвержено половозрастное распределение в остеологических выборках.

Таблица 4. – Основные характеристики смертности городского населения

Выборка	<i>AA</i>	<i>AAm</i>	<i>AAf</i>	<i>PSR m-f</i>	<i>PCD</i>	<i>PBD</i>	<i>PBD</i> ₀₋₂₀	<i>C</i> ₅₀₊	<i>C</i> _{50+m}	<i>C</i> _{50+f}
Остеологические выборки из Полоцка										
Верхний замок, XI–XIII вв.	36,7	38,5	37,9	40,3:59,7	41,5	5,0	10,7	14,0	26,0	29,1
Нижний замок, XIII–XIV вв.	35,1	36,8	33,9	66,6:33,3	19,7	–	–	11,5	18,8	12,5
Городище, XVII–XVIII вв.	37,0	39,5	35,5	51,9:48,1	32,0	2,0	5,3	14,5	21,4	17,3
Спасо-Преображенский храм, XVII–XVIII вв.	37,9	40,8	38,3	49,4:50,6	30,5	9,9	27,3	19,0	31,3	29,3
Данные статистики										
Минская губ., 1858 г.	42,0	43,2	42,7	65,7:34,3	51,5	22,4	42,1	21,0	42,2	41,7
Могилевская губ., 1859 г.	41,2	40,9	44,2	61,5:38,5	58,1	23,3	39,0	16,6	40,4	42,6
Гродненская губ., 1859 г.	39,3	39,6	41,8	65,7:34,3	49,4	25,2	48,8	15,2	39,1	39,5
Гродненская губ., 1864 г.	40,5	41,9	41,2	64,8:35,2	50,7	21,7	40,8	16,7	40,7	40,1
Могилевская губ., 1871–1881 гг.	41,8	42,4	43,8	55,9:44,1	54,4	27,2	48,2	19,3	41,2	42,6

Примечание: *AA* – средний возраст смерти взрослых (лет); *AAm* – средний возраст смерти взрослых мужчин; *AAf* – средний возраст смерти взрослых женщин в группе; *PSR m-f* – процентное соотношение мужчин и женщин; *PCD* – процент детской смертности; *PBD* – процент смертности в первый год жизни; *PBD*₀₋₂₀ – коэффициент соотношения числа младенцев к числу умерших в возрасте от 0 до 20 лет; *C*₅₀₊ – процент индивидов в финальной возрастной когорте; *C*_{50+m} – процент мужчин в финальной возрастной когорте; *C*_{50+f} – процент женщин в финальной возрастной когорте.

Ранее в средневековых выборках из Полоцка была отмечена диспропорция в соотношении полов (показатель *PSR m-f*): в материалах кладбища XI–XIII вв. (Верхний замок) преобладают женщины (59,7%), в материалах кладбища XIII–XIV вв. (Нижний замок) – мужчины (66,6%) (см. таблицу 4). На примере данных статистики второй половины XIX в. было установлено, что соотношение умерших взрослых мужчин и женщин может отражать картину соотношения полов в живущей популяции [8]. Так, преобладание числа умерших мужчин в городах 2-й половины XIX в. соответствует их численному преобладанию в составе живущего городского населения. Выявленная в материалах средневековых кладбищ диспропорция соотношения полов может быть связана с особенностями социального статуса населения, оставившего погребения (как пример – возможное присутствие в пределах прихрамовых кладбищ монашеских или дружинных захоронений). Необходимо также учитывать, что оба кладбища не были раскопаны полностью, половозрастной состав погребённых мог отличаться на их разных участках. В отличие от средневековых кладбищ, в двух выборках XVII–XVIII вв. отмечено примерно равное соотношение полов.

Различия между данными палеодемографии и статистики наиболее очевидны относительно такого показателя, как процент детской смертности в группе (*PCD*). Согласно статистическим данным 2-й половины XIX в., дети в возрасте до 15 лет составляли около половины от общего числа умерших горожан (49,4–58,1%). В исследованных остеологических выборках доля детских скелетов от общего числа погребений намного ниже, варьируя в пределах 19,7–41,5% (см. таблицу 4). Недоучёт детских останков в остеологических сериях ещё более очевидно проявляется в отношении младенческих скелетов. Это вполне закономерно, если учитывать, что чем меньше биологический возраст индивида, тем, как правило, хуже сохранность его скелета [13, с. 175]. Согласно данным статистики 2-й половины XIX в., младенцы до года составляли около четверти от всех смертей (21,7–27,2%), в то время как в остеологических выборках этот показатель значительно ниже (0–9,9%). В средневековой выборке с территории Нижнего замка младенческие скелеты полностью отсутствовали; в серии XVII–XVIII вв. с территории Полоцкого городища был зарегистрирован лишь 1 младенец на 50 погребений (2,0%). Совершенно очевидно, что такой низкий процент младенцев в остеологических выборках обусловлен плохой сохранностью слабо минерализованных младенческих скелетов. Наилучшей сохранностью скелетного материала характеризуется остеологическая серия XVII–XVIII вв. из Спасо-Евфросиниевского монастыря, в которой были зарегистрированы скелетные останки не менее 21 младенца, что составляет 9,9% от общей численности выборки.

В своё время Д. Бротвелл предложил использовать в качестве первичного теста на «нормальность» возрастного состава группы коэффициент соотношения числа младенческих скелетов к числу скелетов в возрасте от 0 до 20 лет (таблица 4, показатель *PBD*₀₋₂₀). По мнению исследователя, в норме это соотношение должно лежать в пределах 1:4 или 3:4 (25–75%) [15]. В таблице 4 представлены показатели *PBD*₀₋₂₀, рассчитанные для

исследованных групп населения. В городских группах 2-й половины XIX в. этот показатель, рассчитанный на основании данных статистики, составляет 39,0–48,8%, что ожидаемо вписывается в пределы, заданные Д. Бротвеллом для тестирования «нормальности» возрастного состава выборки. В остеологических выборках показатель PBD_{0-20} не достигает необходимых значений, за исключением материалов погребений при Спасо-Преображенском храме. Если следовать подходу Д. Бротвелла, можно сделать заключение, что данная серия характеризуется не только хорошей сохранностью младенческих останков, но и отражает приближенное к реальному распределение смертей по возрастам. Относительно невысокую долю детских останков по отношению к общей численности выборки (30,5%) можно объяснить тем, что часть погребений у стен храма могла принадлежать представителям духовного сословия и монашеству. Таким образом, для исследованных остеологических выборок характерна разная степень недоучета детских останков, в особенности младенцев. Поскольку доля детей в остеологических выборках не отражает реальной детской смертности, а зависит от разной степени сохранности скелетного материала, для сравнительного анализа следует использовать показатели смертности взрослого населения.

На рисунке представлены т.н. кривые смертности, иллюстрирующие распределение процента смертей по возрастам (dx) в общих выборках. В качестве «эталонной» на графике показана кривая, построенная на основании статистических данных о смертности городского населения Могилёвской губернии за 1871–1881 гг., которая демонстрирует распределение смертности, типичное для до-индустриальных популяций: пик смертей приходится на ранний детский возраст, затем смертность резко снижается, достигая минимума в возрасте 15–20 лет, после чего начинает постепенно увеличиваться. Характер кривых смертности, построенных для трёх исследованных остеологических выборок из Полоцка (Верхний замок XI–XIII вв., кладбища XVII–XVIII вв. на полоцком городище и на территории Спасо-Евфросиниевского монастыря) приближается к этому типу кривой. Пики смертности в общих выборках приходятся на детский возраст (0–6 лет), минимум смертей наблюдается в возрасте 15–20 лет. Относительное повышение процента умерших в возрасте 20–40 лет в остеологических выборках по сравнению с «эталонной» кривой объясняется недоучетом детских, прежде всего, младенческих останков, что также хорошо видно на графике. Выборка XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка в Полоцке характеризуется скорее хаотичным возрастным распределением смертности, при этом особенно выражен пик смертности в возрастной когорте 20–30 лет.

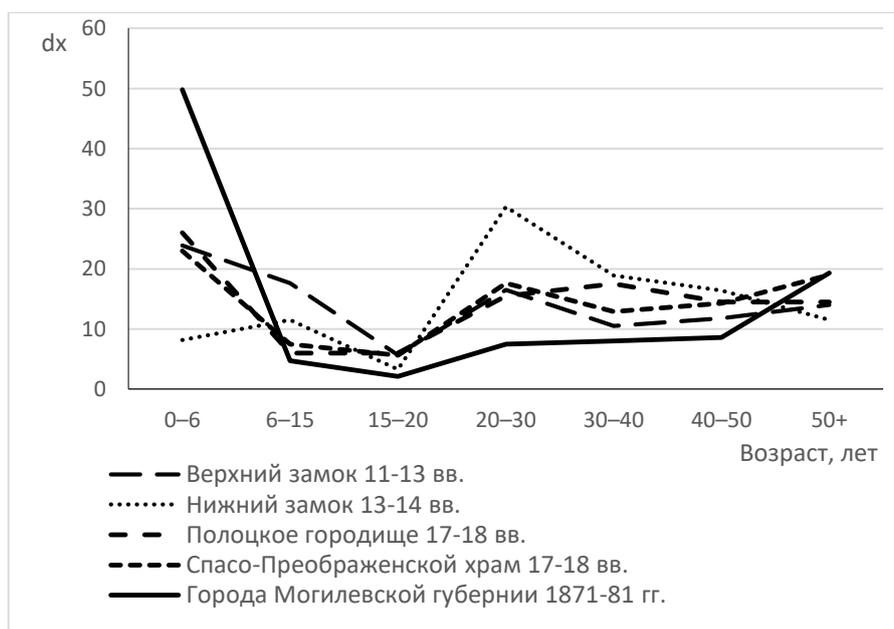

Рисунок. – Возрастное распределение смертности (dx) в группах городского населения

Показатели доживающих до финальной возрастной когорты взрослых мужчин и женщин в исследованных остеологических выборках ниже, чем в группах городского населения 2-й половины XIX в. Снижение доли индивидов в возрасте старше 50 лет в остеологических выборках может быть объяснено вероятной худшей сохранностью старческих скелетов [14, с. 187].

Средний возраст смерти взрослых (AA) характеризуется близкими значениями в группе средневекового населения Полоцка XI–XIII вв. и в двух исследованных группах XVII–XVIII вв. Этот показатель в общих выборках варьирует в пределах 36,7–37,9 года, при этом средний возраст смерти взрослых мужчин варьирует в пределах 38,5–40,8 года, взрослых женщин – в пределах 35,5–38,3 года. Сходные показатели были установлены для городского населения XV–XVII вв. Литвы (общий средний возраст смерти 37,1–37,9 года, средний возраст смерти мужчин – 38,7–40,4 года, женщин – 35–35,5 лет) [1, с. 35].

Во всех исследованных группах средний возраст смерти взрослых женщин ниже, чем у мужчин, разница составляет от 0,6 года до 4 лет. Пики смертности мужчин отмечаются в разных возрастных интервалах (20–30, 30–40, 50+), в то время как у женщин во всех выборках основной пик смертности приходится на молодой возраст (20–30 лет), вероятность смерти в репродуктивном возрасте повышена по сравнению с мужчинами, что принято объяснять негативными последствиями высокой репродуктивной нагрузки в условиях антисанитарии и низкого уровня развития медицины.

Наиболее низкий средний возраст смерти взрослых (35,1 лет) отмечен в группе средневекового населения Полоцка XIII–XIV вв., представленной материалами погребений с территории Нижнего замка. Для этой же группы характерны минимальные значения среднего возраста смерти у взрослых мужчин и женщин (36,8 и 33,9 года, соответственно). Выборка характеризуется минимальными значениями доживающих до финальной возрастной когорты (11,5%), при том, что процент детских останков не высок. Несмотря на недостаточную численность остеологической выборки, требующую осторожности в интерпретации, сумма вышеуказанных наблюдений позволяет высказать предположение, что погребения на территории Нижнего замка могут отражать один из эпизодов повышенной смертности жителей г. Полоцка, связанный с военными действиями или эпидемией чумы середины XIV в. В пользу последнего предположения свидетельствует наличие коллективного захоронения (скудельницы?), включившего останки нескольких молодых индивидов и детей.

Близкие показатели смертности были получены на основании данных о половозрастном распределении умерших в материалах православного кладбища XIII – начала XV вв. из Вильнюса, опубликованных Р. Ионайтисом [9, с. 357]. Как и в полоцкой выборке XIII–XIV вв., пик смертности в вильнюсской выборке приходится на возраст 20–30 лет, также отмечается низкий показатель среднего возраста смерти взрослых (34 года), и ещё более низкий процент доживающих до финальной возрастной когорты (6,6%). В совокупности эти данные могут свидетельствовать об ухудшении условий жизни населения Великого княжества Литовского по сравнению с древнерусским периодом. Если в XI – начале XIII в. климатические условия на территории Древней Руси и всей Западной Европы были относительно благоприятными, то уже в первой трети XIII в. в летописных источниках фиксируется значительный рост числа экстремальных природных явлений, которые периодически становились причиной голода, эпидемий и гибели значительной части населения [2, с. 500–502]. Эти катаклизмы были связаны с изменениями климата, которые характеризуются как начало «малого ледникового периода». Ситуация могла усугубиться эпидемией чумы, которая прокатилась по Европе в середине XIV века.

Заключение. Таким образом, показатели смертности населения Полоцка, полученные в результате палеодемографического исследования остеологических выборок XI–XIII и XVII–XVIII вв., характеризуются рядом общих черт. Возрастное распределение смертности в общих выборках имеет характер, типичный для доиндустриальных популяций: пики смертности приходятся на ранний детский возраст, затем смертность снижается, достигая минимума в возрасте 15–20 лет, после чего начинает увеличиваться. Вместе с тем для всех исследованных остеологических выборок характерна разная степень недоучета детских останков, в особенности младенцев. Средневековые выборки из Полоцка характеризуются диспропорцией в соотношении полов: в материалах кладбища XI–XIII с территории Верхнего замка преобладают женщины, в материалах кладбища XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка – мужчины. Для выборок XVII–XVIII вв. характерно равное соотношение полов. Средний возраст смерти взрослых женщин ниже, чем у мужчин, разница составляет от 0,6 года до 4 лет. Пики смертности мужчин отмечаются в разных возрастных интервалах, в то время как у женщин во всех выборках пик смертности приходится на молодой возраст (20–30 лет), во всех выборках вероятность смерти у женщин в этом возрасте повышена по сравнению с мужчинами. Наиболее низкий средний возраст смерти взрослых (35,1 года) отмечен в группе средневекового населения Полоцка XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка. Для этой же группы характерны минимальные значения среднего возраста смерти у взрослых мужчин и женщин, а также минимальные значения доживающих до финальной возрастной когорты. Несмотря на недостаточную численность остеологической выборки, требующую осторожности в интерпретации, сумма вышеуказанных наблюдений позволяет высказать предположение, что погребения на территории Нижнего замка могут отражать один из эпизодов «катастрофической» смертности жителей г. Полоцка, связанный с военными действиями или эпидемией чумы середины XIV в. В пользу последнего предположения свидетельствует наличие коллективного захоронения, включившего останки молодых индивидов и детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали) / Т.И. Алексеева, Д.В. Богатенков, Г.В. Лебединская. – М.: Научный мир, 2003. – 132 с.
2. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. – Л.: Гидрометеоиздат, 1983. – 240 с.
3. Дук Д.У. Гісторыя Полацка: па матэрыялах археалагічных даследаванняў: вучэб.-метад. комплекс. – Наваполацк: ПГУ, 2006. – 112 с.
4. Дук Д.У., Емялянчык В.А. Могілка полацкага гарадзішча (па выніках археалагічных раскопак у 2007 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 61–73.

5. Могілки на стрэлцы Ніжняга замка ў Полацку / Д.У. Дук, В.А. Емяльянчык, А.Л. Коц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Белар. навука, 2018. – Вып. 29: Даследаванні пахавальных і пасяленчых помнікаў эпохі сярэднявекі і Новага часу на тэрыторыі Беларусі і суседніх краін. – С. 171–182.
6. Емельянчик О.А. Антропологические исследования погребений при Спасо-Преображенском храме Спасо-Евфросиниевского монастыря (по материалам раскопок 2005 – 2018 гг.) // Спасо-Преображенский храм в г. Полоцке: вопросы изучения и реставрации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 17–18 сент. 2019 г. – Полоцк: Полоц. книж. изд-во, 2022. – С. 80–93.
7. Новые данные по антропологии средневекового населения города Полоцка / О.А. Емельянчик, Е.В. Веселовская, С.В. Васильев, Ю.В. Рашковская, Д.С. Каминская, И.В. Магалинский, А.Л. Коц // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 4. – С. 220–255.
8. Емяльянчык В.А. Памятныя кніжкі губерняў як крыніца для вывучэння смяротнасці праваслаўнага насельніцтва Беларусі другой паловы XIX ст. // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2024. – № 1(69). – С. 35–40.
9. Йонайтис Р. Палеодемография Русского конца Вильноса в конце 13 – начале 15 в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Материалы 61-го заседания (2015 г.). – 2016. – Вып. 31. – С. 349–359.
10. Клімаў М.В. Новае адкрыццё ў храналогіі старажытнага Полацка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 5. – С. 5–7.
11. Коц А.Л. Фарміраванне культурнага слоя XI–XIII стст. на тэрыторыі Спаса-Ефрасіннеўскага манастыра г. Полацка (па матэрыялах археалагічных раскопак 2015 і 2017 гг.) // Віцебскі край: матэрыялы III міжнарод. навук.-практ. канф., прысв. 500-годдзю беларускага кнігадрукавання, Віцебск, 23 ліст. 2017 г. / Упраўленне культуры Віцебскага аблвыканкама, ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», УК «Віцебскі абласны краязнаўчы музей», УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава»; рэдкал.: Т. М. Адамян [і інш.]. – Мінск, 2018. – С. 357–360.
12. Папярэднія вынікі даследавання могільніка XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга Замка Полацка / І.У. Магальнікі, В.А. Емельянчык, А.Л. Коц, П.М. Кенько // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2023. – № 2(67) – С. 2–8.
13. Ширококов И.Г. Влияние фактора сохранности на палеодемографическую характеристику (на примере групп русского населения XVII–XVIII вв.) // Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию И.И. Гохмана, 8–13 окт. 2018 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. А.В. Громов, И.Г. Ширококов. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – С. 175–181.
14. Ширококов И.Г. Возрастное распределение умерших в России XVII–XIX вв.: обманчивая палеодемография // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 4. – С. 180–196.
15. Brothwell D. R. Paleodemography // Biological Aspects of Demography. – London: W. Bass. – 1971. – P. 111–130.
16. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. – Washington: Taraxacum, 1989. – 172 p.

Поступила 14.12.2024

MORTALITY OF THE POPULATION OF POLOTSK IN THE 11th – 18th CENTURIES ACCORDING TO PALAEODEMOGRAPHIC DATA

V. YEMIALYANCHYK
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article presents the results of palaeodemographic analysis of the materials of 4 necropolises from the territory of Polotsk. The general features of mortality rates in the population groups of Polotsk of the 11th – 13th and 17th – 18th centuries have been established. The age distribution of mortality in the general samples has a character typical for pre-industrial populations: the peak of mortality occurs in early childhood, then mortality decreases, reaching a minimum at the age of 15–20 years, after which it begins to increase. All osteological samples studied are characterised by varying degrees of undercounting of child remains, particularly infants. The mean age of death of adult females is lower than that of males, the difference ranging from 0.6 years to 4 years. In all samples, mortality peaks in women at a young age, and the probability of death in reproductive age is increased compared to men. The lowest demographic indicators are noted in the group of Polotsk's medieval population of the 13th – 14th centuries, which may reflect one of the episodes of 'catastrophic' mortality associated with military actions or the plague epidemic of the mid-14th century.

Keywords: *population of Polotsk, XI–XVIII centuries, mortality peaks, sex and age distribution of mortality, average age of death.*

УДК 904:739.1(476.5-21)"10/18"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-10-13

**СУАДНОСІНЫ ПАМІЖ ТЫПАМІ СПЛАВАЎ І ТЭХНАЛАГІЧНЫМІ СХЕМАМІ
ВЫТВОРЧАСЦІ ВЫРАБАЎ З КАЛЯРОВЫХ МЕТАЛАЎ X–XVIII СТСТ.
З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ**

*канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*

У артыкуле прадстаўлены вынікі даследавання суадносін паміж тыпамі сплаваў і тэхналагічнымі схемамі вытворчасці вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Аўтарам устаноўлена, што для ліцця з мінімальнымі фінальнымі дапрацоўкамі старажытнымі ювелірамі пераважна выкарыстоўваліся сплавы, якія адрозніваюцца высокай ступенню вадкацякучасці і шчыльнасцю адлівак (алавяная латунь, алавяная бронза, алавяна-свінцовая бронза, алавяна-свінцовыя сплавы і нелегіраваныя легкаплаўкія металы). Адзначана, што неабходнасць апрацоўкі нарыхтовак ціскам з прамежкавымі адпаламі абумовіла пераважнае выкарыстанне для гэтых мэт двухкампанентных латуней, свінцовых латуней і свінцовых бронз. Выяўлена таксама, што для часткі вырабаў са складаных шматкампанентных сплаваў утрыманне легіруючых кампанентаў часта карэлюецца з тэхналагічнымі схемамі прадметаў, якія з іх зроблены.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяство, археаметалургія.

Уводзіны. Сучасныя даследаванні ў галіне вывучэння тэхналогіі старажытных металаапрацоўчых рамёстваў засноўваюцца на комплексным выкарыстанні традыцыйных археалагічных падыходаў і метадаў прыродазнаўчых навук (структурны і хімічны аналіз). Да апошняга часу ў беларускай археалогіі для даследавання тэхналогіі ювелірнай вытворчасці не выкарыстоўваўся металаграфічны метад, не мела сістэматычнага характару і вывучэнне хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў. У перыяд з 2018 па 2024 гг. у лабараторыях Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай былі распачаты маштабныя даследаванні структуры і хімічнага складу ювелірных вырабаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. На сённяшні дзень цалкам вывучана структура 207 абразцоў, а таксама хімічны склад 1216 артэфектаў з матэрыялаў археалагічных даследаванняў на важнейшых помніках рэгіёна (Полацк, Мінск, Друцк, Бірулі, Кардон, Лучна, Менка, Васілеўшчына і інш.). За час працы намі эксперыментальна распрацавана самастойная методика падрыхтоўкі і траўлення абразцоў, устаноўлены крытэрыі ідэнтыфікацыі выкарыстання тэхналагічных аперацый, вылучаныя тэхналагічныя групы артэфектаў, вызначаны найбольш распаўсюджаныя групы сплаваў [1–3].

Атрыманыя вынікі і матэрыялы зрабілі магчымым устанавіць адпаведнасці паміж тыпамі сплаваў і тэхналагічнымі схемамі вытворчасці пэўных катэгорый артэфектаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Вывучэнне гэтай праблемы дазволіць выявіць адметнасці мясцовай ювелірнай вытворчасці, ацаніць агульны прафесійны ўзровень мясцовых майстроў, ступень разумення імі сутнасці фізічных і хімічных працэсаў, якія праходзяць з рознымі па складзе металамі падчас ажыццяўлення пэўных тэхналагічных аперацый.

Асноўная частка. Вельмі распаўсюджанай сыравінай для вытворчасці вырабаў з каляровых металаў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі з’яўляліся медна-цынкавыя сплавы [4, с. 245]. Гэта абумоўлена тэхналагічнымі ўласцівасцямі гэтых металаў, якія ў сучаснай металургіі шырока выкарыстоўваюцца для вырабу прадметаў як з дапамогай ліцця, так і шляхам механічнага дэфармацыйнага ўздзеяння [5, с. 115]. З медна-цынкавых сплаваў зроблена 48 абразцоў выбаркі.

Двухкампанентныя латуні (CuZn) сустрэты ў складзе чатырох прадметаў. Два абразцы ўтвораны з дапамогай фармуючай халоднай коўкі, яшчэ два артэфекты – ліцця і халоднай касметычнай коўкі. Прадметы ў цэлым характарызуюцца сярэднімі і нізкімі ўтрыманнямі цынка, (1,22...10,22%) толькі ў складзе аднаго вырабу XVIII ст. зафіксавана 38,56% гэтага металу. У сучаснай металаапрацоўцы двайныя латуні пераважна выкарыстоўваюцца як дэфармуемыя сплавы: з іх вырабляюць лісты, стужкі, дрот і інш. [5, с. 116; 6, с. 514]. У асноўным з дэфармацыйным уздзеяннем звязаны і даследаваныя абразцы.

Алавяныя латуні (CuZnSn) утрымліваюць у сваім складзе, акрамя медзі і цынка, волава ў розных канцэнтрацыях. У выбарцы сустрэты 5 абразцоў з гэтага сплаву сярод якіх 3 утвораны з дапамогай ліцця і халоднай касметычнай коўкі, а 2 – фармуючай халоднай коўкі. Утрыманне волава ў прадметах вагаецца ад 1,42 да 1,84%, пры гэтым толькі ў метале 2 артэфектаў канцэнтрацыя Sn знаходзіцца ў межах 7,61...8,4%.

Дамешкі волава ў медна-цынкавы сплаў дадаюць вадкацякучасці металу, што спрыяе яго выкарыстанню ў ліцейнай справе, аднак робіць прыдатным і для дэфармацыйных уздзеянняў. У сучаснай металургіі найбольш спрыяльнымі для механічнай апрацоўкі лічацца алавяныя латуні з канцэнтрацыяй волава, якая не перавышае 1%, а для ліцця пераважна выкарыстоўваюць сплавы з утрыманнем да 2,5% гэтага металу [6, с. 514]. Канцэнтрацыя волава ў большасці даследаваных абразцоў указвае на свядомае выкарыстанне майстрамі пэўных тэхналагічных прыёмаў для апрацоўкі дадзеных вырабаў з улікам іх элементнага складу.

Свінцовыя латуні (CuZnPb) з'яўляліся сыравінай для вытворчасці 39 абразцоў: ліццё – 7 экз., ліццё і гарачая касметычная коўка – 4 экз., ліццё і гарачая фармуючая коўка – 1, ліццё і халодная касметычная коўка – 11, фармуючая халодная коўка – 16. У складзе літых вырабаў цынк зафіксаваны ў дыяпазоне ад 1,0 да 11,76%, свінец – ад 4,36 да 25,36%, пры гэтым толькі ў складзе 2 прадметаў канцэнтрацыі свінца перавышаюць 20%, а для астатніх заўважана ўтрыманне гэтага металу ў дыяпазоне ад 4,36 да 7,2%. У метале прадметаў, утвораных з дапамогай ліцця і халоднай касметычнай коўкі, пераважаюць вырабы з утрыманнем цынка ў дыяпазоне 5...10% – 7 экз. Сустрэты таксама абразцы з канцэнтрацыямі Zn, якія перавышаюць 20% (4 экз.). Для пераважнай большасці абразцоў характэрна таксама нізкая колькасць свінца, якая не перавышае 5% (6 экз.).

Для прадметаў, утвораных толькі з дапамогай дэфармавальных аперацый у халодным стане (фармуючая халодная коўка), характэрна пераважнае ўтрыманне высокіх канцэнтрацый цынка, які ў складзе 8 абразцоў знаходзіцца ў дыяпазоне 10...20%, а ў метале аднаго артэфекта зафіксавана 30,58% Zn. Пры гэтым устаноўлена, што ўтрыманне свінца ў складзе такіх абразцоў, як правіла, не перавышае 5% (10 экз.).

Адметнасць структур сплаваў CuZnPb грунтуецца на ўласцівасцях свінца, які не раствараецца ў цвёрдым стане ў медзі, у сувязі з чым у латунях вылучаецца ў элементарным выглядзе, дзе размяшчаецца па межах зерняў цвёрдага раствору, што добра бачна падчас вывучэння траўленых структур. У сучаснай металургіі свінец дадаецца ў латуні для паляпшэння апрацоўкі рэзаннем [6, с. 514]. Такім чынам, сплавы са свінцовай латуні найбольш падыходзілі для апрацоўкі ціскам, у сувязі з чым асноўнай тэхналагічнай аперацыяй для вытворчасці з іх прадметаў з'яўляецца фармуючая халодная коўка.

Бронзы адносяцца да найбольш распаўсюджаных у ювелірнай вытворчасці груп сплаваў. У даследаванай выбарцы дадзеныя металы прадстаўлены 42 абразцамі, што складае 22% ад агульнай колькасці артэфектаў, для якіх была вывучана структура.

Добрыя ліцейныя якасці маюць *алавяныя бронзы* (CuSn), прадстаўленыя 4 прадметамі з пераважным утрыманнем волава ў дыяпазоне ад 2,03 да 9,85%, толькі ў складзе аднаго артэфекта колькасць гэтага легіруючага кампанента дасягае 17,75%.

У сучаснай металургіі найбольшае распаўсюджванне маюць алавяныя бронзы з утрыманнем 10% Sn. Пры гэтым для апрацоўкі ціскам найбольш падыходзяць вырабы з 5-6% волава. Большыя канцэнтрацыі гэтага металу ўплываюць на вадкацякучасць сплаву, але робяць яго крохкім і непрыдатным для механічнай апрацоўкі ў халодным стане [6, с. 516]. У нашай выбарцы алавяныя латуні прадстаўлены абразцамі, зробленымі пры дапамозе ліцця і злёгка дапрацаванымі ў халодным стане.

Свінцовыя бронзы (CuPb) прадстаўлены 11 вырабамі: ліццё – 2 экз., ліццё і гарачая касметычная коўка – 1 экз., ліццё і халодная касметычная коўка – 1 экз., фармуючая халодная коўка – 7 экз. Дадзены метал выкарыстоўваўся, пераважна, для вытворчасці прадметаў з дапамогай дэфармавальных аперацый апрацоўкі ціскам без уздзеяння высокіх тэмператур (7 экз.). Гэта ў першую чаргу звязана з асаблівасцямі яго складу, які ў сувязі з наяўнасцю свінца не прыдатны для апрацоўкі ў гарачым стане. Гарачая апрацоўка такой сыравіны можа прывесці да з'яўлення трэшчын у метале (“трэшчыны чырвоналомкасці”) і вытворчаму браку. Для вырабаў са свінцовай бронзы, утвораных з дапамогай халоднай фармуючай коўкі і адпалам, характэрна пераважнае ўтрыманне свінца ў дыяпазоне ад 1 да 5%. Эксперыментальна даказана, што менавіта такія сплавы найбольш прыдатныя для правядзення адпалаў, а гэта ўказвае на добрае веданне мясцовымі рамеснікамі фізіка-хімічных уласцівасцей сыравіны, з якой яны працавалі [6, с. 518; 7, с. 138].

Вельмі важным бронзавым сплавам, які ў першую чаргу выкарыстоўваўся ў ліцейнай справе, з'яўляецца *алавяна-свінцовая бронза* (CuSnPb). Вадкацякучасць сплаву медзі з волавам павялічваецца пры даданні свінца. Пры гэтым колькасць Pb для літых вырабаў не абмяжоўваецца і не пагаршае фізіка-хімічныя характарыстыкі сплаву, а таксама не ўплывае на колер гатовых рэчаў [6, с. 519; 8, с. 81].

У выбарцы выяўлена 27 абразцоў з алавяна-свінцовай бронзы: ліццё – 9 экз., ліццё і халодная касметычная коўка – 17 экз., фармуючая халодная коўка – 1 экз. Сярод літых вырабаў пераважаюць артэфекты з сярэднімі і высокімі ўтрыманнямі волава, якія непрыдатныя для механічнай апрацоўкі дэфармацыяй ў халодным стане. Так, у складзе 14 абразцоў канцэнтрацыі Sn знаходзіцца ў дыяпазоне ад 10 да 20%, а ў метале 6 прадметаў выяўлена звыш 20% гэтага металу. Пераважнае выкарыстанне алавяна-свінцовых сплаваў з высокімі ўтрыманнямі волава для вытворчасці выбараў з дапамогай ліцця і мінімальнымі дэфармацыйнымі ўздзеяннямі, звязанымі ў першую чаргу з выдаленнем заганаў ліцця, указвае на свядомае ўвядзенне майстрамі легіруючых кампанентаў у сплавы для наступнага выкарыстання сыравіны ў ліцейнай справе.

Важнае месца ў каляровай металаапрацоўцы на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі займалі складаныя **шматкампанентныя сплавы**. У выбарцы даследаваны прадметы, зробленыя са шматкампанентнай бронзы (24 экз.) і шматкампанентнай латуні (52 экз.).

Прадметы са **шматкампанентнай бронзы** (CuSnZnPb) зроблены па наступных тэхналагічных схемах: ліццё – 6 экз., ліццё і гарачая касметычная коўка – 1 экз., ліццё і гарачая фармуючая коўка – 1 экз., ліццё і халодная касметычная коўка – 10 экз., фармуючая халодная коўка – 6 экз. Срод літых вырабаў пераважаюць высокаалавяныя сплавы, утрыманне волава ў якіх перавышае 10% (7 экз.). Пры гэтым колькасць свінца ў метале 13 абразцоў звыш 10%. Падобныя сплавы с высокімі канцэнтрацыямі волава і свінца магчыма апрацоўваць толькі з дапамога ліцця, што пацвярджаецца і нашымі данымі. Неабходна таксама адзначыць выкарыстанне фармуючай халоднай

коўкі для вытворчасці абразцоў з высокімі, – звыш 10% (4 экз.), – утрыманнімі волава. Гэта, верагодна, трэба звязваць з асаблівасцямі паходжання часткі сыравіны для якой майстры не маглі ведаць дакладнага складу.

Да ліку найбольш распаўсюджаных тыпаў сплаваў адносяцца таксама *шматкампанентныя латуні* (CuZnSnPb). Вырабы з гэтага сплаву ўтвораны паводле наступных тэхналагічных схем: ліццё – 6 экз., ліццё і гарачая касметычная коўка – 5 экз., ліццё і гарачая фармуючая коўка – 1 экз., ліццё і фармуючая халодная коўка – 5 экз., ліццё і халодная касметычная коўка – 19 экз., фармуючая халодная коўка – 16 экз. Такім чынам, шматкампанентная латунь шырока выкарыстоўвалася для вытворчасці прадметаў самых розных тэхналагічных схем. Між тым, выкарыстанне гэтых сплаваў было абумоўлена іх хімічным складам. Так, для фармуючай халоднай коўкі пераважна выкарыстоўваліся металы з утрыманнем волава ў дыяпазоне ад 1 да 5% (15 экз.). Такія ўтрыманні волава прыдатныя для апрацоўкі ў халодным стане і адпалаў. Высокія канцэнтрацыі свінца ў літых вырабах не ўплывалі на знешні выгляд і фізіка-хімічныя ўласцівасці адліўкі, аднак спрыялі павышэнню вадкацякучасці сплаваў, іх здольнасці раўнамерна запаўняць ліцейную форму, што падвышала шчыльнасць адлівак.

Алавяна-свінцовыя сплавы і нелегіраваныя легкаплаўкія металы маюць нізкую тэмпературу плаўлення і найбольш прыдатныя для ўжывання іх у ліцейнай справе. Дадзеная сыравіна выкарыстоўвалася для вытворчасці прадметаў паводле наступных тэхналагічных схем: ліццё – 4 экз., ліццё і халодная касметычная коўка – 7 экз. Неабходна адзначыць, што мяжу паміж выключна літымі вырабамі і прадметамі, фінальна дапрацаванымі механічна, у адносінах да легкаплаўкіх сплаваў правесці надзвычай складана. Гэта тлумачыцца высокай пластычнасцю вырабаў, першапачатковая літая структура якіх можа дэфармавацца ў выніку любога ўздзеяння, у тым ліку прама не звязанага з вытворчымі аперацыямі.

“Чыстая” медзь (Cu) вызначаецца добрымі пластычнымі якасцямі і прыдатная для апрацоўкі як у халодным, так і ў гарачым стане. Пры гэтым для ліцця пераважна выкарыстоўваецца медзь, легіраваная іншымі металамі, асабліва волавам, цынкам і свінцом [6, с. 512]. У даследаванай выбарцы “чыстая” медзь з’яўлялася сыравінай для вытворчасці прадметаў па наступных тэхналагічных схемах: ліццё і гарачая фармуючая коўка – 1 экз., ліццё і халодная касметычная коўка – 2 экз., фармуючая халодная коўка – 4 экз. Выкарыстанне для апрацоўкі дадзенай сыравіны розных тэхналагічных схем пацвярджае, што медзь у майстэрні рэгіёна трапляла ў выглядзе гатовых рэчаў ці металічнага лому рознага паходжання. У сувязі з гэтым, майстры выкарыстоўвалі для яе апрацоўкі розныя тэхналагічныя аперацыі без уліку элементнага складу і фізіка-хімічных характарыстык сыравіны.

Сплавы каштоўных металаў з утрыманнем серабра ў выбарцы прадстаўлены двума артэфактамі, утворанымі з дапамогай ліцця, а таксама ліцця і гарачай касметычнай коўкі. Вядома, што дабаўка серабра ў сплавы істотна падвышае іх пластычнасць і прыдатнасць для апрацоўкі дэфармацыяй у гарачым ці халодным стане. Дадзеныя сплавы падыходзяць і для ліцейнай справы [5, с. 140]. Між тым, невялікая выбарка не дазваляе выявіць пэўных адметнасцей выкарыстання сплаваў каштоўных металаў для вырабу прадметаў паводле асобнай тэхналагічнай групы.

Заклучэнне. У выніку праведзенага даследавання суадносіны паміж тыпамі сплаваў каляровых металаў і тэхналагічнымі схемамі, якія выкарыстоўваліся для іх вытворчасці на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў X–XVIII стст., магчыма зрабіць наступныя высновы:

1. Старажытныя майстры-ювеліры адрознівалі сплавы паводле фізіка-хімічных уласцівасцей металаў і выкарыстоўвалі свае веды ў вытворчай дзейнасці.

2. Для ліцця з мінімальнымі фінальнымі дапрацоўкамі пераважна выкарыстоўваліся сплавы, якія характарызуюцца высокай вадкацякучасцю і шчыльнасцю адлівак. Сярод такіх металаў – алавяная латунь, алавяная бронза, алавяна-свінцовая бронза, а таксама алавяна-свінцовыя сплавы і нелегіраваныя легкаплаўкія металы. Неабходнасць апрацоўкі нарыхтоўкі ціскам з прамежкавымі адпаламі абумовіла пераважнае выкарыстанне для гэтых мэт двухкампанентных і свінцовых латуней, а таксама свінцовых бронз. Магчыма адзначыць, што для часткі вырабаў са складаных шматкампанентных сплаваў утрыманне легіруючых кампанентаў таксама часта карэлюецца з тэхналагічнымі схемамі прадметаў, якія з іх зроблены.

ЛІТАРАТУРА

1. Магалінский И.В., Штемпель О.П. Применение металлографии для изучения технологии ювелирного производства X–XVIII вв. (по материалам отдельных находок из археологических памятников Северной и Центральной Беларуси) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуман. науки. – 2020. – № 9. – С. 111–115.
2. Магалінскі І.У. Метады даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуман. науки. – 2024. – № 1(69). – С. 2-5. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1608-2024-69-1-2-5>.
3. Магалінскі І.У. Тэхналогія вытворчасці вырабаў з каляровых металаў XIV–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуман. науки. – 2023. – № 2(67). – С. 26–29. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1608-2023-67-2-26-29>.
4. Магалінский И.В. Новые данные по химическому составу изделий из цветных металлов X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси // Доклады НАН Беларуси. – Т. 65. № 2. – Минск: Беларуская навука, 2021. – С. 241–246.
5. Цветные металлы и сплавы: учеб. пособие / Т.В. Мальцева, Н.Н. Озерец, А.В. Левина, Е.А. Ишина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 176 с.
6. Гуляев А.П. Металловедение. – М.: Металлургия, 1986. – 544 с.
7. Равич И.Г. Эталонны мікроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. – 1983. – № 8(38). – С. 136–143.

8. Урвачев В.П., Кочетков В.В., Горина Н.Б. Ювелирное и художественное литье по выплавляемым моделям сплавов меди. – Челябинск: Металлургия, 1991. – 168 с.

Паступиў 05.11.2024

**СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ТИПАМИ СПЛАВОВ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ СХЕМАМИ
ПРОИЗВОДСТВА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ X–XVIII ВВ.
С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ**

канд. ист. наук, доц. И.В. МАГАЛИНСКИЙ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлены результаты исследования соотношения между типами сплавов и технологическими схемами, которые использовались для производства изделий из цветных металлов X–XVIII вв. на территории Северной и Центральной Беларуси. Автором установлено, что для литья с минимальными доработками ювелиры преимущественно использовали сплавы, которые характеризуются высокой степенью жидкотекучести и плотностью отливок (оловянная латунь, оловянная бронза, оловянно-свинцовая бронза, оловянно-свинцовые сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы). Определено, что необходимость обработки заготовок давлением с промежуточным отжигом обусловила преимущественное применение для этих целей двухкомпонентных латуней, свинцовых латуней и свинцовых бронз. Отмечается также, что для некоторых изделий из сложных многокомпонентных сплавов содержание легирующих компонентов зачастую коррелируется с технологическими схемами предметов, которые из них изготовлены.

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней техники, ювелирное ремесло, археометаллургия.

**RELATIONSHIP BETWEEN ALLOY TYPES AND TECHNOLOGICAL SCHEMES
FOR PRODUCING NON-FERROUS METAL PRODUCTS OF THE 10TH-18TH CENTURIES
FROM THE TERRITORY OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS**

I. MAHALINSKI
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents the results of a study of the relationship between alloy types and technological schemes for producing non-ferrous metal products of the 10th – 18th centuries from the territory of Northern and Central Belarus. The author found that for casting with minimal modifications, jewelers mainly used alloys that are characterized by a high degree of fluidity and density of castings (tin brass, tin bronze, tin-lead bronze, tin-lead alloys and unalloyed low-melting metals). It was determined that the need for pressure treatment of blanks with intermediate annealing determined the predominant use of two-component brasses, lead brasses and lead bronzes for these purposes. It is also noted that for some products made of complex multicomponent alloys, the content of alloying components often correlates with the technological schemes of the items made from them.

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archeometallurgy.

УДК 37(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-14-20

**ВКЛЮЧЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ****канд. ист. наук, доц. Н.Е. НОВИК****(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)**

В статье показаны особенности включения учебных заведений белорусских земель в образовательное пространство Российской империи в эпоху разделов Речи Посполитой, выявлены трудности в осуществлении образовательной политики властей после присоединения новых территорий в конце XVIII в. Созданные для расширения российского влияния на востоке Беларуси главные и малые народные училища заняли определенную нишу в сфере образования, но не смогли вытеснить конкурирующие католические учебные заведения по причине недостаточной финансовой обеспеченности. В результате на рубеже XVIII–XIX вв. на белорусских землях сосуществовали две группы учреждений образования: с одной стороны, учебные заведения, созданные по общероссийскому образцу с обучением на русском языке; с другой стороны, различные школы, сохранявшие традиции времен Речи Посполитой и слабо интегрированные в имперское образовательное пространство.

Ключевые слова: образовательное пространство, образовательная политика, эпоха Просвещения, иезуиты, светское образование, главные и малые народные училища.

Введение. Эпоха разделов Речи Посполитой поставила перед управленческой элитой Российской империи жизненно важный вопрос об интеграции присоединенных земель, адаптации местного населения к существованию в иной общественно-политической, социально-экономической и культурной среде, в том числе при помощи института образования. Получив в качестве наследия разделенного государства многочисленные разнотипные духовные и светские учебные заведения вместе с церковным имуществом для их обеспечения, новые власти ощутили насущную потребность сближения концептуальных основ построения школы в западных и центральных регионах страны, формирования единой правовой базы, поиска способов управления, адекватных социально-психологическим и конфессиональным особенностям жителей приобретенных территорий.

Состояние образования на белорусских землях в насыщенную событиями переходную эпоху разделов Речи Посполитой стало объектом внимания исследователей довольно давно, особенно в связи со 100-летием создания Виленского учебного округа. Проявленный познавательный интерес не был случайным – служащие этой административно-учебной единицы имели доступ к источникам и обладали необходимыми компетенциями для написания серьезных трудов. Так, Ю.Ф. Крачковский, будучи автором книги о начальном периоде существования округа, обратился к его предыстории, к работе Эдукационной комиссии, в которой увидел лишь «благой порыв», сделал акцент на злоупотреблениях имущественного и финансового характера [12, с. 31]. Общее положение образования в последние десятилетия XVIII в. он рассмотрел через призму беспокойной политической ситуации, существенно препятствовавшей поступательному развитию этой важной сферы [12, с. 37].

Характерное для дореволюционных авторов приоритетное внимание образовательной политике российских монархов и конечно же такой ключевой фигуре, как Екатерина II, выглядит совершенно закономерно. К примеру, еще один известный историограф Виленского учебного округа А.В. Белецкий отдельную публикацию посвятил деятельности императрицы по распространению образования на белорусских землях – в Полоцкой и Могилевской губерниях. По его мнению, во всех сферах жизни она проводила политику полного сближения Белоруссии с внутренними губерниями России, шла к этому разными путями, в том числе посредством организации обучения на русском языке, однако достичь поставленной цели ей в полной мере не удалось [2, с. 13, 46, 61]. Дальнейшее исследование темы продолжил П.Н. Жукович в своей статье, где дал наиболее подробную и насыщенную фактическим материалом характеристику школьного дела в западном регионе империи в царствование Екатерины II. Автор четко провел мысль о том, что создание главных и малых народных училищ в восточной Белоруссии стало важным актом государственно-объединительной политики и знаменовало собой появление в полном смысле слова светских русскоязычных государственных учебных заведений [9, с. 319, 329]. Работа о развитии образования в конце XVIII в. принадлежит перу М.В. Довнар-Запольского, который, в отличие от предыдущих авторов, на первый план выдвинул не региональный, а общероссийский аспект – основополагающее значение екатерининских реформ в деле создания бессословной и бесплатной средней общеобразовательной школы в империи [7]. В своей более поздней «Истории Белоруссии» он положительно отозвался о деятельности Эдукационной комиссии [8, с. 289].

Вершиной дореволюционной историографии по образовательной проблематике по праву можно признать фундаментальные труды С.В. Рождественского. Феномен образования он рассматривал как постепенно формирующуюся многоуровневую систему, которая в российском государстве распространялась из центра в регионы. В предпринятой после окончательного раздела Речи Посполитой попытке решения властями принципиального вопроса о единстве учебной системы исследователь усматривал первый опыт её адаптации на окраинах с полиэтничным населением и иной культурой. В качестве основного побудительного мотива правящих кругов он выдвигал убеждение в абсолютной педагогической ценности внедряемой системы, но не упускал из виду и политическую составляющую: школа с её главным предметом преподавания, русским языком, должна была стать орудием сплочения окраин с коренной Россией [23, с. 641].

В советский период изучение развития образования после вхождения белорусских земель в состав империи не утратило значения, но приобрело иную окраску. Белорусские историки послевоенного времени были практически единодушны во мнении о громадном прогрессивном значении воссоединения с Россией, включая функционирование школы. Влияние атеистических взглядов логично подводило их к выводу о том, что монастырские училища являлись очагами распространения схоластических знаний и религиозного мировоззрения, несли «полонизаторско-католический дух» воспитания, служили интересам господствующих классов [1, с. 169; 11, с. 10; 18, с. 94]. Состояние образования на белорусских землях в эпоху разделов Речи Посполитой наиболее полно отражено в трудах В.С. Поссе. Открытые российскими властями народные училища он оценивал в положительном ключе, отмечал благоприятное отношение к ним белорусского населения [22]. Отдавая должное работам автора, укажем на присутствие в них свойственной советской историографии противоречивости: с одной стороны, интересы царизма объявлялись классовыми и реакционными, а с другой – результаты преобразований просвещения на русских основаниях, которые не могли произойти без решающего участия самодержавия, трактовались как создание в Беларуси новой школы, распространение прогрессивных идей, передовых для своего времени принципов воспитания и обучения [18, с. 101].

На рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. начала складываться современная историография образования с характерной для неё сменой подходов и оценок. По-прежнему сохранялось заострённо критическое отношение к политике российских властей, но влияние русской культуры уже не рассматривалось как исключительно благотворное. Отечественные специалисты подготовили диссертации, монографии, статьи, посвященные школе на белорусских землях в эпоху Просвещения [3; 10; 16; 24–26]. Многочисленные и обстоятельные работы принадлежат А.Ф. Самусику, который собрал и творчески исследовал обширный материал, отражающий эволюцию системы образования в 70-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в. Согласно его справедливому мнению, разделы Речи Посполитой не привели к полному разрыву с прежней образовательной традицией на белорусских землях. Рассматривая феномен русификации во время правления Екатерины II, он рассуждал о неразвитости России в культурном плане и неспособности кардинально изменить на захваченных территориях как общее построение учебно-воспитательного процесса, так и количество лояльного правительству хорошо образованного населения православного вероисповедания [25, с. 50, 58]. Ряд любопытных наблюдений и взвешенных суждений относительно сходства и различия организации школьного обучения в Речи Посполитой и Российской империи А.Ф. Самусик привел в историографической статье, посвященной воззрениям М.В. Довнар-Запольского [26]. Автор книги о формировании культуры Нового времени на белорусских землях С.Е. Куль-Сельверстова также сравнивала образовательный потенциал обеих стран в конце XVIII в., но однозначно отдала предпочтение Речи Посполитой, признала российский вариант реформирования школы паллиативным и запоздалым [14, с. 12, 32].

Народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. в контексте воспитания элит попало в фокус внимания немецкого исследователя Я. Кусбера в его объемной и содержательной монографии, которая вышла в русскоязычном переводе в 2018 г. Среди широкого спектра затронутых в ней вопросов автор выделил значение аннексии территорий бывшей Речи Посполитой в плане усвоения российским государством местного образовательного опыта. Следуя в русле, проложенном дореволюционной историографией, автор подчеркнул заслуги Екатерины II в создании намного более продуманной и четко организованной системы, чем все предшествующие варианты образования в стране [15, с. 255]. Освещение хода данной реформы выявило трудности её реализации в присоединенных областях с разнородной этнической и конфессиональной структурой населения. Автор не сомневался в намерении имперских властей превзойти систему католических школ, однако ответ на вопрос, действительно ли государственные народные училища превратились в форпосты православия, оставил открытым [15, с. 331].

Несмотря на накопленный на сегодняшний день фактический материал и имеющийся опыт его обобщения, ряд важных аспектов изучаемой темы требует уточнения и нового прочтения. Поскольку наше исследование находится в области соприкосновения исторической и педагогической наук, весьма полезным представляется концепт «образовательное пространство», отсутствовавший в дореволюционных и советских нарративах и достаточно широко внедренный в современное гуманитарное знание. Согласно определению российского ученого Р.Е. Пономарева, образовательное пространство представляет собой вид пространства, место, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого выступает приращение индивидуальной культуры [21]. Данное понятие объединяет все объекты и явления, включенные в образовательный процесс и приводящие к освоению человеком или социальной группой ценностей, овладению различными способами мышления, деятельности и поведения. Образовательная среда представлена культурной (знаки, тексты), социальной (взаимодействие между людьми) и природной (естественные и созданные человеком материальные объекты) составляющими. Использование такого категориального аппарата позволяет всесторонне рассмотреть избранный нами предмет исследования в широком социально-культурном контексте. Вместе с тем в рамках одной статьи не представляется возможным охватить весь комплекс проблем, связанных с трансформацией общественных отношений и сопутствующими им изменениями в сфере образования от первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. до конца правления Екатерины II в 1796 г. Следовательно, мы постараемся лишь в самых общих чертах выявить этапы и особенности включения белорусских земель в образовательное пространство Российской империи в отмеченный период.

Основная часть. Для начала отметим, что на этом пути имелись и благоприятные факторы, и существенные преграды. В XVIII в. ключевую роль в Речи Посполитой и в Российской империи играли культурные контакты с Европой и философия Просвещения, в рецепцию которой практически одновременно включились представители

элиты обеих стран. Двойственный характер эпохи, сочетавшей старое и новое, религиозное мировоззрение и светскую культуру [5, с. 161], нарушал монополию церкви в области образования, но не приводил к полной ликвидации её влияния, равно как и не делал светскость равнозначной атеизму. Сторонники новой доктрины остро поставили вопрос о переходе власти над школой в руки государства в целях воспитания просвещенного человека и гражданина, о создании для этого особых высших органов управления, непосредственно подчиненных верховной власти. Под влиянием таких философских воззрений и в Российской империи, и в Речи Посполитой подошли к созданию светской государственной системы образования, но способы её построения существенно различались, прежде всего вследствие отличия исходной базы для новых структур.

Более длительные, прочные связи с Западной Европой и основанные на них традиции имела Речь Посполитая, где на протяжении долгого времени католическая церковь обучала и воспитывала население, выделявшееся довольно высокими культурными потребностями, обусловленными прежде всего многочисленностью шляхетского сословия. Его представители под влиянием исторической традиции и угрозы утраты привилегированного статуса всеми силами стремились к получению знаний, видели в школе источник сведений, необходимых не только в повседневной жизни, но и для сохранения собственной идентичности. Неслучайно наличие образования играло роль специфического маркера, отличавшего бедную беспоместную шляхту от представителей других социальных слоев [4, с. 262, 280; 6, с. 47–48]. Почтение и авторитет у жителей вызывали монументальные здания костелов и монастырей с расположенными в них учебными заведениями, которые определяли характерный облик белорусских городов и других населенных пунктов и являлись неотъемлемым элементом местной образовательной среды. Школы иезуитов, пиаров, доминиканцев, францисканцев, других монашеских орденов и конгрегаций, а также униатского ордена базилиан не зависели от светской власти, самостоятельно распоряжались имуществом, определяли содержание своих курсов, считая религиозно-моральное развитие воспитанников одной из главных задач.

Под влиянием европейского Просвещения Речь Посполитую охватило стремление к изъятию школы из рук церкви, особенно после ликвидации богатого монашеского ордена иезуитов в 1773 г., когда в стране в качестве высшего светского органа управления образованием возникла Эдукационная комиссия. Получив в свое распоряжение имущество упраздненного Ордена, комиссия провела масштабную реформу: основала светские учебные заведения, разработала принципы управления и контроля за их деятельностью, разделила страну на учебные округа, издала в 1783 г. обязательный для всех устав, осуществила первые шаги по созданию трехступенчатой системы образования, внедрила новые программы и пособия, организовала подготовку учителей и определила их обязанности. В результате в центральной и западной части Беларуси было нарушено монопольное положение католической церкви в обучении и воспитании молодежи.

Создавая государственную систему образования, Российская империя пошла по иному пути, поскольку здесь отсутствовало такое богатое церковное наследие, на базе которого можно было бы строить новую школу, как не существовало и антагонизма между духовным и светским просвещением [23, с. 385, 529]. Весомую роль в этом деле сыграла губернская реформа 1775 г. с её идеей взаимосвязи между образованием и социальной опекой, реализуемой посредством Приказов общественного призрения. На данные учреждения, создававшиеся в губерниях в целях поддержки малоимущего городского населения, возлагалось открытие и содержание начальных учебных заведений, сиротских приютов, богаделен, рабочих домов, больниц. Изначально каждому из приказов выделялось по 15 тыс. руб. из государственной казны, дальнейшее их обеспечение осуществлялось за счет средств благотворительности, дотаций городских бюджетов, прибыли от предпринимательства и самостоятельной финансовой деятельности [28, с. 497–498]. Как видим, в империи впервые появился отдельный орган, который отвечал за образование и социальную поддержку на региональном уровне, и, главное, располагал определенной суммой, пусть и не очень большого объема по сравнению с другими статьями расходов на местное управление.

Если реформы в Речи Посполитой происходили при опоре на собственные педагогические традиции, а также под французским влиянием, то в России нашла применение австрийская образовательная модель. Определенную роль здесь сыграло состоявшееся 25 мая 1780 г. на белорусской земле событие – встреча Екатерины II с австрийским императором Иосифом II, о чем она писала позднее: *«Я приехала в Могилев вчера вечером и нашла здесь г. Фалькенштейна¹, который прибыл двумя сутками ранее меня... Мы провели вместе весь вчерашний день... Предметом наших бесед были школы и, судя по тому, что я о них слышала – это отличная выдумка; но для них потребуются искусные учителя»* [30, с. XXXV]. Екатерина II быстро оценила преимущества австрийского опыта и удачно использовала его [7, с. 22–23]. Деятельность в сфере образования в империи перестала носить случайный характер после создания в 1782 г. первого центрального государственного органа для управления этой отраслью – Комиссии об учреждении народных училищ [7, с. 46], и утверждения в 1786 г. Устава народных училищ, согласно которому в губернских городах начали открываться главные народные училища, а в уездных – малые народные училища. Подобная двухступенчатая структура связывала воедино разные типы учебных заведений, закладывала определенные принципы построения обучения и воспитания, впервые вводила бессловную и бесплатную общеобразовательную школу вместо прежней сословной и профессиональной [7, с. 24]. Правда, в отличие от системы Эдукационной комиссии, состоявшей из трех ступеней, в подчинении Комиссии об учреждении народных училищ находились только средние и низшие учебные заведения. Общественный запрос на образование в империи был несколько ниже, чем в соседней стране, поэтому становление его светской модели проходило

¹ Австрийский император Иосиф II посетил Могилев под именем графа Фалькенштейна.

прежде всего под влиянием практических потребностей государственного управления с учетом необходимости преодоления сопротивления новациям со стороны в массе своей достаточно инертного населения. Одним из главных достижений реформы стало постепенное внедрение в сознание элиты понимания важности осуществления профессиональной подготовки на фундаменте предварительного освоения знаний по разным предметам. Подводя итог нашей краткой сравнительной характеристики Российской империи и Речи Посполитой, еще раз подчеркнем, что, несмотря на специфические условия и методы адаптации западноевропейского культурного опыта, в конце XVIII в. они двигались в одном направлении – создания сети светских государственных учебных заведений.

Включение восточно-белорусских земель в состав империи после первого раздела Речи Посполитой положило начало первому этапу интеграции в российское образовательное пространство. Здесь властям пришлось столкнуться с серьезным вызовом – особой образовательной средой с доминированием польского языка и культуры, спецификой конфессиональной ситуации, прохладным или даже враждебным отношением местного населения. Изначально Екатерина II довольно благосклонно посмотрела на монашеские учебные заведения, которые, по её мнению, могли принести определенную пользу, и проявила настороженность лишь к иезуитам в именном наказе от 28 мая 1772 г. генерал-майорам М.В. Каховскому и П.Н. Кречетникову: «*Вы за сими наипаче недереманно смотрите имеете, яко за коварнейшими из всех прочих Латинских орденов*» [19, с. 509]. Однако в последующем она изменила своё мнение во многом под влиянием торжественной встречи во время пребывания в Полоцке в 1780 г., когда императрица посетила иезуитский костел, монастырь и коллегиум [27, с. 11–12]. Последний принадлежал к числу богатейших и размещался в большом здании с просторными, светлыми, чистыми классами и обширной библиотекой [13, с. 97]. Добившись высочайшего покровительства, иезуиты смогли сохранить и преумножить свою учебно-материальную базу – постройки, земельные владения с крестьянами, промышленные предприятия и другое имущество. Полученные благодаря расположению Екатерины II налоговые льготы [20, с. 892] и иные привилегии вызвали наплыв представителей этого Ордена из-за границы сначала в Полоцк, а затем в западную часть Российской империи. Финансовая и материальная независимость, разносторонний педагогический опыт, обеспеченность преподавательскими кадрами позволяли привлекать большое количество учеников, в том числе детей бедных родителей, предоставляя им бесплатное проживание. В свою очередь, влияние иезуитов помогло сломить сопротивление со стороны католического духовенства, не желавшего приносить присягу императрице.

На приобретенной после первого раздела территории власти стремились направить деятельность образовательных учреждений на внедрение в сознание населения убеждения в неизбежности присоединения к империи, чтобы сделать тем самым знание русского языка, истории и географии насущной необходимостью, постепенно пополнять знания учащихся за счет элементов российского национально-государственного характера. В связи с этим всем монашеским орденам пришлось перестроить свою просветительскую активность с учетом требований имперской администрации относительно сближения организации обучения с положениями Устава народных училищ 1786 г., предоставления учащимся возможности освоения русского языка. В то же время монахам не следовало забывать и о местных жителях, их возможном отказе отдавать своих детей на воспитание в случае слишком радикального отступления от традиций. Наиболее охотно навстречу пожеланиям властей пошли представители иезуитского ордена – исключили из своих программ такие не соответствовавшие самодержавному строю дисциплины, как естественное и политическое право, государственная экономия; ввели русский язык; начали преподавать историю, геометрию, архитектуру по русскоязычным пособиям [13, с. 37–39]. В отличие от иезуитов, остальные монашеские ордена не торопились вносить изменения в привычный ход учебного дела. Исключение составили базилиане с их ежедневными утренними занятиями по русскому языку, а также пиары и доминиканцы, которые преподавали его для желающих в качестве иностранного, а историю и географию России затрагивали фрагментарно и излагали по-польски [26, с. 54].

Определенные подвижки в деятельности учебных заведений, полученных в качестве наследия Речи Посполитой, сопровождалась появлением на восточных белорусских землях учреждений образования принципиально нового типа с обучением на русском языке – главных народных училищ в Могилеве и Полоцке, которые начали работу в 1789 г. Для обеспечения связи с обществом, поддержки чиновников и дворянства их попечителями становились губернаторы, смотрителями избирались влиятельные жители городов, в характерной для екатерининского правления манере устраивались пышные церемонии, открытые уроки и экзамены [7, с. 28]. Организаторы этих очагов просвещения гибко учитывали специфику местной конфессиональной ситуации, чтобы не втягивать школу в возможные конфликты на национально-религиозной почве [15, с. 299]. Например, в Могилеве 28 марта 1789 г. в ознаменование основания главного народного училища после раздельного католического и православного праздничного богослужения состоялась торжественная процессия во главе с Могилевским и Полоцким генерал-губернатором П.Б. Пасеком, православным епископом Георгием Конисским и католическим епископом С. Богуш-Сестренцевичем [29, с. 44–48]. По аналогичной схеме 15 апреля 1789 г. прошло открытие главного народного училища в Полоцке. В этот день, чтобы засвидетельствовать благодарность «за Ея Императорского величества попечение о просвещении народа», всенощные бдения и литургии совершило униатское и римско-католическое духовенство. Затем на церемонии в присутствии губернатора, высшего чиновничества, местного духовенства, представителей дворянства, купечества, мещанства выступили учителя, торжество завершилось вечерним фейерверком [17, л. 1, 19–21; 27, с. 78–83].

Поддержанию авторитета новых образовательных учреждений должны были способствовать регулярные визиты представителей местной власти – генерал-губернаторов, губернаторов, чиновников Приказа общественного

призрения и других органов. В соответствии с Уставом народных училищ два раза в год (в июне и декабре) проходили публичные экзамены с произнесением приветственных речей и декламацией стихов, сочинённых не только учителями, но и учениками. Архивный источник подробно описывает подобное мероприятие в Полоцке 4 декабря 1789 г. в присутствии Могилевского и Полоцкого генерал-губернатора П.Б. Пассека и правителя Полоцкого наместничества А.М. Лунина. После прочтения торжественного поэтического произведения учителем И. Сокольским начались испытания воспитанников народного училища по чтению и письму на русском и латинском языках, сведениям из сокращённого катехизиса и Священной истории, начальным основаниям арифметики. Затем от лица всех учащихся из уст М. Лунина прозвучали слова благодарности: *«Меня учат дома. Но отец мой и мать моя отпускают меня сюда, чтобы я видел и слышал все, что таким же маленьким сказывают, и я люблю сюда ходить и учиться вместе. Почему за себя и за товарищей моих благодарю, что вы сюда пожаловали. Не оставляйте нас и впредь своею милостью, а мы учиться рады»* [17, л. 9]. Учитель А. Змеев состоявшийся экзамен расценил как проявление долга учительской корпорации перед начальством, родителями учеников и обществом, которые вправе требовать отчета в «наставлении юношества», и попросил снисходительного отношения к первым ещё несовершенным результатам обучения, связанным с «краткостью употребленного времени» [17, л. 9об. – 10]. В заключение Могилевский и Полоцкий генерал-губернатор П.Б. Пассек высказал свою положительную оценку: *«Труды учителей сего народного училища по успехам учащихся действительно соответствуют сему полезному заведению»* [17, л. 11об.]. По итогам мероприятия лучшие ученики получили в награду книги, директор и учителя удостоились благодарности, что должно было вести к увеличению числа лояльных подданных самодержавия на восточно-белорусских землях. Сходные цели преследовало изучение в Полоцком главном народном училище территории империи (границ, гор, озёр и рек); населявших её народов (армянского, чухонского, турецкого, татарского, монгольского и другого происхождения); торговли; разделения на наместничества [17, л. 15].

Подобное содержательное наполнение обеспечивали учителя, выходцы из внутренних российских губерний, собственные выпускники либо воспитанники Могилевской духовной семинарии. Стабильное замещение преподавательских должностей всё же составляло одно из главных затруднений, так как удовлетворению образовательных запросов местного населения особенно препятствовала нехватка учителей польского, немецкого и латинского языков. Например, настоятельной потребностью полочан, которые ездили за товарами в Ригу, Кёнигсберг и Лейпциг, являлось умение говорить по-немецки. Преподавателя этого предмета в Полоцком главном народном училище с определенными сложностями удалось найти в лице выходца из Гамбурга К. Миллера [29, с. 39–41]. А для обучения польскому языку Приказу общественного призрения в поисках достойного кандидата пришлось даже обратиться за помощью к иезуитам, порекомендовавшим выпускника Полоцкого коллегиума, «уроженца белорусского» И. Стрелковского [17, л. 1–2]. Если во внутренних российских губерниях отсутствие учителей иностранных и классических языков в народных училищах не представляло особой проблемы, то на присоединённой территории отмеченное обстоятельство свидетельствовало не в пользу властей, ведь иезуитские коллегиумы без труда обеспечивали преподавание данных предметов силами квалифицированного учительского персонала [15, с. 331].

Наряду с католическими и униатскими учебными заведениями, главными и малыми народными училищами на белорусских землях после первого раздела создавались частные пансионы светских лиц, начальные школы православного духовенства. Все они имели собственные источники обеспечения и схемы управления. Примером подобного разнообразия может послужить Полоцк конца XVIII в., по меркам того времени довольно крупный культурно-просветительский центр, где располагались иезуитский коллегиум, главное народное училище, гарнизонная школа для солдатских детей, пансион благородных девиц [17, л. 12]. Естественно, наличие такого широкого спектра учреждений создавало почву для конкуренции между ними, предоставляя местному населению возможность выбора.

В итоге мы видим, как создаваемые имперской администрацией главные и малые народные училища с большим трудом отвоевывали свою нишу в образовательном пространстве, хотя и не можем отрицать, что их открытие знаменовало собой появление в восточных белорусских землях в полном смысле слова государственных школ с назначенным властью руководящим и учительским составом, с русскоязычными учебными материалами [9, с. 319]. Вполне предсказуемо реформу на основании Устава 1786 г. приветствовало православное население (российские чиновники, офицеры, духовенство, небогатые городские жители). Одновременно она встретила прохладное отношение со стороны местной белорусской шляхты с её приверженностью польской культуре и традицией отправлять своих детей на обучение к монахам, между которыми, в свою очередь, наблюдалось соперничество (при этом ни пиары, ни базилиане, ни другие ордена вследствие ограниченности материальных ресурсов не смогли обеспечить своим школам положение, сравнимое с богатыми иезуитскими коллегиумами).

После второго и третьего разделов Речи Посполитой начался этап интеграции центральных и западных белорусских земель в образовательное пространство Российской империи, когда в центре внимания оказалась судьба светских школ, созданных Эдукационной комиссией взамен принадлежавших ранее иезуитам. В первых правительственных инструкциях для местных властей указывалось на недостатки их организации, связанные с нехваткой собственных помещений, квалифицированных учителей, пособий, что отчасти соответствовало действительности, поскольку политическая и военная нестабильность в последние десятилетия существования Речи Посполитой существенно затрудняла серьёзную и последовательную работу по совершенствованию образования. Оказавшись в составе другого государства, учебные заведения попали в зависимость от генерал-губернаторов, военных и гражданских губернаторов и Приказов общественного призрения, однако их непосредственные

руководители не всегда могли определиться, стоит ли исполнять требования российских чиновников или же руководствоваться установленными в предшествующий период правилами [12, с. 37].

Способы управления образованием несколько отличались в центральной и западной частях Беларуси. В Минской губернии бывшие школы Эдукационной комиссии перешли в подчинение Приказов общественного призрения и получили в свое распоряжение доходы от иезуитских имений. Тем не менее новые административные органы не успели начать их коренное переустройство и ограничились введением русского языка. В Литовской и Гродненской губерниях, где отсутствовали Приказы, российские власти для контроля за деятельностью образовательных учреждений основали временную комиссию в Вильне, в распоряжение которой поступило также высшее учебное заведение – Главная Литовская школа. Из ведения последней изымались все ранее подчинявшиеся ей школы низшей и средней ступени (до конца царствования Екатерины II они фактически продолжали действовать на прежних основаниях, но под властью Литовского генерал-губернатора), что лишило образовательный центр в Вильне прежнего влияния на общество [9, с. 344].

На восточных белорусских землях после второго и третьего разделов в качестве средоточия русской культуры и просвещения выступали главные и малые народные училища, частные пансионы, начальные школы православного духовенства, однако их развитие по-прежнему усугублялось соперничеством с католическими и базилианскими монашескими учебными заведениями, обладавшими устойчивыми традициями, популярностью, богатой материальной базой.

Заключение. Итак, в эпоху разделов Речи Посполитой белорусские земли оказались в составе Российской империи, власти которой начали постепенно изменять местную образовательную среду, включая население присоединенных территорий в собственное образовательное пространство. На первом этапе данного процесса (1772–1792 гг.) происходила адаптация католических и униатских учебных заведений Восточной Беларуси к потребностям государственного и общественного строя империи, и параллельно шло создание главных и малых народных училищ с обучением на русском языке. Второй этап (1793–1796 гг.) был связан с интеграцией центральных и западных белорусских земель, в том числе путем проведения комплекса мероприятий относительно бывших светских школ Эдукационной комиссии. Успешному сближению препятствовали: нестабильная общественно-политическая и военная обстановка; осторожное отношение местных жителей; перманентные административные реорганизации; нехватка финансовых средств, управленческих и педагогических кадров; отсутствие опыта решения подобных задач. Поэтому большая часть учебных заведений сохраняла свои прежние особенности.

Вместе с тем можно констатировать, что появление в образовательной среде присоединенных территорий элементов новых общественных отношений, ценностей, символов исподволь вело к перестройке мышления и деятельности населения, которое посредством школьного обучения и воспитания приспособлялось к условиям существования в другом государстве, получало навыки освоения информации через русскоязычные тексты, приобретало дополнительный канал ознакомления с идеями европейского Просвещения. В свою очередь, имперское образовательное пространство усложнилось и обогатилось за счет приобщения к самобытному педагогическому наследию Речи Посполитой, приобретения управленческого опыта в сфере создания светских учебных заведений разного уровня в поликонфессиональном и полиэтническом обществе. В конечном итоге это оказало заметное влияние на дальнейшее формирование системы образования Российской империи в последующий период и способствовало приращению её культурного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі. Са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў, У.С. Пасэ, Г.Р. Сянькевіч і інш.; Пад. рэд. М.А. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
2. Белецкий А.В. Заботы императрицы Екатерины II о распространении образования в Полоцкой и Могилевской губерниях. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1905. – 62 с.
3. Блинова Т.Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2002. – 425 с.
4. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / пер. с фр. М. Крисань. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1008 с.
5. Всемирная история: В 6 т. – Т. 4: Мир в XVIII веке. Гл. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Наука, 2013. – 787 с.
6. Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 47–48.
7. Довнар-Запольский М.В. Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906. – 47 с.
8. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.
9. Жукович П. Школьное дело в Западной России в царствование Екатерины II // Журнал министерства народного просвещения. – 1915. – № 12. – С. 296–344.
10. Зянюк Р.У. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.). – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 299 с.
11. Илюшин И.М., Умрейко С.А. Народное образование в Белорусской ССР. – Минск: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения БССР, 1961. – 437 с.
12. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803 г.–1832 г. Отдел 1: 1803 г. – 1812 г. / сост. Ю.Ф. Крачковский. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1905. – 566, XIV, IV с.
13. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803 г. – 1832 г. Отдел 3: Учебные заведения Витебской и Могилевской губерний в 1803–1832 гг. / сост. А. Белецкий. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1906. – 147 с.

14. Куль-Сяльверстава С.Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. – 1820-я гг.). – Минск: БДУ, 2000. – 265 с.
15. Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность / пер. с нем. А.И. Савина. – М.: Полит. энцикл., 2018. – 613 с.
16. Лаврович А.П. Развитие теории и практики школьного дела Беларуси в эпоху Просвещения (1772–1832 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Минск, 1998. – 20 с.
17. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3175. Оп. 1. Д. 1.
18. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 621 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ). – Т. 19 (1770–1774). – № 13808. – С. 507–511.
20. ПСЗРИ. Т. 19 (1770–1774). – № 14102. – С. 892.
21. Пономарев Р.Е. Образовательное пространство: проблемы, теория, проектирование [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2024. – URL: // https://vk.com/doc438350550_675327242 (дата обращения: 23.01.2025).
22. Поссе В.С. Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1963. – 18 с.
23. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Том первый. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. – 680, 42 с.
24. Самусік А.Ф. Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у сямідзесятых гадах XVIII – трыццатых гадах XIX стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. – Мінск, 1998. – 18 с.
25. Самусік А. Русіфікацыя сістэмы асветы на беларускіх землях у апошняй трэці XVIII – другой палове XIX ст. // Гістарычны альманах. – Т. 14. – Гародня, 1998. – С. 48–93.
26. Самусік А.Ф. М. В. Доўнар-Запольскі аб праблеме станаўлення свецкай сістэмы асветы на беларускіх землях // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Рэчыца, 14–15 ліст. 2007 г.: [да 140-годдзя з дня нараджэння М. В. Доўнар-Запольскага]: у 2 ч. / рэдкал.: В. М. Лебедзева (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2008. – Ч. 1: М. В. Доўнар-Запольскі: жыццё і навуковая спадчына. – С. 175–182.
27. Сапунов А.П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. – Полоцк: Издатель Л. Ф. Данько, 1997. – 30 с.
28. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская і інш.; рэдкал.: В.В. Даніловіч і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2020. – 684 с.
29. Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 1: Учебные заведения в западных губерниях до учреждения виленского учебного округа 1783–1803. – СПб.: Изд-е Мин-ва нар. просвещения, 1893. – LX с., 896, 142 стб.
30. Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из архива Министерства народного просвещения. Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях 1805–1807. – СПб.: Изд-е Мин-ва нар. просвещения, 1898. – XXXVII [2] с., 1186, 200 стб.

Поступила 13.12.2024

INCLUSION OF THE BELARUSIAN LANDS INTO THE EDUCATIONAL SPACE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE ERA OF PARTITIONS OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH

N. NOVIK

(The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article shows the features of the inclusion of educational institutions of the Belarusian lands in the educational space of the Russian Empire in the era of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the difficulties in implementing the educational policy of the imperial authorities after the annexation of new territories at the end of the XVIII century. The main and small public schools created to expand Russian influence in the east of Belarus occupied a certain niche in the field of education, but could not displace competing Catholic educational institutions due to weak financial security. As a result, at the turn of the XVIII–XIX centuries, two groups of educational institutions coexisted on the Belarusian lands included in the Russian Empire: on the one hand, educational institutions created on the all-Russian model with instruction in Russian; on the other hand, various Catholic schools that preserved the traditions of the times of the Polish-Lithuanian Commonwealth and poorly integrated into the imperial educational space.

Keywords: *educational space, educational policy, the age of Enlightenment, Jesuits, secular education, major and minor public schools.*

УДК 281.93

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-21-26

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИЕПИСКОПА ПОЛОЦКОГО И ВИТЕБСКОГО ВАСИЛИЯ (ЛУЖИНСКОГО),
НАПРАВЛЕННАЯ НА ПОДДЕРЖКУ ЕДИНОВЕРЧЕСТВА****П.М. САФРОНОВ***(Республиканский институт высшей школы, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1747-4790>

В настоящей работе раскрывается деятельность архиепископа Полоцкого и Витебского Василия в единоверческом движении XIX века. Архиепископ Василий является не только сторонником и активным деятелем воссоединения униатов, но и успешным миссионером в преодолении старообрядческого раскола. В работе использованы архивные источники, воспоминания архиепископа Василия и исследования современных отечественных историков, что позволяет в наиболее полной мере оценить вклад данного религиозного деятеля в процесс преодоления раскола в Полоцкой епархии. Проанализированные документы указывают на то, что деятельность архиепископа по организации процесса перехода старообрядцев в единоверие и присоединения к православию была достаточно успешной. Кроме того, он многое сделал для восстановления православия в данном регионе после долгих лет упадка в условиях унии.

Ключевые слова: Полоцкая епархия, старообрядцы, раскольники, единоверие, единоверческие приходы.

Введение. Опыт миссионерской работы с многоконфессиональным населением в территориально крупной Полоцкой епархии до сих пор значим для современной Церкви. Преодоление конфессиональных конфликтов для общества и государства во все времена является одним из приоритетных направлений политики.

Территория Полоцкой епархии была наиболее густо населена старообрядцами относительно остальных белорусских земель в составе Российской империи. Вышедшие указы правительства и Русской Православной Церкви начала XIX в. в отношении борьбы с раскольниками и присоединения их к православию на правах единоверия здесь были затруднены процессом воссоединения униатов. В связи с этим деятельность архиепископа Полоцкого и Витебского Василия (Лужинского) представляет значительный интерес. Один из лучших исследователей истории непростого процесса воссоединения греко-католиков с Православной Церковью, протопресвитер Георгий Шавельский, который в 1910 г. защитил диссертацию на тему «Последнее воссоединение униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.)», так описал роль полоцкого архиерея Василия в этом процессе: «Преосвященный Василий мыслится, прежде всего, как “воссоединитель”. В этом слове заключается всё его значение и для Белорусской епархии, которой он управлял в течение 33 лет, с 1833–1866 г., и для истории» [1, с. 17–19]. К деятельности архиепископа Полоцкого и Витебского Василия (Лужинского) по воссоединению униатов с Православной Церковью позднее обращались в своих исследованиях белорусские историки В.А. Теплова, С.В. Морозова, А.С. Хотеев [2; 3]. Тем не менее, такой аспект деятельности архиепископа Василия, как работа со старообрядцами, направленная на воссоединение их с православной церковью путем присоединения к православию или устройства единоверческих приходов, не нашел должного отражения в историографии.

Цель статьи – раскрыть деятельность архиепископа Полоцкого и Витебского Василия (Лужинского), направленную на поддержку единоверчества.

Основная часть. В 1833 г. было решено восстановить Полоцкую православную епархию, которая была отторгнута у православной церкви греко-католиками при образовании в 1596 г. унии. На восстановленную епископскую кафедру 30 апреля 1833 г. Высочайше утвержденным докладом Синода был поставлен викарий Санкт-Петербургский, епископ Ревельский Смарагд (Крыжановский). Он стал носить титул «епископ Полоцкий и Виленский» [4, с. 31–33]. Пределы епархии были весьма обширными и включали в себя территорию Витебской, Виленской и Курляндской губерний. На такой значительной территории в начале 1834 г. в епархии насчитывалось чуть более 100 церквей и 6 монастырей. В Полоцке не хватало священников, не было православного духовного училища, в храмах же была такая бедность, что не представлялось возможным совершать богослужение [5, с. 44]. В июне 1836 г. православный епископ Полоцкий и Виленский Смарагд был возведен в сан архиепископа. Он был сторонником частного присоединения униатов к православию. В это время униатский епископ Оршанский, викарий Белорусского архиепископства, Василий (Лужинский), формально оставшийся в унии, был сторонником общего, массового, соборного воссоединения через осторожное внутреннее преобразование самой униатской церкви. Между архиепископом Смарагдом и епископом Василием Лужинским возник серьезный конфликт. Преосвященный Смарагд написал несколько жалоб. В июне 1837 г. он был заменен более осторожным епископом Исидором (Никольским), который содействовал укреплению положения Православия в Полоцкой епархии. После кончины униатского митрополита Иосафата Булгака в 1838 г. в управление Белорусской униатской кафедрой был назначен епископ Василий (Лужинский). Вместе с Иосифом Семашко и Антонием Зубко он довел дело воссоединения униатов Белорусской и Литовской епархий до конца [1, с. 46]. В апреле 1840 г. епископ Исидор перемещается на Могилевскую кафедру, а управление Полоцкой епархией принимает епископ Василий (1840 – 1865 гг.)¹.

¹ URL: <https://www.pravenc.ru/text/674896.html>.

Белорусский историк Геннадий Шейкин в историко-статистическом обозрении Полоцкой епархии высказывает мысль о том, что с епископа Василия (Лужинского) начинается череда Полоцких епископов, главной целью которых было восстановление древних Полоцких святынь, возведение храмов и укрепление церковной жизни, устройство надлежащей системы духовного и общего образования [5, с. 49].

Архиепископ Василий (в миру Бенедикт Стефанович Лужинский) по происхождению был белорусом, сын униатского священника, настоятеля Староруднянской церкви Рогочевского уезда Могилевской губернии. В предисловии от редакции «Записок» архиепископа Василия, изданных Казанской духовной академией в 1885 г., имеются рассуждения о времени рождения Василия (Лужинского). Издатели сообщают о том, что в предисловии к своим Запискам, написанным в конце 1866 года, он называет себя 78-летним старцем, поэтому время его рождения надо отнести к 1788–1789 годам [6, с. 12]. Современные исследователи обозначают годом рождения архиепископа Василия (Лужинского) – 1791 г. [3]. После смерти отца, ещё совсем в юном возрасте мать отдала Бенедикта на воспитание двоюродному брату, католическому помещику Кельчевскому из Белецкого уезда. Дядя юноши тоже умер, и он вошёл в число воспитанников Полоцкой семинарии, расходы за обучение которых оплачивались полоцким униатским архиепископом. Мировоззрение юноши формировалось в разных культурах, поэтому, будучи приверженцем и ревнителем греко-восточной богослужебной традиции, он всегда с пониманием и должным терпением относился к отличиям в обрядах и искажённому учению католиков и иных конфессий [3]. С 1807 по 1812 гг. Василий обучался в униатской Белорусской духовной семинарии г. Полоцка. Затем были вынужденный перерыв в связи с военными действиями 1812 г. и продолжение обучения в Полоцком иезуитском коллегиуме. Таким образом, в Полоцке Лужинский стал кандидатом философии. Для получения степени кандидата богословия в 1816 г. он поступает в Главную семинарию при Виленском университете. Приобретя хорошее образование и защитив степень доктора богословия в ноябре 1825 г., Василий (Лужинский) за время учебы был рукоположен во иерея-целибата и смог продвинуться в карьере, став ассессором греко-униатской коллегии [3].

После смерти униатского архиепископа Иакова Мартусевича в апреле 1833 г. Василий (Лужинский) был командирован в Полоцк для управления Белорусским архиепископством. Именно в этот период он проявил себя как активный деятель в процессе подготовки воссоединения униатской Церкви с Православием, став сподвижником униатскому епископу Мстиславскому Иосифу (Семашко). Дав подписку о готовности принять православие, 28 января (9 февраля по н.ст.) 1834 г. его рукополагают во епископа Оршанского, викария Белорусского униатского архиепископства. Церковный историк А.С. Хотеев определяет период в биографии Василия (Лужинского) начиная с отъезда из Петербурга в Полоцкую епархию как апостольское служение. Приступив к исполнению должностных поручений, он старался много и часто посещать белорусские приходы. С 1833 по 1834 год он произвел обозрение Белорусской духовной консистории и епархиальной семинарии, также всех монастырей и до двухсот важнейших приходских церквей [4, с. 249]. Во время посещения приходов он разговаривал с паствой о необходимости отказа от унии, убеждал духовенство и брал от них подписки о готовности принять Православие. В тексте одной из подписок, приведенных архиепископом Василием в своих «Записках», говорится о готовности присоединиться к Православной Восточно-Кафолической Церкви, но с сохранением права брить бороду и стричь на голове волосы, носить униатскую священническую одежду и оставаться на занимаемом ныне священническом месте. Право брить бороду в подписке прописано по причине презрительного отношения к православному духовенству, которые по византийскому обычаю имели длинные бороды и, в противовес западной традиции, их называли «жидом смердячим», «козлом» и «кацапом бородатым», и «пугалом» [6, с. 73].

На этом примере можно проследить подход Василия (Лужинского) к плавному воссоединению. Изначально согласиться на определенные условия, а потом постепенно их изменить, изжить или даже запретить. Так в ноябре 1845 г. архиепископ Полоцкий и Витебский Василий издает Указ Полоцкой духовной консистории «Об отращивании духовенством волос по правилам древнеправославной церкви», в котором говорится: «Всему воссоединённому духовенству за отращивание бороды объявить от Консистории архипастырскую признательность и благословение, а остальным прочим благочинным потребовать к 1 числу января 1846 года донесений, с подробным показанием, сколько в каком благочинии священнослужителей с православными бородами, сколько отращающим оные, и сколько безбородых не желающих отрастить бороды, и придерживающихся немного пустому прежнему обычаю, не свойственному греко-восточной церкви – брить бороды и стричь волосы на голове»².

Эффективной стала практика архиерея совершать визиты в приходы епархии. Много пользы приносили архиерейские службы. Прихожане отдаленных храмов отвыкли от таких мероприятий и охотно посещали торжественные богослужения с участием архиепископа. В свою очередь глава Полоцкой епархии понимал, как можно привлечь внимание местного населения: он давал распоряжения духовной консистории организовать посещение определенного прихода с указанием звонить в колокола и готовиться к визиту. Так, в «Деле о ревизии архиепископом Василием церковей благочиния» за 1846–1847 гг. содержится руководство, адресованное полоцкому благочинному протоиерею Юркевичу, к подготовке поездки, где указан маршрут следования архиерея и места остановки, сопровождение, встреча колокольным звоном и выводы поездки. В выводах есть рекомендации воссоединенным священникам о необходимости следовать традициям греко-восточной православной церкви³.

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3278. Оп. 1. Д. 98. Л. 1 – 1 об.

³ НИАБ. – Ф. 3278. Оп. 1. Д. 119.

Весной 1851 г. архиепископ Василий написал в Синод сообщение о том, что сорок четыре домохозяйства (178 мужчин и 152 женщины) из крестьян-раскольников (поповцев) Невельского уезда Витебской губернии обратились к нему с просьбой принять их с семьями в число чад истинной Церкви на правах единоверчества по примеру недавно принявших единоверие собратий их в городе Динабурге и исходатайствовать у монарха постройки для них в деревне Лутне церкви за счет казны. На это представление последовал приказ присоединить раскольников к единоверию и представить проект церкви [4, с. 116, 117].

В письме от сентября 24 дня 1852 г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову архиепископ Василий пишет: «между прочим сообщаю Вашему Сиятельству, что <...> несколько раскольников беспоповского толка из пахотных солдат Динабургского уезда, находясь под впечатлением службы, совершенной мною по старопечатным книгам в городе Динабурге по случаю освящения единоверческой церкви, просили и у себя устроения единоверческой церкви» [4, с. 120]. Далее архиепископ приводит доводы о пользе устроения единоверческой церкви как для раскольников, так и для православных прихожан, охладевших к православию и посещающих службы старообрядческие. Он пишет о том, что к таким выводам пришел, наблюдая за ситуацией и общаясь с православными священниками и раскольническими наставниками.

В «Записках» архиепископ пишет, что, задумавшись о миссионерской деятельности среди старообрядцев он около четырех лет сближался и дружил с наставниками, поставив цель изучить их учение, понять характер, дух, влияние на верующих. Он часто встречался и беседовал с раскольническими наставниками и ставил перед собой цель сделать их помощниками в ослаблении и устранении раскола, о чем писал в рапорте Святейшему Правительствующему Синоду в ноябре 1853 г. [4, с. 129]. Архиепископ часто бывал в раскольнических слободах и моленных, где его встречало общество со свечами и хлебом-солью. В моленных он поклонялся иконам, рассматривал книги и, помолвившись, переходил в дом наставников. Там они общались в обстановке братской любви, исполняя тем самым намерения привлечь их сначала к себе, а потом к единоверию. Далее архиепископ Василий пишет: «Так пользуясь и их любовью к себе, и искренней ревностью генерал-губернатора князя Галицина о распространении между населением раскольников единоверия, при мудром содействии мне в этом святом деле со стороны Его Сиятельства, я и присоединил 1851 и 1852 годов из раскола к единоверию поповщинского и беспоповщинского толков шесть наставников и пять тысяч душ населения Витебской губернии сектантов их. Построено потом единоверческих для них церквей от щедрот монарших по моему ходатайству новых три, одна каменная великолепная в городе Полоцке, а две деревянные в местечке Краславке Динабургского уезда и в селе Лютне Невельского уезда; две церкви устроены из моленных, именно: в городе Витебске каменная, а в городе Динабурге деревянная. Все церкви я сам по их просьбам и освящал архиерейским священнодействием по старопечатному Потребнику Патриарха Московского Филарета, также рукополагал священников и диаконов; часто совершал я в оных, пользуясь случаем, и Божественные литургии с самым строгим соблюдением старых обрядов и обычаев, также по сказанному старопечатному Служебнику» [6, с. 174].

Интересным источником для изучения жизни и деятельности архиепископа Полоцкого и Витебского Василия (Лужинского) являются его «Записки», опубликованные в 1881 г. Автор является не только современником воссоединения униатов с православной Церковью, но и активным участником событий, что делает данный документ уникальным источником по истории конфессий Беларуси. Современными исследователями выявлен факт появления неточностей в автобиографическом произведении. Автор допускает хронологические неточности в воспоминаниях, что могло произойти из-за воспоминаний сорокалетней давности, воспроизводимых по памяти. Василий (Лужинский) критически высказывается о соратниках в деле воссоединения униатов при этом умалчивая о своих неудачах. Прослеживается некоторое преувеличение успехов полоцкого архиерея, в том числе в миссионерской деятельности среди старообрядческих раскольников [6, с. 6].

Критикой деятельности архиепископа Василия (Лужинского) можно считать документы, приведенные белорусским историком А.А. Горбацким в исследовании «Старообрядчество на белорусских землях», где он анализирует рапорт полоцкого земского исправника витебскому гражданскому губернатору, в котором содержалась жалоба на архиепископа Полоцкого и Витебского Василия. Автор рапорта ставил под сомнения число присоединенных раскольников и критиковал заслуги церкви и священства в их работе со старообрядцами. Земский исправник писал о насильственных методах присоединения. Исправник сообщает, что по причине завышенных архиепископом цифр присоединенных старообрядцев к единоверию были выделены большие деньги на строительство единоверческой церкви, в которую никто добровольно ходить не хочет, а прихожан иногда на молитву приводят насильно [7, с. 150]. Архиепископ Василий пишет, что такой успех в присоединении старообрядцев к единоверию вызвал недовольство в среде помещиков католической веры, которые всякими бесчестными вымыслами и клеветой старались оклеветать его и генерал-губернатора Голицина. Против чести православного архиерея, при тайном содействии некоторых административных лиц губернского начальства и жандармерии, применялись самые гнусные средства [6, с. 175].

Но были и случаи конфликтных ситуаций в отношениях со старообрядцами Полоцкой епархии. Так, например, А.А. Горбацкий в своем исследовании приводит пример, описанный в архивном документе, о встрече в имении Ловаж помещика Реута Полоцкого уезда (сельцо Ловожь (также Ловжа, Ловаж) являлось центром Ловожской волости (сейчас Ловжанский сельсовет Шумилинского района Витебской области)). На той встрече присутствовали представители одной стороны – 32 старообрядца, купцы и мещане, из числа прихожан и другой стороны – представитель генерал-губернатора по особым поручениям и единоверческий священник Фёдор Попов.

Цель встречи – склонить старообрядцев перейти в единоверие. Старообрядцы смело и уверенно отвечали категорическим непримиримым отказом от единоверия. Встреча закончилась стычкой, арестом и разбирательством комиссии, которая потребовала освободить старообрядцев [7, с. 148].

Полоцкий архиерей видел решением преодоление раскола мирным путем, постепенно решая острые вопросы с представителями старообрядчества. Над всеми старообрядцами, присоединенными к единоверию, архиепископ сам совершал таинство миропомазания. Священнослужителей рукополагал из среды старообрядцев, бывших наставников или начотчиков, избранных единоверческим обществом. За такие результаты в миссионерской деятельности архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (Лужинский) был отмечен благодарностью от Святого Синода и 8 августа 1851 г. императором Николаем Павловичем награжден орденом Святого благоверного князя Александра Невского.

В постройке новых единоверческих церквей в местах, где живет много раскольников с православными, архиепископ Василий видел миссионерский смысл в мерах по обузданию и распространению раскола [4, с. 192].

По отчетным документам, находящимся в Национальном историческом архиве Беларуси, прослеживается это стремление полоцкого архиерея. Так, например в «Ведомости о приходе» в Полоцке за 1910 г. говорится о том, что в 1852 г. освещена Свято-Духовская Единоверческая церковь в Полоцке⁴. «Отчет архиепископа Полоцкого и Витебского о состоянии епархии за 1860 г.» сообщает, что с 1851 по 1859 год возникло 7 единоверческих церквей. К единоверию пришли 6 наставников и 4 тысячи раскольников⁵. Архиепископ Полоцкий и Витебский Василий в «Отчете о состоянии Полоцкой епархии за 1859 год» пишет: «В 1859 году я обозрел в 6 уездах 105 церквей. <...> Крайне необходимо построить 36 церквей и исправить 170» [4, с. 189]. Более полная информация содержится в «Отчете о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год» в разделе «О состоянии единоверия, силе и духе раскола в Полоцкой епархии»: «Всего 7 единоверческих церквей; всего штатного единоверческого духовенства – 36 <...>; паства: 1974 мужчин и 1994 женщин <...>; религиозное состояние единоверцев похвальное» [4, с. 244]. В «Отчете о состоянии Полоцкой епархии за 1863 год» в разделе «Состояние иноверия и раскола» говорится об опасности за целостность приходов Динабургского и Режицкого уездов и принятых мерах: «Для противодействия раскольнической пропаганде при каждой единоверческой церкви открыты школы для бесплатного обучения единоверческого и раскольнического юношества по книгам, присланным из Синода в 1861 году. Число учащихся составляет 80 человек» [4, с. 259].

Российский исследователь К.Я. Кожурин подробно описал деятельность архиепископа Василия, опираясь на данные Государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Имеющиеся в архиве донесения архиепископа позволяют проследить его деятельность, инициативы и предложения в работе среди старообрядцев Витебской губернии. 28 июля 1853 г. архиепископ Василий получает из Святейшего Правительствующего Синода совершенно секретный Указ за № 29 «относительно предположенных Святейшим Синодом и Высочайше утвержденных мер усиления духовно-нравственного действия на раскольников». Под видом обозрения приходов Полоцкой епархии, с соблюдением строгой тайны истинной цели он отправляется в наиболее заселенные старообрядцами разных толков уезды. Поездка началась 6 сентября 1853 г. и продолжалась более месяца. За это время архиепископ Василий посетил Полоцкий, Городокский, Витебский, Невельский, Режицкий, Люцинский, Динабургский и Дриссенский уезды. Тщательным образом собрав сведения и изучив ситуацию лично, деятельный архиепископ перешел сразу к ряду мер. Первым результатом поездки архиепископа Василия стали кадровые перестановки среди духовенства для замены не способных к миссионерской работе на «благонаправных, бескорыстных, богобоязненных и более или менее способных к действию на раскольников» [8, с. 19]. Самых раскольников архиепископ Василий характеризует как «народ большей частью трезвый и трудолюбивый, но вообще зараженный злым предубеждением против православной нашей церкви, и упорный до ожесточения в своем заблуждении». Опыт общения и определенный авторитет среди старообрядцев способствовал тому, что наставники познакомили его с древними рукописями, хранимыми ими в величайшей тайне. Пользуясь своим миссионерским опытом, архиепископ Василий в своем рапорте составил определенный алгоритм действий при работе с раскольниками. Предположение его было представлено императору, который высоко оценил заслуги полоцкого архиерея [8, с. 20].

Архиепископ Василий в своем рапорте о результатах данной поездки сообщает о неправильных действиях и ошибках в миссионерской деятельности в отношении старообрядческих раскольников, которые сильно замедляют процесс перехода староверов в единоверие. Он составляет проект с подробным перечислением мер, которые помогут потрясти, ослабить и постепенно уничтожить раскол. Основная цель этих мер – запретить или очень сильно ограничить раскольников в совершении общественных молитв и воспретить наставникам совершать требы. Четвертым пунктом перечисленных мер, предлагается запретить обращаться к старообрядческим наставникам «Ваше Преподобие», так как такое обращение ставит их наравне с православным духовенством. Также этот пункт рекомендаций содержит запрет на использование в обращении термина «старовер» и «старообрядец» и замену этих терминов на «раскольник». Данный метод воздействия был апробирован архиереем у себя в епархии ещё в 1845 г., когда вышел «Указ Полоцкого духовного правления от 8 октября 1845 г. об употреблении

⁴ НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 80. – Л. 22.

⁵ НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 30. – Л. 169–179.

слова «раскольник» вместо «старообрядец»⁶. 16 ноября 1853 г. на заседании Синода рапорт был одобрен, а архиепископу Василию объявлена признательность и благодарность [8, с. 23]. Однако, рассмотрев предложения из проекта полоцкого архиепископа, Синод посчитал строительство безприходных единоверческих церквей нецелесообразным. На заседании 7 февраля 1862 г. Синод определил: «Отложив, согласно с мнением Вашего Преосвященства, постройку в Полоцкой епархии Единоверческих церквей до более благоприятного времени, предписать Вам употребить особую заботливость на приготовление способных миссионеров для действия против раскольников Витебской губернии» [8, с. 29]. В 1864 г. мнение архиепископа Полоцкого из семнадцати епископов о сближении раскольников с православными было таким: «К достижению важной цели воссоединения сектантов, приемлющих священство, остается одно: оказать им большее снисхождение, чем выраженное в правилах 1800 года. Но распространять начала единоверия от лица Православной церкви с большими уступками в пользу его значило усилить сепаратизм в людях, не приемлющих благой цели, с которой допущено единоверие» [4, с. 274].

За заслуги в миссионерской деятельности архиепископ Полоцкий и Витебский Василий был награжден высокими церковными наградами и несколькими государственными орденами и знаками почета от императора.

После смерти архиепископа Василия в «Литовских епархиальных ведомостях» был напечатан некролог, в котором кратко обозначались основные даты и вехи жизни и деятельности одного из старейших на то время иерархов русской церкви. Тело бывшего архиепископа Витебского и Полоцкого, члена Святейшего Синода, было отправлено на родину в Витебскую губернию⁷. Он был погребен в своем имении, в селе Любашкове (Витебской губернии) при церкви. Села Любашково в настоящее время не существует, поэтому место захоронения архиепископа Василия долгое время было неизвестно. Только в 2003 г., благодаря экспедиции православного молодежного братства во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского из г. Витебска, удалось установить местонахождение бывшей Любашковской Свято-Никольской церкви: в 18 км от г. Витебска, рядом с кладбищем деревни Макарово. Православные следопыты установили на месте захоронения деревянный крест, в память о полоцком архиепископе. 7 августа 2016 г. насельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря и Успенского Тадулинского женского монастыря Витебской епархии установили гранитный крест над местом захоронения архиепископа Василия (Лужинского)⁸. Валентина Анатольевна Теплова делает вывод: «Без преувеличения архиепископ Василий (Лужинский) стоит в ряду самых выдающихся архипастырей Православной Церкви Беларуси и занимает совершенно особое место в истории Беларуси и, можно сказать, что Василий (Лужинский) стоит у истоков рождения белорусской нации» [2].

Заключение. Таким образом, архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (Лужинский) является не только сторонником и активным деятелем воссоединения униатов, но и успешным миссионером в преодолении старообрядческого раскола, а также восстановителем православия и возрождения полоцких святынь. Его деятельность как главы одной из самых древних епархий была отягощена долгим периодом упадка по причине вхождения в унию. Процесс воссоединения униатов отнимал много сил и внимания, но деятельный архиепископ смог достичь хороших результатов в миссионерской деятельности со старообрядцами. Кроме того, он смог обустроить приходскую жизнь прешедшим из раскола в единоверие. Труды архиепископа Полоцкого и Витебского Василия (Лужинского) на церковной ниве по возвращению православных из унии и преодолению старообрядческого раскола возводят его в число видных деятелей Русской Православной Церкви. Успехи в распространении единоверия ставят полоцкого архиерея в ряд с такими миссионерами, как епископ Охтенский Симон (Шлеёв), архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и Митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шавельский Г. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). – СПб.: «Сельск. вестн.», 1910. – 300 с.
2. Теплова В.А. Архиепископ Полоцкий Василий (Лужинский): путь к единству «как возвращение в дом родной» [Электронный ресурс] // Наука. Вера. Культура. – URL: <http://naukaverakuljtura.com/архиепископ-полоцкий-василий-лужинск/> (дата обращения: 29.07.2024).
3. Хотеев А.С. Архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (Лужинский): жизнь и деятельность [Электронный ресурс] // Белорусская Православная Церковь, Приход храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», Минск. – URL: http://sobor.by/7km4tenia_hoteev.htm (дата обращения: 09.08.2024).
4. Полоцкая епархия (1833–1917): документы говорят / сост. В.А. Теплова, О. Алекаев. – Минск: Медиал, 2020. – 686 с.
5. Шейкин Г.Н. Полоцкая епархия: историко-статистическое обозрение. – Минск: Свято-Петро-Павловский собор, Белорус. Православ. Братство Трех Вилен. Мучеников, 1997. – 95 с.
6. Василий (Лужинский Б. С.). Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / предисл. В.А. Тепловой. – Минск: Медиал, 2019. – 240 с.
7. Горбачкий А.А. Старообрядчество на белорусских землях. – Брест: БрГУ, 2004. – 305 с.
8. Кожурин К.Я. Староверие Витебской губернии (по донесениям архиепископа Василия (Лужинского)) // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы XI Междунар. науч. конф., Москва, 11–13 ноябр. 2014 г.: в 2 т. / Центр

⁶ НИАБ. – Ф. 3278. Оп. 1. Д. 102.

⁷ Некролог. Архиепископ Василий Лужинский // Литовские Ев. – 1879. – № 6. – С. 43.

⁸ URL: https://spas-monastery.by/library/articles_and_publications.php?id=14656.

ист. и культ. старообр. им. боярыни Морозовой, Научно-паломн. центр им. протоп. Аввакума, культ.-просв. центр «Старый Боровск»; редкол.: В.И. Осипов и др. – М., 2014. – Т. 1. – С. 17–29.

Поступила 30.11.2024

**THE ACTIVITIES OF ARCHBISHOP VASILY (LUZHINSKY) OF POLOTSK
AND VITEBSK AIMED AT SUPPORTING CO-RELIGIONISM**

P. SAFRONOV

(Republican Institute of Higher Education, Minsk)

This work reveals the activities of Archbishop Basil of Polotsk and Vitebsk in the co-religionist movement of the 19th century. Archbishop Basil is not only a supporter and active activist of the Uniate reunification, but also a successful missionary in overcoming the Old Believer schism. The work uses archival sources, the memoirs of Archbishop Vasili and the research of modern Russian historians, which makes it possible to fully assess the contribution of this religious figure to the process of overcoming the schism in the Polotsk diocese. It can be seen from the above documents that the archbishop's activities have brought good results in the process of the Old Believers' conversion to the Same faith and joining Orthodoxy. In addition, the Archbishop has done a lot to restore Orthodoxy in the region after many years of existence under the conditions of the union.

Keywords: *Vasily Luzhinsky, Polotsk diocese, Old Believers, schismatics, co-religionists, co-religionist parishes.*

УДК 94(476)"1941/1944":930+374.7(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-27-30

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАН БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ****У.А. КОЛОБАЕВА***(Национальный архив Республики Беларусь, Минск)**e-mail: kolobaeva1567@mail.ru*

Анализируется историография вопроса, связанного с культурно-просветительской деятельностью партизан Беларуси. Рассмотрены научные работы и исследования советского периода, современная отечественная историография, а также исследования зарубежных исследователей. В фокусе анализа автора находятся вопросы организации досуга партизан (художественная литература, изобразительное творчество, художественная самодеятельность), деятельности «лесных школ» и функционирование партизанской печати. Рассмотрены основные монографические, диссертационные исследования и научные статьи по обозначенной проблеме, а также определены особенности изучения указанной проблемы в различные периоды. Делается вывод о том, что ряд аспектов рассматриваемой темы не нашел глубокого отражения в историографии, либо в силу объективных причин эти работы несут на себе сильную идеологическую составляющую. При написании статьи использовался проблемно-хронологический метод описания историографии.

Ключевые слова: *бригада, изобразительное творчество, «лесная школа», листовка, отряд, партизанское движение, повседневность партизан.*

Введение. При изучении партизанского движения на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны основное внимание исследователями было уделено вопросам боевой и диверсионной деятельности «народных мстителей», руководящей роли Коммунистической партии, интернационализма партизанской борьбы. Проблемы повседневной жизни, культурно-просветительской деятельности партизан оставались в фокусе исследователей фрагментарно. К этому следует добавить и объективные причины: закрытость значительного массива архивных материалов и давящая «идеологическая составляющая» в советский период. Современная белорусская историография частично ликвидировала «белые пятна» благодаря доступности архивных материалов, а также возможности изучения проблемных аспектов темы.

Необходимость анализа историографии обозначенной проблемы продиктована потребностью определения состояния её изученности и выявлением малоисследованных аспектов темы для их дальнейшего изучения. Цель исследования – выявить и проанализировать основные историографические научные наработки послевоенного периода, касающиеся культурно-просветительской деятельности партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Основная часть. Обращение исследователей к сюжетам, связанным с культурно-просветительской деятельностью «народных мстителей», происходит практически сразу после окончания Великой Отечественной войны. Они обращают внимание на изучение темы партизанского музыкально-литературного наследия. В 1946 г. выходит небольшое по объему исследование «Песні барацьбы» [1]. Основная часть издания включает в себя наиболее распространенные тексты партизанских песен, а во вступительной статье дается краткий исторический обзор обозначенной темы, где автор отмечает, что «многія песні ствараліся ў непасрэднай сувязі з канкрэтнымі эпізодамі партызанскай барацьбы» и поэтому имеют для историков особое значение [1, с. 3]. Констатируется, что в условиях борьбы в тылу врага песня часто использовалась как средство агитации. Отмечается и роль такой распространенной формы фольклора, как частушка. Составители отмечают, что основное внимание в частушках играла общественная тематика.

В 1949 г. увидело свет монографическое исследование И.В. Гуторова «Борьба и творчество народных мстителей» [2]. Автор определяет основные виды партизанского фольклора: партизанские частушки, песни и стихи, боевые походные марши, пословицы и поговорки, повествования. Исследователь отмечает, что «тематика партизанского фольклора полностью обусловлена теми событиями, которые характерны для жизни и борьбы наших людей во вражеском тылу» [2, с. 26]. Развивая эту мысль, автор указывает, что основными составителями партизанского фольклора были партизаны, а самыми распространенными жанрами партизанского творчества «были песни лирические, сатирические, походные марши, героико-эпические сказания, частушки, шарады, боевые клятвы, марши, пословицы, поговорки, загадки, анекдоты, сказки, каламбуры... , письма на Родину» [2, с. 29–30].

Укажем на то, что это были первые попытки исследователей обобщить и осмыслить обозначенную проблему. Основой для изучения часто служили беседы с непосредственными участниками событий, их записи и воспоминания. Вместе с этим обозначим и значительную заидеологизированность указанных работ, особенно в части восхваления роли личности И. Сталина. Подтверждением этого являются такие формулировки, как «Сталін – гэта сцяг барацьбы з заклётымі ворагамі беларускага народа...» [1, с. 4] или «с самых первых дней войны товарищ Сталин с гениальной прозорливостью вскрыл все коварные замыслы врага... указал нашему народу всю глубину опасности» [2, с. 20].

Научное изучение темы связано также с написанием и защитой диссертаций. В 1951 г. была подготовлена диссертация В.Т. Тарасова «Массовая партизанская поэзия Белоруссии периода Великой Отечественной войны» [3]. Она состоит из вступления, первой главы «Партизанская печать Белоруссии в период Великой Отечественной войны», второй главы «Массовая партизанская поэзия» и заключения. Важной частью работы являются приложения, в которых даны библиографические списки партизанских газет, рукописных журналов, книг, алфавитный перечень поэтов-партизан с библиографией их произведений. Автор указывает, что массовая литература «создавалась многочисленными непрофессиональными поэтами и писателями, знакомыми только в общих чертах с теорией стихосложения и с изобразительными средствами художественной литературы» [3, с. 5]. Среди причин возникновения и развития массовой поэзии отмечается тот факт, что «война заставила всех взяться за оружие, выискивать различные средства борьбы». Традиционной является характеристика «слова» как «одного из видов оружия, которым можно разить врага» [3, с. 6]. Автор одним из первых определил основные виды подпольной печати: листовки, газеты, рукописные журналы, книги и стенные газеты с боевыми листками [3, с. 6] и дал им первичное описание и анализ. Анализируя указанную тему, В.Т. Тарасов обращает внимание на то, что в борьбе с фашистскими захватчиками «поэты-партизаны широко использовали острое сатирическое слово», а на страницах многих рукописных журналов и рукописных листов «рядом с острыми, бичующими стихотворениями помещались не менее острые карикатуры» [3, с. 14–15; 4, с. 30–37].

Тема сатирической литературы, в том числе в партизанском движении, изучена А.П. Багровой [5]. Защищенная диссертация «Белорусская сатирическая литература периода Великой Отечественной войны» впоследствии была опубликована в форме научной монографии [6]. Несомненной ценностью работы является тот факт, что при подготовке библиографии участвовали бывшие сотрудники редакций газет «Раздавим фашистскую гадину» и «Партизанская дубинка» – К. Крапива, М. Танк, П. Глебка и др. Несомненным научным новаторством автора стало изучение двух основных сатирических изданий: газет «Раздавим фашистскую гадину» и «Партизанская дубинка». А.П. Багрова проанализировала эволюцию дизайнерского и сюжетного наполнения изданий. Закономерным представляется и вывод автора о том, что «выданье специальных беларускіх сатырычных органаў і масавае друкаванне сатыры на старонках беларускай прэсы адыграла станоўчую ролю ў справе ідэалагічнай барацьбы з ворагам» [6, с. 17].

В 1987 г. были защищены сразу две диссертации по обозначенной проблеме. С.С. Руденкова изучила тему «Комсомольско-молодежной печати Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» [7]. В положениях, выносимых на защиту, нам представляются важными новые выводы автора о том, что «учитывая небольшие тиражи печатной продукции, материалы в них подавались в доступной и лаконичной форме», а также тезис о том, что «печать оперативно реагировала на все события» на фронтах и в тылу [7, с. 19]. Вместе с этим укажем и то, что положение С. Руденковой о том, что «о результатах идейно-политической работы свидетельствует рост рядов подпольщиков и партизан и их урон» представляется не совсем корректным [7, с. 19]. Ключевыми факторами, влиявшими на рост движения Сопротивления, были массовый патриотизм населения, организационная работа партийно-политических и военных органов, а также нацистская политика геноцида.

В диссертации Л.М. Хухлындиной [8] делается акцент на отражении роли и значения партизанской и подпольной печати как мобилизующего фактора всенародного сопротивления оккупантам. Автор отмечает, что только в июле-августе 1941 г. политорганы Красной Армии распространили в Беларуси более 20 наименований листовок тиражом более 16 млн. экземпляров. Автор справедливо отмечает и тот факт, что распространение печатной продукции по регионам Беларуси было неравномерным [8, с. 16]. Относительно печати партизанских и подпольных рукописных журналов в исследовании приводятся данные о приблизительно 100 таких изданиях. Л.Х. Хухлындина определила два основных направления пропаганды: разоблачение мифа о непобедимости вермахта и героические традиции советского народа [8, с. 19]. Вместе с этим, на наш взгляд, упущен еще один важный аспект в пропагандистской работе – это трансляция информации о преступлениях и злодеяниях оккупантов. Так же, как и в случае с исследованием С. Руденковой, в рассматриваемой работе делается вывод о том, что печатная пропаганда – одно из средств повышения боеспособности партизанских формирований. К сожалению, конкретный механизм этой взаимосвязи автором не указан.

Музыкальное творчество белорусских партизан достаточно глубоко изучила Л.С. Мухаринская. В 1964 г. вышло небольшое по объему исследование «Партизанские песни Белоруссии и их слагатели» [9]. Среди основных особенностей партизанских песен автор отмечает тесную связь последних с частушкой, её интонацией и складом. Кроме того, партизанские марши отличались от традиции военных маршей тем, что пелись, как правило, в лагере у костра [9, с. 2, 6]. Ключевые выводы исследователя сводятся к следующему: процесс формирования партизанских песен периода Великой Отечественной войны был повсеместным и массовым; партизанские поэты и музыканты создавали произведения, сливающиеся с народным творчеством; наиболее характерными жанрами песен были гимны-марши, частушки, лирические песни традиционного крестьянского стиля, песни-романсы традиционного городского стиля [9, с. 6].

Продолжением изучения темы стало исследование «Белорусская народная партизанская песня» [10]. Основные концептуальные положения и фактологическое наполнение этой работы впитало в себя предыдущее исследование автора, однако, важным новшеством стало подготовка раздела «Партизанские ансамбли и агитбригады». Л. Мухаринская приводит конкретные факты возникновения и деятельности партизанских ансамблей,

рассматривает механизм их формирований – стихийный и организованный. Автор отмечает, что «многие партизанские художественные агитбригады имели широкий радиус действия, выступали далеко за пределами расположения своих полков» [10, с. 11].

Важным направлением культурно-просветительской работы «народных мстителей» была помощь в организации школ в отрядах, бригадах и партизанских зонах. Этот аспект работы частично нашел отражение и в историографии. Одним из первых этой темы коснулся А.И. Залесский [11, с. 312–324], который акцентирует внимание на ключевой работе партийно-политических органов в этом процессе. На конкретных примерах автор частично раскрывает отдельные направления этой работы.

В статье А. Осмоловского «Школа в тылу врага» рассмотрен вопрос о создании и деятельности на оккупированной территории БССР детских школ. Автор констатирует, что за годы нацистской оккупации были уничтожены 6808 учебных заведений [12, с. 14]. Основной акцент А. Осмоловский делает на создании школ в партизанских зонах, в то время как «партизанским школам» уделено незначительное внимание. Географическая локализация представлена, в основном, Октябрьским районом Полесской области (сейчас – Гомельская) и частью Могилевской области. Несомненным преимуществом статьи являются сведения об учителях, которые занимались обучением детей. Используя возможности интернет-портала «Партизаны Беларуси» [13], можно уточнить и дополнительно изучить биографии «лесных учителей». Автор также указывает, что на территории современной Брестской области было создано не менее, чем 20 лесных школ [12, с. 17].

Деятельность лесной школы № 2 «Под дубом» в партизанском отряде им. Макаревича описана в документальном очерке Я. Беганской «Лесная быль» [14]. Автор анализирует условия, в которых приходилось учиться детям: «Условия работы в школе были очень и очень сложными. В начале занятий не было ни одной тетради, не было карандашей, ручек, чернил, мела, учебников...» [14, с. 141].

Изучение темы партизанских школ было продолжено и в последующие годы [15–18]. Отдельно отметим работы В.Я. Бездель [19]. Она впервые рассмотрела такой аспект темы, как социализация детей в условиях оккупации. Автор отметил большую работу учителей и педагогов «лесных школ» в вопросе адаптации учеников к условиям обучения [20].

Важным направлением культурно-просветительской деятельности партизан была пропаганда и контрпропаганда. Изучение данной темы получает развитие в постсоветский период и связано с «архивной революцией» и возможностью исследователей обратиться к значительному массиву новых документов, что привело к написанию научных статей, монографий и диссертаций [21–24]. Важным для понимания основных направлений ведения партизанской контрпропаганды является фундаментальное исследование российского ученого М.В. Дацишиной [25], которая подробно рассмотрела систему пропаганды Германии (органы, основные направления их работы, каналы коммуникации и др.). Один из разделов исследования посвящен пропаганде в школьной сфере.

Заключение. Подводя итог написанному, укажем следующее:

1. Культурно-просветительская деятельность партизан Беларуси становится объектом изучения практически сразу после окончания войны. Первые работы по данной теме несут сильную идеологическую составляющую, проходящую в исследованиях «красной нитью».

2. Среди основных направлений культурно-просветительской работы в историографии выделяются: партизанский фольклор, живопись, деятельность лесных и партизанских школ, печать и пропаганда «народных мстителей». Междисциплинарный характер указанной темы привел к тому, что она изучалась не только профессиональными историками, но также филологами и искусствоведами.

3. Историография советского периода заложила фундамент для дальнейшего более глубокого изучения темы. К недостаткам этих исследований можно отнести ограниченную источниковую базу и определенную заидеологизированность.

4. В настоящее время отсутствуют комплексные, глубокие и обобщающие исследования по данной теме, которые были бы подготовлены с учетом новых архивных документов и написаны с применением современных методов и методик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песні барацьбы / склад. М.С. Мееровіч, С.І. Карабан, І.В. Зазка. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1946. – 91 с.
2. Гуторов И.В. Борьба и творчество народных мстителей. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1949. – 300 с.
3. Тарасов В.Т. Массовая партизанская поэзия Белоруссии периода Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1951. – 16 с.
4. Изобразительное творчество партизан: История партизанского движения / Сост. С.В. Кулинок. – Минск: Беларусь, 2024. – 48 с.
5. Багрова А.П. Белорусская сатирическая литература периода Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1954. – 21 с.
6. Багрова А.П. Беларуская сатырычная літаратура перыяду Вялікай Айчыннай вайны. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1960. – 117 с.
7. Руденкова С.С. Комсомольско-молодежная печать Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 – июль 1944 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Минск, 1987. – 20 с.
8. Хухлындина Л.М. Роль печати подпольных партийных комитетов и партизанских формирований в мобилизации трудящихся Белоруссии на борьбу против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... ист. наук. – Минск, 1987. – 25 с.

9. Мухаринская Л.С. Партизанские песни Белоруссии и их слагатели. – М.: Наука, 1964. – 20 с.
10. Мухаринская Л.С. Белорусская народная партизанская песня. – Минск: Беларусь, 1968. – 63 с.
11. Залесский А.И. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941-1944 гг.). – М.: Соцэкгиз, 1962. – 397 с.
12. Асмалоўскі А. Школа ў тыле ворага // Народная асвета. – 1970. – № 5. – С. 14–18.
13. Интернет-портал «Партизаны Беларуси» [Электронный ресурс]. – URL: <https://partizany.by/> (дата обращения: 12.09.2024).
14. Бяганская Я. Лясная Быль // Ад школьнага парога...: Нарысы для сярэд. і ст. шк. узросту. – Мінск: Беларусь, 1985. – С. 132–145.
15. Очаковская Л. Азбука на бересте // Дети военной поры / Сост. Э. Максимова. – М.: Политиздат, 1988. – 2-е изд. – С. 41–45.
16. Каваленя А.А. Да пытання адукацыі і выхавання моладзі ў гады Вялікай Айчыннай вайны // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. – Минск: [б. в.]. – 1992. – Вып. 1. – С. 183–187.
17. Кобрынец П.М. Савецкая школа ў тыфле ворага на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі // Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі. – Мінск: Народная асвета, 1993. – С. 466–472.
18. Дзмітрыеў М.А. Настаўнікі і школьнікі Беларусі ў барацьбе з фашызмам // Адукацыя і выхаванне. – 1994. – № 7. – С. 107–113.
19. Бездель В.Я. Дзеці акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941 – 1944). – Віцебск: УА “ВДТУ”, 2013 – 157 с.
20. Бездель В.Е. Социализация детей в партизанских и лесных школах на оккупированной территории Беларуси (1941— 1944) // Социальное воспитание: научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 9–13.
21. Быков С.В. Советская контрпропаганда среди населения оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны // 45 лет Великой Победы: итоги и уроки: Тез. докл. и сообщ. межвуз. науч.-теорет. конф., 17 апр. 1990. – Гродно: ГрГУ, 1990. – С.50–52.
22. Ермолович В.И. Листовки партизан и подпольщиков Беларуси периода Великой Отечественной войны как исторический источник (1941 – 1944): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Минск, 1993. – 24 с.
23. Кнацько Г.Д. Друкаваная прапаганда на Клічаўшчыне пад час фашысцкай акупацыі // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. – 1994. – № 3. – С. 49–56.
24. Болсун Г.А. Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Минск, 1999. – 17 с.
25. Дацишина М.В. Технологии пропаганды: Экспорт из нацистской Германии на временно оккупированные советские территории. – М.: «Кучково поле», 2023. – 800 с.

Поступила 14.10.2024

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF BELARUSIAN PARTISANS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

U. KOLOBAEVA

(National Archives of the Republic of Belarus, Minsk)

The historiography of the issue related to the cultural and educational activities of Belarusian partisans is analyzed. Scientific works and studies of the Soviet period, modern domestic historiography, as well as studies of foreign researchers are considered. The author's analysis focuses on the organization of partisans' leisure (fiction, fine arts, amateur performances), the activities of "forest schools" and the functioning of the partisan press. The main monographs, dissertations and scientific articles on the indicated problem are considered, and the features of the study of this problem in different periods are determined. It is concluded that a number of aspects of the topic under consideration have not been deeply reflected in historiography, or due to objective reasons these works carry a strong ideological component. When writing the article, the problem-chronological method of describing historiography was used.

Keywords: *brigade, fine art, "forest school", leaflet, detachment, partisan movement, daily life of partisans.*

УДК 94(476)"1944"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-31-35

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ БЦР
2-ГО ВСЕБЕЛОРУССКОГО КОНГРЕССА 27 ИЮНЯ 1944 ГОДА
В РАМКАХ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

Д.А. ДЛУГАШ

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

e-mail: dzmitrydlugas@mail.ru

В данной статье исследованы причины и условия проведения Белорусской центральной радой 2-го Всебелорусского конгресса накануне освобождения оккупированной территории БССР. Определены мотивы и цели организации проведения конгресса оккупационной администрацией Третьего рейха. Установлена и исследована взаимосвязь политических процессов в Европе с конъюнктурой оккупационной политики Третьего рейха в первой половине 1944 года, в период подготовки и проведения конгресса. Исследован негласный аспект деятельности Белорусской центральной рады по подготовке и проведению конгресса. Определены особенности политической конструкции псевдогосударственного образования Белорусской народной республики в составе колониальной империи Третьего рейха. Проанализировано политическое значение резолюции конгресса в контексте внешне-политических процессов в период освобождения территории БССР.

Ключевые слова: Белорусская центральная рада (БЦР), коллаборационизм, оккупационная политика Третьего рейха, 2-й Всебелорусский конгресс, Белорусская народная республика (БНР), Генеральный комиссариат Белоруссия (ГКБ).

Введение. Деятельность коллаборационистской организации БЦР на оккупированной территории БССР в период Великой Отечественной войны не теряет своей актуальности для исторических исследований. Это связано с двойственным характером деятельности БЦР и других коллаборационистских организаций в ходе формирования и развития оккупационной управленческой системы Третьего рейха. Используя идеологическую конструкцию национализма в виде построения фальшивой белорусской государственности, коллаборационисты скрыто реализовывали политику оккупационной администрации Третьего рейха для реализации её главной цели – управления белорусским населением с учетом его психологических особенностей и менталитета, для эффективного выполнения мероприятий генерального плана «Ост». Особое значение в этой связи имеет исследование взаимосвязи социально-политических процессов в Европе и на оккупированной территории БССР в период проведения БЦР 2-го Всебелорусского конгресса.

С началом оккупации БССР немецко-фашистскими захватчиками в июне-июле 1941 г. на оккупированной территории БССР был реализован проект альтернативной «белорусской государственности» Альфреда Розенберга (рейхсминистр восточных оккупированных территорий 1941–1945)¹. Реализация этого проекта происходила в рамках административно-территориальной единицы колониальной империи Третьего Рейха – генерального округа Белорутения (Белоруссия), занимавшего примерно четверть довоенной территории БССР². В период реализации указанного проекта, представители белорусских эмигрантских организаций Европы возглавили коллаборационистские организации [1, с. 178] под руководством исполнительного органа гражданской администрации Третьего рейха – Генерального комиссариата Белоруссия (ГКБ). В период оккупации БССР с 1941 по 1944 годы при ГКБ были образованы коллаборационистские организации: Белорусская народная самопомощь (БНС), Союз белорусской молодежи (СБМ), БЦР и другие, имеющие, по своей сути, статус общественных организаций³. 21 декабря 1943 г. гауляйтер ГКБ Курт фон Готтберг своим приказом создал Белорусскую центральную раду и назначил её президентом Радослава Островского⁴. Цели и задачи деятельности ГКБ и БЦР в начале 1944 г. обуславливались угрожающим ростом партизанского движения, катастрофическим положением Третьего рейха на восточном фронте и изменением конъюнктуры политических процессов в Европе.

Основная часть. Успешное продвижения в западном направлении советских войск в 1943 – начале 1944 г. запустило сложные политические процессы в Западной Европе. Страх перед «угрозой большевизма», инспирированный в межвоенный период, приобрел очертания реальной угрозы для Третьего рейха и его сателлитов. Это привело в действие многочисленные переговорные процессы с участием представителей стран «оси», Ватикана, США и Великобритании [2, с. 232]. Военные успехи СССР также создавали угрозу планам Великобритании и Ватикана по послевоенному устройству Восточной Европы. Эти планы, не смотря на некоторые противоречия, совпадали

¹ Романовский В.Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941-1944): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / АН Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 1974. – 246 с. – С. 48.

² Болсун Г.А. Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бел. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 110 с. – С. 23.

³ Мигунова А.А. Пропагандыстская і культурна-асветніцкая дзейнасць акупацыйнай нямецкай улады ў генеральнай акрузе Беларусь (1941–1944): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / БДПУ ім. М. Танка. – Мінск, 1999. – 126 с. – С. 5.

⁴ Сервачинский И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июнь 1941 – август 1944): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бел. гос. ун-т. – Минск, 1999. – С. 42.

в части послевоенного устройства Польши и Прибалтики: они исключали влияние СССР на указанные территории, так называемый «санитарный кордон» против большевизма [2, с. 238]. Ватикан и Великобритания были заинтересованы в воссоздании Второй Речи Посполитой в границах до 17 сентября 1939 г., реализуя свою политическую стратегию посредством поддержки польского правительства в эмиграции [3]. Мощная католическая антисоветская Польша была необходима обоим «центрам силы» мировой политики в качестве барьера между Европой и СССР. Соответственно, она должна была включать на востоке территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Литву [4, с. 21]. В этой перспективе белорусская государственность практически ликвидировалась в процессе неизбежной «полонизации» и разрушения территориальной целостности БССР в её границах с 17 сентября 1939 г.

В начале 1944 г. ведомство Генриха Гиммлера (РСХА Третий рейх)⁵ активно вырабатывало переговорные позиции для проведения негласных переговоров с ведомством Аллена Даллеса (УСС США)⁶ о заключении сепаратного мира с США и Великобританией [2, с. 274]. В переговорах с США, в том числе, делалась ставка на противоречия между интересами США и Великобритании в Европе. Так как воссоздание «Великой Польши» противоречило генеральному плану «Ост», была продолжена реализация концепции А. Розенберга по созданию множества национальных «государств» в Восточной Европе, враждебных по отношению к СССР⁷.

Группенфюрер СС К. Готтберг был ставленником Г. Гиммлера⁸ и действовал в фарватере политического курса, пролагаемого его шефом. В свете указанных событий, администрацией К. Готтберга было принято решение поручить Р. Островскому подготовку и проведение политического акта, юридически закрепляющего «белорусское национальное государство» в составе империи Третьего рейха. БЦР, при этом, выступала в качестве «законного правительства» этого псевдогосударственного образования [5, с. 39]. Вероятно, для расширения полномочий К. Готтберга, 1 апреля 1944 г. был издан приказ за подписью А. Гитлера о выводе ГКБ из структуры рейхскомиссариата «Остланд»⁹. Таким образом, совмещая должность генерального комиссара ГКБ с должностью руководителя СС и полиции, К. Готтберг получал практически неограниченные полномочия на территории, подконтрольной ГКБ.

В это же время БЦР во главе с Р. Островским при участии Н. Шкелёнка и Ю. Соболевского начала подготовку 2-го Всебелорусского съезда. План проведения съезда был предоставлен на рассмотрение начальнику отдела пропаганды ГКБ Г. Фишеру¹⁰. Первоначальный план проведения съезда был забракован последним и возвращен на доработку в БЦР. Дело в том, что ГКБ строго придерживался установок, исключающих создание национальных государственных и политических институтов, а также проведение значимых политических акций с малейшим намеком на независимость [5, с. 40]. К середине мая 1944 г. Г. Фишеру был предоставлен исправленный вариант плана, где был снижен статус мероприятия от съезда до конгресса. Р. Островский первоначально предлагал вариант проведения съезда не случайно. Дело в том, что в ходе 2-го Всебелорусского съезда планировалось провозгласить преемственность полномочий БЦР от 1-го Всебелорусского съезда декабря 1917 г., делегатом которого был сам Р. Островский. Таким образом, ссылаясь на первый политический акт провозглашения белорусской государственности, искусственно создавалась преемственность и взаимосвязь с текущими событиями, объявлялось «возрождение» Белорусской народной республики (БНР) [6, с. 8]. Это должно было создать необходимый политический эффект для последующего признания БЦР в качестве легитимного правительства БНР международным сообществом [5, с. 39].

В этих условиях осуществлялась подготовка проведения конгресса в Минске. В конечном итоге Г. Фишером было утверждено проведение конгресса в территориальных границах ГКБ с приглашением представителей национального белорусского движения из других стран. Мандатная комиссия БЦР определила список известных представителей белорусской эмиграции, имеющих отношение к деятельности белорусских националистических формирований. Списки были тщательно проверены СД и утверждены ГКБ. Отдельно следует отметить, что география созыва делегатов конгресса затрагивала европейские города Прагу, Вену, Берлин, Кёнигсберг, Варшаву, Краков, Лодзи, также были приглашены представители из Литвы и Латвии¹¹.

Тщательная подготовка конгресса подтверждает его значимость для администрации К. Готтберга. При подготовке и организации созыва конгресса проявилось живое участие структуры гестапо, также подконтрольной Г. Гиммлеру. Один из делегатов конгресса, В.М. Русак, был вызван для участия в конгрессе из Праги. Его описание указанных событий содержит следующие факты: «25 июня 1944 г. я был вызван в гестапо и направлен в г. Минск, где я должен был участвовать в работе 2-го Всебелорусского конгресса Белорусской Центральной Рады, который должен был состояться 27 июня 1944 г., и в это же время в гестапо меня обязали явиться в Минск к указанному сроку. В гестапо мне было выдано свидетельство сроком на 10 суток... начальник отдела гестапо

⁵ Главное управление имперской безопасности // Больш. рос. энцикл. – 2004–2017 – URL: <https://old.bigenc.ru/>.

⁶ Управление стратегических служб // Больш. рос. энцикл. – 2004–2017. – URL: <https://old.bigenc.ru/>.

⁷ Романовский В.Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / АН БССР, Отд-ние обществ. наук. – Минск, 1974. – 46 с. – С. 33.

⁸ Сервачинский И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июнь 1941 – август 1944). – С. 41.

⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 370. Оп. 1. Д. 467. – Л. 4.

¹⁰ НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 80. – Л. 6.

¹¹ Сервачинский И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июнь 1941 – август 1944). – С. 44.

немец по фамилии Гейда общался со мной через переводчика». Аналогичным способом из Праги были вызваны на конгресс известные коллаборационисты Иван и Лариса Гениуш [5, с. 43–45].

Ключевое значение в данном аспекте приобретает исследование деталей организационного процесса подготовки 2-го Всебелорусского конгресса. Выдача мандатов участникам конгресса мандатной комиссией проходила под контролем службы СД, пропускные документы – свидетельства, – выдавались делегатам конгресса отделами гестапо, многие члены БЦР сотрудничали с Абвером, СД, СС, гестапо ещё с 1939 г. [7, с. 80]. Например, Р. Островскому 9 августа 1941 г. полевой комендатурой оккупационных сил г. Минска было выдано удостоверение (пропуск) в помещения комендатуры для изучения документов, оставленных в ходе спешной эвакуации правительства БССР. Это удостоверение содержало формулировку «доверенный немецкой армии» [5, с. 110].

Сотрудничество руководителей коллаборационистских организаций на оккупированной территории БССР с подразделениями РСХА следует рассматривать как закономерную деятельность, строго регламентированную нормативными актами Третьего рейха. Деятельность БЦР регламентировалась уставом, утвержденным К. Готтбергом 21.12.1943 г. [5, с. 111], который имел название «Статут Белорусской Центральной Рады» и содержал целых 5 пунктов, сформулированных в лучших традициях германского «Ordnung» [8].

Двойственный характер деятельности БЦР и всех коллаборационистских организаций следует рассматривать в гласном и негласном аспектах. Гласный аспект отражал имитационную деятельность, направленную на создание иллюзии существования белорусского государственного образования в составе империи Третьего рейха, которое якобы защищало интересы белорусского народа и координировалась ГКБ. Негласный аспект содержал деятельность, направленную на реализацию мероприятий генерального плана «Ост». Соответственно, эта деятельность велась скрытно и координировалась подразделениями РСХА.

В условиях стремительной реализации РККА операции «Багратион», оккупанты оставили надежды на «Восточный вал»¹² и готовились покинуть территорию БССР. Тем не менее, оккупированный Минск продолжал жить размеренной жизнью, среди лояльного оккупантам населения не было паники, структуры ГКБ до конца июня 1944 г. работали в штатном режиме. В этом, несомненно, была заслуга пропагандистской деятельности БЦР, тщательно цензурировавших информацию для населения, создавая иллюзию незыблемости оккупационного режима. Об этом свидетельствуют, в том числе, достижения коллаборационистской печати, обсуждаемые на совещании служащих комиссариатов 10–11 июня 1944 г. «О состоянии и улучшении периодической печати и качества газет»¹³.

2-й Всебелорусский конгресс состоялся в Минске 27 июня 1944 г. На нём присутствовало, по данным мандатной комиссии, 1039 делегатов из Беларуси, Латвии, Литвы, Варшавы, Лодзи, Кракова, Вены, Праги, Кёнигсберга и Берлина. Однако данные мандатной комиссии не являются достоверными, так как в ходе их изучения было установлено множество фальсификаций, в том числе включение в состав конгресса покойного белорусского нациста Фабиана Акинчица, а также лиц, на которых были выписаны мандаты, но они не прибыли, либо опоздали на заседание конгресса [5, с. 55]. По всей вероятности, участников конгресса было значительно меньше количества, указанного мандатной комиссией. На это также указывает максимальная вместимость зала минского городского театра. По некоторым данным на момент проведения конгресса она составляла около 600 человек [7, с. 167]. Во всех источниках, содержащих фотографии проведения конгресса, имеются только снимки президиума и выступающих, но нет ни одной панорамной фотографии зала с делегатами. Число делегатов, очевидно, было завышено с целью придания конгрессу большей политической значимости.

Истинные цели проведения 2-го Всебелорусского конгресса БЦР также были завуалированы под объявление «независимого» государственного образования БНР. Основная уловка в выступлениях всех делегатов конгресса состояла именно в этом акценте на «независимость» от панской Польши и большевистской Москвы. В действительности БНР вписывалась в состав колониальной империи Третьего рейха в качестве бесправной туземной провинции.

Заседание конгресса открывал Р. Островский отчетом о достижениях БНС, СБМ, БЦР и других коллаборационистских организаций, в котором подчеркивалось, что БНР может существовать и развиваться только под покровительством Третьего рейха как единственного гаранта «государственности» БНР [6, с. 14–25]. Следует отметить, что Р. Островский, будучи осведомленным о плачевных перспективах Третьего рейха на восточном фронте, делал также акцент на неотделимость БНР от Европы и европейского порядка. Это делалось с расчетом на признание БНР другими европейскими государствами в случае крушения Третьего рейха. С этой же целью в основу «государственности» БНР прочно закладывался антисоветизм.

В унисон отчету Р. Островского, выступил вице-президент БЦР Н. Шкелёнок. Его выступление было самым длительным (1 час 20 минут) и содержало опровержение легитимности договоров между Польшей и СССР (Советской Россией), касающихся территории БССР. Чтобы подчеркнуть экзистенциальную угрозу белорусской государственности со стороны Москвы, был сделан экскурс в историю, начиная со времен Ивана III [6, с. 42]. Критике Н. Шкелёнка подверглись: Великое княжество Московское, Речь Посполитая, Российская империя, Со-

¹² Стратегический оборонительный рубеж германских войск на советско-германском фронте во 2-й мировой войне // Больш. росс. энцикл. – 2004–2017. – URL: <https://old.bigenc.ru/>.

¹³ НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 2372. – Л. 1–26.

ветская Россия и СССР. Также он не признал результаты Рижского мира от 18.03.1921, воссоединения территории БССР 17.09.1939 и форму белорусской государственности – БССР. Окончание выступления Н. Шкелёнка содержало яростные нападки на советскую власть и партизан с обвинениями в очевидно вымышленных чудовищных злодеяниях в отношении белорусского народа [6, с. 49]. Последующие выступления на конгрессе содержали тезисы, аналогичные выступлению Р. Островского и Н. Шкелёнка.

Итогом 2-го Всебелорусского конгресса стала резолюция, которая постановила подтвердить решение Рады БНР от 25 марта 1918 г. как правопреемницы 1-го Всебелорусского съезда в части 3-й уставной грамоты, разрывавшей отношения БНР с российской государственностью в любых ее проявлениях. Также резолюция закрепила непризнание формы белорусской государственности БССР, непризнание всех договоров СССР и Польши на территории БНР. Единственным легитимным представителем белорусского народа объявлялась БЦР во главе с президентом Р. Островским [6, с. 67].

На следующий день после проведения конгресса, 28 июня 1944 г., началось бегство членов БЦР и других коллаборационистов. Восточный фронт Третьего рейха рухнул и РККА была уже на подходах к Минску. БЦР в спешном порядке эвакуировалась в Берлин вместе с архивами, где до конца Великой Отечественной войны занималась вербовкой в ряды военизированных подразделений Третьего рейха белорусов из числа военнопленных и «остарбайтеров» [9, с. 294].

Заключение. Таким образом, кажущаяся абсурдность проведения конгресса в условиях неминуемого освобождения РККА территории БССР принимает совершенно иное значения в контексте внутриевропейской политической обстановки в середине 1944 года. Проведение 2-го Всебелорусского конгресса в Минске создало весомый политический акт, провозглашая «государственное образование» БНР с «легитимной» правительственной структурой БЦР, враждебной по отношению к СССР.

Политическая формула «возрождения» БНР на Втором всебелорусском конгрессе была применена Третьим рейхом по отношению к оккупированной территории не впервые. Идентичная политическая модель провозглашения «независимой» Литвы была отработана Германской империей (Второй рейх) в сентябре 1917 г. На территории, подконтрольной оккупационным войскам Второго рейха (Каунас, юго-западная, западная и северная части Литвы), была образована Литовская тарига (союз). В декларации о «независимости» от 11 декабря 1917 г. тарига провозгласила восстановление Литовского государства и установление «вечных, прочных союзнических связей» с Германией, которые должны были быть закреплены военной конвенцией, конвенцией о транспортном сообщении, таможенным союзом и введением единой валюты [4, с. 21].

Крушение восточного фронта в июне 1944 г. все же не сломило Третий рейх и отступление с оккупированной территории СССР не останавливало реализацию генерального плана «Ост». Естественно, изначальные планы Третьего рейха были в значительной степени скорректированы и основной упор делался на создание переговорных позиций с эмиссарами США с целью заключения сепаратного мира. Оставляя БССР, оккупанты забирали с собой «политический ключ» к территории, на которую в любой момент могла заявить права БЦР как «легитимный» представитель альтернативной антисоветской государственности – БНР. Таким образом, политическая конструкция БНР становилась серьёзным предметом торга в переговорах по предполагаемому разделу Восточной Европы. В июне 1944 г. руководящие круги Третьего рейха всерьез рассчитывали на распад коалиции союзников и их вступление в войну против СССР [2, с. 274–275]. В свете вышеуказанных тенденций на фронте и в международной политике иерархам Третьего рейха оставалось только надеяться на успех сепаратных переговоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвин А.М. Белорусская краевая оборона: К вопросу о создании национального войска в годы второй мировой войны // Неман. – 1994. – № 4. – С. 170–191.
2. Шейнман М.М. Ватикан во второй мировой войне. – М.: изд. АН СССР, 1951. – 352 с.
3. Самоделькин П.А. Статус польского правительства в эмиграции в годы Второй мировой войны: новые подходы в изучении вопроса // Известия Росс. гос. педагог. ун-та им. А.И. Герцена. – 2013. – № 159. – С. 39–47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-polskogo-pravitelstva-v-emigratsii-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny-novye-podhody-v-izuchenii-voprosa>.
4. Горлов А.С. СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 7. – С. 20–28.
5. Соловьёв А.К. Белорусская Центральная Рада. – Минск, 1995. – 134 с.
6. Другі Усебеларускі Кангрэс: Матэрыялы, сабр. і апрац. на падставе пратакол. запісаў каміс. БЦР пад рэд. Р. Астроўскага. – Мюнхен: Выд. Беларус. Цэнтр. Рады, 1954. – 96 с.
7. Раманоўскі В.П. Саўдзельнікі ў злачынствах. – Мінск: Беларусь, 1964. – 288 с.
8. Тахтарова С.С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ordnung-kak-kulturnaya-dominanta-v-nemetskoy-lingvokulture> (дата обращения: 20.10.2024).
9. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). – М.: Воен. изд-во, 1974. – 387 с.

Поступила 12.11.2024

**THE REASONS AND CONDITIONS FOR THE BCR
OF THE 2ND ALL-BELARUSIAN CONGRESS ON JUNE 27, 1944
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE OCCUPATION POLICY OF THE THIRD REICH**

D. DLUHASH

(Mogilev State University named after A.A. Kuleshov)

This article examines the reasons and conditions for the holding by the Belarusian Central Rada of the 2nd All-Belarusian Congress on the eve of the liberation of the occupied territory of the BSSR. The motives and goals of organizing the congress by the occupation administration of the Third Reich are determined. The interrelation of political processes in Europe with the conjuncture of the occupation policy of the Third Reich in the first half of 1944, during the preparation and holding of the congress, was established and investigated. The unspoken aspect of the activities of the Belarusian Central Rada in the preparation and holding of the congress is investigated. The features of the political structure of the pseudo-state formation of the Belarusian People's Republic as part of the colonial empire of the Third Reich are determined. The political significance of the Congress resolution in the context of foreign policy processes during the liberation of the territory of the BSSR is analyzed.

Keywords: *Belarusian Central Rada (BCR), collaboration, occupation policy of the Third Reich, 2nd All-Belarusian Congress, Belarusian People's Republic (BPR), General Commissariat of Belarus (GCB).*

УДК 617.3(476)"1943/1970"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-36-43

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТЕЗНОГО ДЕЛА В БССР (1943–1970 гг.)

*канд. ист. наук, доц. И.А. МАРТИНКЕВИЧ**(Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет)*

В статье анализируются основные направления деятельности органов социального обеспечения БССР по организации протезного дела в республике (1943–1970 гг.) Рассматривается процесс образования и совершенствования протезных предприятий, расширение ассортимента выпускаемой продукции и освоение её новых видов. Показан механизм предоставления протезных и ортопедических изделий нуждающимся, а также порядок обеспечения, ремонта и обслуживания специализированных средств передвижения для инвалидов.

Ключевые слова: организация, протезирование, ортопедия, протезы, мотоколяски, автомобиль «Запорожец», ремонт, инвалиды, социальное обеспечение, бытовое обслуживание.

Введение. Завершение Великой Отечественной войны обусловило существенные изменения в государственной социальной политике, отдельные направления которой в послевоенной действительности приобрели большую значимость и стали приоритетными в последующие десятилетия. Одним из таких направлений в БССР стала организация протезно-ортопедической помощи, что сыграло важную роль в реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны, а также их вовлечении в общественную жизнь и производственную деятельность соответственно их физическим возможностям. Формирование этой системы прошло сложный путь развития и совершенствовалось на протяжении десятилетий. Ситуация усложнялась тем, что в условиях послевоенной разрухи на территории БССР не было ни одного предприятия, которое хотя бы частично обеспечивало острую потребность в протезировании. Проблема носила не только медицинский и социальный, но и морально-этический характер.

Основная часть. В качестве отдельного направления социальной политики оказание протезно-ортопедической помощи было выделено ещё до начала войны, когда 13 ноября 1940 г. Наркомат социального обеспечения РСФСР утвердил соответствующую инструкцию. Впоследствии она неоднократно корректировалась и стала своего рода основой в регулировании вопросов протезирования. Одним из таких документов стала «Памятка инвалида войны», в которой подробно излагались указания, касающиеся снабжения инвалидов-фронтовиков. Согласно документу, крупные протезы конечностей им предоставлялись бесплатно как в первый раз, так и при последующей его смене. Мелкие протезно-ортопедические изделия и ортопедическая обувь изготавливались платно. За неё взималась сумма стоимости обычной обуви соответствующего качества (по прейскуранту). Разница между стоимостью обыкновенных и ортопедических изделий оплачивалась государством. По всем вопросам протезирования следовало обращаться в районный отдел социального обеспечения по месту жительства [1, с. 13–14].

После освобождения территории БССР потребность в протезных изделиях серьёзно возросла, однако на территории республики они всё ещё не изготавливались. В этой ситуации необходимость создания местного производства стала очевидной. Вскоре были организованы протезная мастерская в Гомеле и протезный завод в Минске. Уже к 1 января 1944 г. они смогли обеспечить своими изделиями и ремонтом 55 человек, а 107 были направлены на протезные предприятия Наркомсобеса РСФСР. Вместе с тем количество нуждавшихся в протезировании в первые послевоенные годы быстро росло и протезной промышленности республики не удавалось своевременно, а главное, качественно выполнять заказы. Ощущалась острая потребность в квалифицированных протезистах, сказывались и трудности послевоенного времени. Часто в протезных мастерских отсутствовали самые необходимые инструменты, материалы и сырьё. Вместо специальной кожи, применяемой для изготовления подошвы, полушала, а также мелкой кожи высшего качества, на производство поступали материалы абсолютно непригодные для изготовления протезно-ортопедических изделий. Отсутствовали автомашины для доставки топлива, лесоматериалов и сырья. Заявки на необходимые инструменты, материалы и оборудование по специальной номенклатуре, своевременно предоставленные в Госплан БССР, в полной мере также не удовлетворялись [2, л. 8–9].

Несмотря на такие сложные условия, работа по организации протезного дела в БССР постепенно начала приобретать системный характер. Очередным шагом в этом направлении стало утверждение 12 октября 1944 г. Инструкции «О порядке и обеспечении протезно-ортопедическими изделиями БССР», которой устанавливалась приоритетность обеспечения протезно-ортопедическими изделиями. В первую очередь, они полагались тем инвалидам, которым были необходимы для работы. Зубные, глазные протезы и чулки при варикозном расширении вен на ногах производились органами здравоохранения. В то же время, Наркомсобес БССР осуществлял контроль за обеспечением протезно-ортопедическими изделиями (ответственным был отдел протезирования), давал указания и пояснения о порядке протезирования, правильности расходования выделяемых на эти нужды средств, осуществлял учёт инвалидов.

Обеспечение крупными ортопедическими изделиями, такими как искусственные ноги и руки, ортопедические корсеты, obturatory и их ремонт осуществлялось за счёт государства инвалидам Великой Отечественной войны и Гражданской войны, в том числе офицерскому составу, бывшим красногвардейцам и партизанам, инвалидам Империалистической войны. Это положение распространялось на пенсионеров, получавших пенсиями по государственному социальному страхованию, а также персональных и академических пенсионеров, инвалидов

детства, рабочих, служащих и учащихся, нуждающихся в протезах, вне зависимости от того, получали они пенсию или нет. Всем остальным ремонт предоставлялся только на платной основе и мелкие протезно-ортопедические изделия для лица, а также ортопедическая обувь. Исключением были только инвалиды Великой Отечественной войны, которым она выдавалась безвозмездно, но только в первый раз [3, л.47, 47об].

Согласно инструкции, мелкие протезы должны были изготавливать в 10-дневный срок, который исчислялся в зависимости от загрузки предприятий и указывался в квитанции, выдаваемой на руки заказчику. При этом в срок изготовления не входили нерабочие дни, а также время, затраченное на поездку выездных бригад, примерку и получение готового изделия. Ремонт протезно-ортопедических изделий предписывалось производить также в течение 10-ти дней. Сроки эксплуатации протезов также строго регламентировались. Так, протезы ног были рассчитаны на два года, рук – на три, ортопедические корсеты и аппараты – на год-полтора. Ответственность за качество изготавливаемых изделий была полностью возложена на протезные предприятия, вплоть до изготовления новых за свой счёт. Замена протезов ранее установленных сроков допускалась только по медицинским показаниям.

Все расходы, связанные с поездкой на протезирование по вызову соответствующих предприятий, оплачивались органами социального обеспечения из средств, отпущенных на протезирование только тем инвалидам, которые получали пенсию через органы социального обеспечения. Компенсация расходов включала в себя фактическую стоимость проезда, а также квартирные – не выше 5 рублей в сутки. Суточные оплачивались по усмотрению органов социального обеспечения, но в размере не более 17 руб. в день. При направлении инвалида на примерку или получение протеза, в обязательном порядке отмечалось, какая сумма выдавалась на протезные расходы [3, л. 48-49].

Принятые меры были направлены на повышение качества обслуживания инвалидов, сокращение сроков изготовления протезных изделий, создание более комфортных условий в процессе протезирования. Но в действительности, по мере возвращения с войны, своевременно обеспечивать их протезами становилось всё сложнее. Поэтому 5 апреля 1945 г. на очередном заседании СНК БССР выдал постановление «О мерах по улучшению протезной потребности инвалидов Великой Отечественной войны и других категорий в БССР». Чтобы обеспечить протезами обозначенные категории населения, председателям облисполкомов Могилевского, Бобруйского и Гродненского Советов трудящихся депутатов было поручено организовать по одной протезной мастерской областного подчинения в Могилеве, Бобруйске и Гродно. Планировалось, что до 20 апреля 1945 г. они будут укомплектованы рабочими соответствующей квалификации с численностью не менее 20 человек в каждой. Стоит отметить, что в действительности набор сотрудников протезных мастерских чаще всего проходил за счет уже действующих организаций местной промышленности, промкооперации и других учреждений. Это говорит о том, что на момент выхода документа потребность в специалистах протезной промышленности в республике по-прежнему не была удовлетворена.

Существенной проблемой организационного плана оказалось выделение для протезных мастерских подходящих помещений. С этой целью председателю Мингорсовета было поручено найти в г. Минске здания под примерочную и общежитие на 10 человек для инвалидов Великой Отечественной войны, прибывавших для подгонки и получения протезов. Председатели Могилевского, Гродненского и Витебского исполкомов должны были обеспечить бесперебойное снабжение электроэнергией протезные мастерские. Всё ещё ощущалась острая нехватка материалов, из которых изготавливались протезы, поэтому в БССР эти предприятия приходилось обеспечивать полуфабрикатами. Только во 2-м квартале 1945 г. Наркомату социального обеспечения БССР для их организации было выделено необходимое оборудование, инструменты и материалы.

По мере того, как развивалась протезная промышленность республики, изменялась и её управленческая структура: вместо отдела протезирования был создан отдел протезного производства и утверждена дополнительная штатная единица – заместитель председателя социального обеспечения по протезной промышленности [4, л. 1]. Несмотря на усилия руководства по организации протезного дела в БССР, протезов по-прежнему не хватало, а в работе вновь организованных мастерских было много недостатков. Принятые решения часто не выполнялись по ряду объективных и субъективных причин. К примеру, согласно постановлению СНК БССР от 27 декабря 1945 г. протезные предприятия Наркомата БССР должны были ежемесячно изготавливать и сдавать по 100 пар протезной обуви для удовлетворения нужд инвалидов Великой Отечественной войны. Однако за 6 месяцев 1945 г. вместо 600 пар обуви было изготовлено и сдано протезной промышленности только 50 пар. Такая ситуация объясняется тем, что протезные предприятия БССР в 1945 г. производили протезы только для инвалидов Великой Отечественной войны, находившихся в эвакуированных госпиталях, а за это время было собрано много заказов от инвалидов-фронтовиков, вернувшихся домой. Действующие в Минске и Гомеле протезные мастерские в это время были загружены заказами на 4 месяца вперед, а вновь организованные в Витебске, Могилёве, Бобруйске изготавливали только ортопедическую обувь и ещё не освоили на тот момент производство протезов. В таких условиях Народному комиссариату социального обеспечения БССР пришлось обратиться к руководству республики за разрешением прекратить на три месяца приём заказов, чтобы выполнить уже принятые и, одновременно, освоить производство протезов вновь организованными мастерскими [5, л. 95]. Принятая мера не решила проблему, а привела к тому, что инвалиды Великой Отечественной войны, завершившие лечение в госпиталях, получали протезы без обуви, что приводило к их быстрому износу.

В сложившейся ситуации руководству республики предпринимало шаги по обеспечению необходимого количества поставок обуви протезным предприятиям Наркомата БССР. С этой целью 11 октября 1945 г. СНК БССР принял постановление «О мерах по оказанию помощи протезным предприятиям Наркомата социального обеспечения БССР», которым предусматривалось проведение ежемесячных курсов по подготовке протезистов численностью 30 человек в 4-м квартале 1945 г. [5, л. 88]. Это позволяло в ближайшей перспективе обеспечить кадрами, но

не могло существенным образом повлиять на решение проблемы в целом. Поэтому поиск решений был продолжен. Так, в письме первого заместителя председателя СНК БССР К.В. Киселева директору Калининского протезного завода 29 октября 1945 г. чиновник просил изготовить 150 протезов и передать их Наркомату БССР. [5, л. 86].

Чтобы повысить эффективность работы по протезированию, требовались не только значительные материальные средства, но и принятие ряда организационных мер, одной из которых было улучшение ведения учёта нуждающихся инвалидов. Выборочные проверки, проведённые в 1946 г., показывали, что в большинстве случаев, соответствующие списки составлялись только на основании обращений за протезами самих инвалидов. В некоторых районных и городских отделах социального обеспечения их учёт не вёлся вовсе или составлялся в произвольной форме. Это приводило к отсутствию в документах ключевых данных: адреса инвалида, даты принятия на учёт, получения протеза, отбытия инвалида в другой район и т.д. Нередко в списках, нуждающихся в протезных изделиях числились те, кому требовалось обучение ходьбе, или зубное, ушное, глазное ортопедирование, не связанное с изготовлением соответствующих изделий. В то же время, если одному человеку требовалось сразу несколько видов протезов, его могли учитывать повторно, что приводило к путанице и завышению общего числа инвалидов.

Отчётность о количестве протезированных инвалидов зачастую составлялась на основании выданных нарядов на их изготовление, а не исходя из данных о получении инвалидами протезов. В результате они учитывались как протезированные, что не соответствовало действительности. Органы социального обеспечения нередко ограничивались выдачей инвалиду нарядов на протез и не следили за сроком и качеством выполнения заказа. В целом, неточности учёта, в известной мере, затрудняли планирование производства и обеспечения необходимыми изделиями инвалидов. Сложившаяся ситуация попала в поле зрения министра социального обеспечения БССР Е.Т. Гуценковой. Она поручила в месячный срок проверить правильность составляемых списков инвалидов, обеспечить порядок в их учёте и установить систематический контроль за организацией учёта [6, л. 21].

Принимаемые меры по улучшению учёта инвалидов войны начали приносить первые положительные результаты. Так, на республиканском совещании руководящих работников социального обеспечения БССР по итогам работы органов социального обеспечения за 1946 г. и планировании работы на следующий год отмечалось, что в этот период было протезировано 12 936 инвалидов Великой Отечественной войны и труда [7, л. 9]. Вместе с тем, качество изготавливаемых протезно-ортопедических изделий по-прежнему оставалось низким, поэтому всех директоров протезных предприятий обязали исправить ситуацию и искоренить брак в процессе производства. Все протезно-ортопедические изделия теперь следовало относить к сортности с обязательным установлением фабричной марки. Кроме того, руководители предприятий должны были установить повседневный контроль за прохождением и выполнением заказов, следить за соблюдением строгой очерёдности изготовления протезов и полностью обеспечивать выполнение инструкций Министерства социального обеспечения на этот счёт. Также было рекомендовано освоить новые виды протезов облегченного типа, более удобных для использования. Для этого принимались меры по улучшению организации труда на протезных предприятиях, повышению производительности и обеспечению дальнейшего снижения себестоимости изготавливаемой протезно-ортопедической продукции. Совместно с директорами протезных предприятий было указано составить график выезда бригад техников-смерщиков и врачей в районы и области для снятия мерок и принятия заказов от инвалидов. Заведующим областными городскими и районными отделами социального обеспечения было необходимо проверять правильность составления списков инвалидов, обеспечивать порядок в их учёте через систематический контроль [7, л. 16–17].

Параллельно велась работа по внедрению новых норм выработки на протезных предприятиях, направленных на увеличение количества выпускаемой продукции. К маю 1947 г. такие нормы были утверждены взамен ранее существовавших, что стало значительным стимулом в повышении производительности труда и выполнении плана, отмеченных на Коллегии Министерства социального обеспечения БССР и директоров Минского протезного завода 18 октября 1947 г. В результате рост производительности по отдельным предприятиям значительно вырос (таблица 1).

Таблица 1. – Квартальная выработка протезных предприятий БССР до и после введения новых норм

Предприятие	Квартальная выработка по старым нормам	Квартальная выработка по новым нормам	Производительность труда
Минский завод	3 774	4 700	126,4
Гомельская мастерская	3 305	4 342	131,4
Гродненская мастерская	3 285	3 384	117,3
Бобруйская мастерская	2 201	2 990	135,9
Могилёвская мастерская	2 794	2 930	104,9
Витебская мастерская	2 200	2 550	115,9

Наряду с повышением производительности труда увеличилась и средняя квартальная заработная плата по Минскому протезному заводу и Гомельской мастерской. В то же время в Бобруйской, Могилёвской, Витебской и Гродненской протезных мастерских она незначительно снизилась, что было связано со слабой организацией труда. Протезные предприятия всё ещё не реализовывали всех возможностей улучшения производительности работы и не в полной мере использовали с этой целью социалистическое соревнование.

Чтобы повысить производственные показатели, директоров протезных предприятий приказом министра обязали улучшить руководство соцсоревнованиями и обеспечить заключение индивидуальных социалистических договоров. В цехах и бригадах предписывалось ежедневно вывешивать итоги работы соревнующихся. Для

повышения качества и производительности труда руководители протезных предприятий должны были организовать постоянный сбор рационализаторских предложений, технических изобретений и приспособлений. Для отстающих рабочих, например, на Минском протезном заводе организовывалось обучение и повышение квалификации работников. Это несколько улучшило качество изделий, но не решило проблем, связанных с их изготовлением в установленные сроки. К примеру, Гомельская протезная мастерская к осени 1947 г. всё ещё была перегружена заказами. В связи с этим было принято решение о переподчинении Пинской области от Гомельской протезной мастерской к Минскому протезному заводу, руководству которого к 1 ноября 1947 г. был доведён новый план – выпустить 200 пар массовой обуви для Гомельской протезной мастерской. Чтобы своевременно выполнить эти нормы и устранить накопившиеся заказы, директор Гомельской протезной мастерской Фрид был вынужден перенаправить всех сапожников на изготовление ортопедической обуви [8, л. 123–124].

Такие меры позволили увеличить количество изготавливаемых протезов, но не их качество. Опытных и высококлассных специалистов в протезных мастерских по-прежнему не хватало. Свидетельством этого стали многочисленные анонимные обращения и письма в контролирующие инстанции инвалидов Великой Отечественной войны, где те указывали на то, что примерка часто проходила некачественно, протезы были неудобными, рвали одежду и натирали тело до кровавых мозолей [9, л. 405, 407]. Даже через десять лет после освобождения БССР в отчете о работе отдела социального обеспечения Наркомата БССР за 1954 г. отмечалось, что проблема выпуска некачественной продукции и нарушения сроков изготовления протезов окончательно решена не была. Тем не менее, к тому времени была заложена важная основа системы протезирования: к 1 января 1954 г. в БССР действовало 6 протезных предприятий, которые обеспечивали потребности инвалидов во всех видах протезов, выпущено 7 416 штук протезных изделий, а также передано в пользование потерявшим на фронтах здоровье воинам 7 663 пары протезно-ортопедической обуви [9, л. 53].

По мере восстановления промышленности и улучшения экономического положения в республике, вводились новые формы оказания помощи инвалидам. Одной из них стало обеспечение специальными транспортными средствами. Постепенно увеличивалось количество инвалидов Великой Отечественной войны, которые смогли получить моторизованные коляски, а также протезы-коляски рычажного управления, что существенно облегчало условия их жизни и расширяло возможности для трудоустройства. К началу 1950-х гг. инвалиды получили 280 моторизованных колясок и 150 колясок-протезов с рычажным управлением. Вместе с тем говорить о полном удовлетворении потребностей, как и о преодолении всех недостатков в деле протезирования, было ещё рано [9, л. 56].

На закрытом собрании партийных организаций Министерства социального обеспечения 27 августа 1956 г. отмечалось, что протезные предприятия выполнили план по выпуску продукции за первое полугодие, но по-прежнему фиксировались нарушение сроков и некачественное изготовление изделий. В то же время работники Министерства не всегда принимали своевременные и эффективные меры для устранения этих недостатков [10, л. 18–20]. Результаты проверок производств протезно-ортопедических изделий и обеспечения ими инвалидов в Гродненской и Брестской областях показывали, что Гродненская протезная мастерская, улучшив работу со своевременным выполнением заказов, не соблюдала сроки их изготовления и ремонта. Согласно инструкции «О порядке обеспечения инвалидов протезно-ортопедическими изделиями» Совета Министров БССР, принятой ещё 12 февраля 1952 г., сроки не должны были превышать 30 дней, а фактически в 1959 г. многие изделия изготавливались на протяжении 3–4 месяцев и более. К 1960 г. это время сократилось до 2-х месяцев, что было лучшим показателем, но также не соответствовало установленным нормам [11, л. 29].

Работа протезных мастерских в других областях республики была организована на таком же уровне. К примеру, в апреле 1959 г. инвалид Великой Отечественной войны I-й группы Давыдов с ампутацией обеих ног выше колен, проживающий в Шкловском районе Могилёвской области, обратился в облсобес с заявлением: «стеснён в средствах передвижения потому, что не может пользоваться полученным протезом». Однако, вместо того, чтобы направить к инвалиду работников и устранить на месте неисправность в протезе, руководство мастерской вызвало Давыдова в Могилёв. В организации для таких целей была грузовая машина, но для выездов в отдалённые населённые пункты и снятия мерок, ремонта протезов по каким-то причинам она не использовалась, и выезд работников не производился, хотя потребность в этом была. Несмотря на то, что Могилёвская протезная мастерская располагалась в новом, специально построенном помещении, была укомплектована рабочими и необходимым оборудованием для качественного и своевременного выполнения заказов, с июня 1958 г. по апрель 1960 г. в мастерской не было врача-протезиста. В областном отделе социального обеспечения об этом знали, но помощи в укомплектовании вакантной врачебной должности не оказывали. Вместо этого с апреля 1960 г. обязанности протезиста выполнял по совместительству врач Ковальчук, хотя его основным местом работы был рентген-кабинет областной больницы. В мастерской он работал с 9:00 до 13:00, а в остальное время снятие мерок, примерка, подгонка и выдача протезов осуществлялась техноруком и техником-мастером без участия врача. Очевидно, что вышеприведённые факторы не способствовали улучшению работы предприятия.

Трудно обстояли дела с ремонтом протезов, так как в городских и районных отделах социального обеспечения инвалидам не выписывались наряды на их починку без справок соответствующей мастерской о необходимости ремонта. В результате инвалид был вынужден обращаться сначала в мастерскую за справкой, затем в городской или районный отдел социального обеспечения, где выписывался наряд, и опять идти в мастерскую для оформления заказа и сдачи протеза в ремонт. Похожая ситуация складывалась и с мотоколясками, починка которых на Могилёвском авторемонтном заводе, за исключением гарантийной, практически не велась. По этой причине

после истечения гарантии инвалиды, имевшие в распоряжении мотоколяски, не сдавали их на завод, а покупали на заводе запасные части и ремонтировали у частных лиц (1 июля 1960 г.) [12, л. 35–41].

Частыми причинами затягивания выполнения заказов было отсутствие или несвоевременное получение полуфабрикатов от заводов-поставщиков. Это происходило, в том числе, и по вине руководителей протезных мастерских, которые при подаче заявок не всегда верно определяли количество и наименование необходимых им полуфабрикатов. К примеру, в 1960 г. Могилёвская протезная мастерская подала заявку на 70 комплектов шин для изготовления протезов предплечья, однако, на 1-й квартал 1960 г. было поставлено только 20 комплектов от необходимого количества. Вместе с тем, за этот период поступило около 40 заказов. В результате, из-за недостатка шин производство протезов затянулось. Гродненская мастерская заказала на 1960 г. 70 штук хлорвиниловых кистей, хотя такое количество не удовлетворяло и полугодовой потребности мастерской.

В Гродненской области также медленно решался вопрос с выдачей инвалидам мотоколясок. На 1 января 1961 г. в этом облсобесе на очереди за их получением стояло 72 человека, а по плану на 1960 г. в область поставили только 55 мотоколясок, то есть 17 человек так и не были обеспечены ими в срок.

По мере того, как увеличивалось количество, и ассортимент предоставляемых инвалидам средств передвижения возникали и новые проблемы. Много нареканий вызывало качество предоставляемых мотоколясок, особенно модель С-3-А. В жалобах инвалиды сетовали на недостаток мощности и надёжности, а ремонт, особенно капитальный, как правило, был связан с большими трудностями: плановая починка и техобслуживание проводились только централизованно на государственных предприятиях, в частности, вышеуказанную модель должны были обслуживать на Гродненском заводе управления запасных частей и ремонтных предприятий СНХ БССР. Однако этот процесс часто затягивался на неопределённые сроки [11, л. 30–32].

Схожая ситуация с протезированием наблюдалась и в Гомельской мастерской: низкое качество, неудобные, тяжёлые и быстро ломающиеся протезы, нарушение сроков изготовления – частые причины обращений и недовольства инвалидов. Например, инвалид Великой Отечественной войны И. Е. Ефременко из Чечерского района заказал ортопедическую обувь 15 марта 1960 г. и несколько раз приезжал за 50 км, а изготовлена она была только 25 мая, через 70 дней после заказа. В Гомельской области органы социального обеспечения не знали, сколько у них проживало инвалидов, сколько из них протезируют и по каким причинам, а цифры, которыми они владели, не охватывали тех фронтовиков-инвалидов, которые никогда не обращались в эти органы с целью протезирования, хотя и имели потребность.

Порядок выдачи мотоколясок нарушался, а их качество по-прежнему вызывало нарекания. Вместе с тем поломки средств передвижения инвалидов не всегда были связаны только с невысоким качеством самих изделий. Существенным фактором была слабая организация обучения инвалидов управлению мотоколясками. Курсы были рассчитаны только на 13 дней, а в программе обучения из 78 часов на вождение отводилось только 3 часа. Учитывая, что в группе занималось в среднем по 20 человек, а на одного человека приходился примерно 1 час езды, очевидно, что технические навыки за такой короткий срок приобрести было просто невозможно. Чтобы прояснить сложившуюся ситуацию на предприятие была направлена проверка. Директор завода Вольфсон пояснял, что в 1960 г. производство вовсе не занималось ремонтом и до конца года ситуация в этом отношении не изменится, поскольку Серпуховский мотозавод не выслал необходимых запчастей, хотя заявка была направлена в Серпухов ещё 23 декабря 1959 г [12, л. 68–73].

Помимо объективных причин, обусловленных несовершенством работы инструментов плановой экономики, существовали и организационные недоработки на местах. К примеру, в 1960 г. в Гомельский областной отдел социального обеспечения с устной просьбой отремонтировать мотоколяску мужа обратилась жена инвалида Великой Отечественной войны Погорельского М.Г. Но обращение было оставлено без внимания, так как сотрудники облсобеса посчитали, что на ремонт потребуется 2 000 рублей, а Погорельский имел право получить в 1961 г. новую мотоколяску. Из-за невнимательности сотрудников отдела соцобеспечения инвалид войны I-й группы был лишён возможности передвигаться и в течение целого года ждал, пока ему выделят новую мотоколяску [11, л. 33].

Подобные случаи требовали от правительства принятия оперативных и действенных мер. 31 мая 1960 г. на заседании Совета Министров СССР заведующий отделом комитета советского контроля А. Глоцкий внёс предложения, направленные на улучшение обеспечения инвалидов протезно-ортопедическими изделиями, обратив внимание, что эта работа должна проводиться в тесной связи с медицинскими учреждениями, особенно со специалистами-ортопедами. Он предложил передать протезные предприятия от органов министерства социального обеспечения в подчинение Минздрава, а для повышения эффективности перевести их на повременную оплату. По мнению чиновника, действующая на тот момент сдельная оплата труда была важнейшей причиной понижения качества выпускаемых изделий [11, л. 34]. По итогам заседания было принято решение предварительно провести республиканскую проверку производства протезно-ортопедических изделий и организации протезирования инвалидов в БССР. В письме 24 июня 1960 г. секретарю ЦК КП(б) Т.Я. Киселёву о результатах проверки указывалось, что шесть протезно-ортопедических предприятий, в целом, выполняли плановые показатели. Вместе с тем по-прежнему инвалиды часто жаловались на непрочность деталей, быстрый износ и поломки. Протезы всё ещё изготавливались тяжёлыми и громоздкими, а их подгонке не уделялось должного внимания. К примеру, в г. Речице из 62 инвалидов только 7 не высказали нареканий по качеству, а 18 вовсе не пользовались протезами, из-за их неудобства. На Минском протезном заводе в 1959 г. было выполнено 1 211 заказов на обувь с опозданием, что составило около 32% от

всех заказов. Медленно решался вопрос обеспечения всех нуждающихся инвалидов мотоколясками. К 1960 г. для Министерства социального обеспечения БССР их было выделено только 1 000 шт. (модель С-3-А Серпуховского завода). В то же время на 1 января 1960 г. в областных отделах социального обеспечения на очереди с 1958 по 1959 гг. уже стояло 1 153 инвалида Великой Отечественной войны и Советской Армии. На протезных предприятиях не хватало квалифицированных кадров и врачей-специалистов. [11, л. 110–115].

Улучшению производства протезно-ортопедических изделий и организации протезирования в республике уделялось большое внимание со стороны государства, причём нередко обсуждение приобретало дискуссионный характер. Так, на очередном заседании Совета Министров Белорусской ССР 30 июля 1960 г. было принято решение об укомплектовании всех должностей врачей-протезистов на соответствующих предприятиях республики и расширении при них экспериментальной базы мастерских в институте травматологии и ортопедии. В то же время предложение заведующего отделом комитета советского контроля Совета Министров в СССР А. Глоцкого о передаче протезирования Минздраву было признано нецелесообразным. Против его принятия выступил министр здравоохранения БССР И.А. Инсаров. Он отмечал, что обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны полностью возложено на органы социального обеспечения республики, следовательно, переподчинять один из видов этого обслуживания (протезирование) органам здравоохранения нет смысла. По мнению чиновника, если передать органам здравоохранения всё протезное дело, то следовало аналогично поступить с ВТЭК и всеми делами инвалидов [11, л. 125–126].

Важной мерой, направленной на повышение эффективности обеспечения средствами передвижения инвалидов, стало принятие 12 января 1961 г. инструкции о порядке проведения капитального ремонта мотоколясок, принадлежащих инвалидам БССР. Согласно документу их капитальный ремонт проводился в соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 8 декабря 1960 г. «О ремонте мотоколясок для инвалидов» районными предприятиями управления запчастей и ремонтных предприятий СНХ БССР. При этом он должен был производиться в обезличенном порядке, а все мотоколяски, агрегаты и узлы, сдаваемые и выдаваемые после восстановления, по типу и конструкции должны были соответствовать модели завода-изготовителя – Серпуховского мотовелозавода.

Капитальный ремонт мотоколясок за счёт государства осуществлялся бесплатно только один раз в течение пятилетнего срока со дня выдачи. Его рекомендовалось осуществлять только на 3-4 году эксплуатации. Для принятия в ремонт необходимым условием было наличие пробега в размере не менее 20 тыс. км для городской и 12 тыс. км для сельской местности. При этом, если мотоколяска выходила из строя преждевременно (по вине владельца), бесплатно её капитальный ремонт осуществлялся только один раз в течение пятилетнего срока эксплуатации, а доставка мотоколяски туда и обратно, к месту жительства инвалида осуществлялась им же и за свой счёт [12, л. 6]. Чтобы средство передвижения было принято ремонтной мастерской, предъявлялся ряд требований, выполнение которых вызывало у инвалидов существенные затруднения. К примеру, мотоколяски принимались только в том случае, если их узлы и агрегаты находились в собранном виде, соответствовали требованиям инструкции, без деталей, заменённых перед отправкой в мастерскую на негодные. Транспортные средства принимались на всех колёсах с накачанными шинами и аккумулятором, полностью очищенными от грязи и вымытыми. Если какой-то из этих пунктов не выполнялся, в ремонт их могли не принять. В таких случаях составлялся акт с указанием причины отказа, который направлялся органам социального обеспечения.

Вместе с тем серьёзные требования предъявлялись и к предприятиям, производившим ремонт. Так, после починки мотоколяска должна была пломбироваться, иметь действующий спидометр, установленный на нуле, и заряженный аккумулятор. Перед тем, как забрать её, владелец имел право провести внешний осмотр на наличие дефектов. Ремонтные предприятия были обязаны предоставлять акт испытания транспортного средства и его агрегатов, прилагать соответствующий паспорт с указанием, когда специальные транспортные средства испытывались пробегом и приняты отделом технического контроля ремонтного предприятия, а также обязательным представлением его трафарета, где указывались наименование, порядковый номер и даты приёмки ОТК. Если во время приёмки выявлялись какие-либо недостатки, то ремонтные предприятия были обязаны их устранить в соответствии с установленными инструкцией сроками (в течение месяца со дня сдачи в капитальный ремонт). После передачи мотоколяски владельцу ремонтные предприятия гарантировали исправную работу в течение 6 месяцев со дня её выдачи, при условии нормальной эксплуатации. В течение этого времени все обнаруженные владельцем неисправности, допущенные ремонтным предприятием, устранялись безвозмездно, при условии соблюдения правил использования и порядка её обкатки. Наряды на производство капитального ремонта мотоколясок выдавались областными отделами социального обеспечения, а в городе Минске – городским отделом социального обеспечения, по заявлению их владельцев на основании выделенного ими технического акта [12, л. 7–8]. Расходы на капитальный ремонт не должны были превышать 50% стоимости мотоколяски, проезда инвалида для её сдачи и получения обратно. Снабжение ремонтных предприятий необходимыми деталями осуществлялось в централизованном порядке, по заявкам, через управление запасных частей и ремонтных предприятий СНХ БССР [12, л. 6].

К середине 1960-х гг. система продолжала совершенствоваться. На этом этапе особое внимание государство уделяло искоренению упомянутых выше недостатков. Руководством Министерства социального обеспечения БССР было дано указание облсобесам установить повседневный контроль за выполнением заказов, следить за соблюдением строгой очерёдности изготовления протезов, полностью обеспечивать выполнение инструкций на этот счёт. Директорам протезных предприятий рекомендовалось освоить производство новых видов протезов

облегченного типа, которые были бы более удобными в использовании. Для этого принимались меры по улучшению организации труда на протезных предприятиях, повышению их производительности, обеспечению дальнейшего снижения себестоимости изготавливаемых протезно-ортопедических изделий.

Заведующие областными, городскими и районными отделами социального обеспечения были обязаны следить за своевременным приездом инвалидов на примерку и получением протезных изделий по выдаваемым нарядам. Совместно с директорами составлялись графики выезда бригад техников-смерщиков и врачей в районы и области для снятия необходимых замеров и последующей приёмки заказов от инвалидов на изготовление протезов. Также на них возлагалась ответственность за проверку правильности составления списков инвалидов, нуждающихся в протезных изделиях, обеспечение точного подсчёта и контроля за постановкой на учёт [6, л. 16–17]. В целом можно сказать, что к середине 1960-х гг. протезирование инвалидов в республике стало носить адресный характер. Особенно это проявлялось в распределении средств передвижения. К примеру, в областном отделе социального обеспечения Витебского областного совета депутатов с 28 января 1966 г. и в дальнейшем ежемесячно проходили заседания общественной комиссии, на которой персонально по каждой заявленной фамилии принималось решение о выдаче автомобилей «Запорожец» [13, л. 1].

В организационном плане шёл процесс централизации управления протезных предприятий: с 1 июня 1968 г. было создано производственное объединение протезной промышленности, в состав которой вошли Минский протезный завод, Бобруйская, Витебская, Гомельская, Гродненская и Могилёвская протезные мастерские, получившие после реорганизации название «Производственное объединение "Протезист" Министерства социального обеспечения БССР». Головным предприятием производственного объединения был утверждён Минский протезный завод, а протезные мастерские были преобразованы в филиалы производственного объединения, лишившись финансовой самостоятельности (Гомельская – филиал № 1, Витебская – филиал № 2, Могилёвская – филиал № 3, Бобруйская – филиал № 4, Гродненская – филиал № 5). Директором производственного объединения «Протезист» был назначен Ф.Н. Денисов [14, л. 96].

Проблема ремонта и обеспечения мотоколясками также стала решаться более эффективно. Особое внимание уделялось целевому использованию финансирования, выделяемого на эти нужды. 27 ноября 1968 г. был издан специальный приказ Минсобеса БССР о правильности расходования средств, выдаваемых для обеспечения инвалидов автомобилями и мотоколясками. Вместе с тем в документе подчёркивалось, что проведённые министерствами социального обеспечения и финансов в Минске и Гомельской области проверки выявили при выдаче инвалидам мотоколясок несоблюдение сроков их эксплуатации, факты неправомерного приобретения автомобилей по льготной стоимости. В некоторых случаях они выдавались инвалидам без достаточных показаний на их получение, что было грубейшим нарушением постановлений правительства по обеспечению инвалидов мотоколясками. Чаще всего нарушения допускались при проведении капитального ремонта мотоколясок и автомобилей. Установленный срок в 6 и 2 года для автомобилей и мотоколясок соответственно не соблюдался, а в Брестской и Гродненской областях стоимость ремонта мотоколясок превышала установленную цену.

Областной отдел и Минский городской отдел социального обеспечения не следили за качеством капитального ремонта технических средств и свою обязанность сводили к оплате счетов, предоставляемых ремонтными предприятиями. В ряде случаев областные ВТЭК допускали много ошибок при определении медицинских показаний для обеспечения инвалидов средствами передвижения. Часто давались отрицательные заключения по предоставлению мотоколясками, а при более внимательном подходе к инвалиду оказывалось, что все основания для этого были. Заведующим областным и Минским городским собесами было поручено при решении вопросов по обеспечению инвалидов мотоколясками и автомобилями «Запорожец» с ручным управлением, а также при проведении их капитального ремонта, обратить на такие случаи особое внимание и исключить их в дальнейшей работе, систематически осуществлять контроль за качеством ремонта автомобилей, мотоколясок и его стоимостью. Начальнику отдела протезирования и бытового обслуживания Зубовскому К.И. было приказано разобрататься в стоимости капитального ремонта мотоколясок и внести предложение об утверждении оптовой цены, усилить контроль за правильностью правомочностью решений областных и Минского ВТЭК [14, л. 96–98].

Перечисленные меры постепенно начали приносить положительные результаты. Только с 1960 по 1969 гг. включительно товарная продукция протезных предприятий возросла почти в 4 раза, а её реализация – в 3,5 раза. Существенно увеличился выпуск изделий в натуральном выражении. Так, если в 1960 г. выпускалось 8 900 штук протезов всех видов, то в 1969 г. – 10 200 штук. Особенно больших успехов протезная промышленность республики достигла в производстве бандажных изделий, которые в 1960-м г. не производились вовсе, а к 1969 г. их было изготовлено на сумму 163 600 руб. Постепенно увеличивалось количество предоставляемых автомобилей «Запорожец». Первый ЗАЗ-965 сошёл с конвейера 22 ноября 1960 г., а к 1969 г. ими уже было обеспечено 795 инвалидов (таблица 2.).

На фоне очевидных успехов, наметившихся к концу 1960-х гг., многие проблемы всё же приобрели системный характер. Затягивание сроков выполнения заказов, низкое качество протезных изделий, посредственный ремонт, нехватка специалистов в области протезирования и формализм на местах – всё это становилось почвой для обоснованных жалоб. О том, что в деле протезирования было немало острых проблем, красноречиво свидетельствуют данные о количестве поступавших писем и заявлений в Министерство социального обеспечения БССР в 1-м полугодии 1969 г.: их общее число в отдел протезирования и бытового обслуживания составило 2 104 единицы [16, л. 70].

Таблица 2. – Основные показатели работы протезной промышленности за 1960–1969 гг.

	ед. измер.	1960	1965	1966	1967	1968	1969
Товарная продукция в ценах соответствующего периода	тыс. руб.	560	703	870	1191	1569	1937
Реализация товарной продукции	тыс. руб.	558	699	881	1162	1516	1871
Прибыль от реализации товарной продукции	тыс. руб.	57	71	113	203	324	458
Среднесписочная численность пром. произв. персонала	чел.	162	226	252	287	355	364
Выработка на одного работающего (без подростков)	руб.	3457	3111	3452	4149	4755	5426
Фонд заработной платы без премий из фонда предприятия и фонда материального поощрения	тыс. руб.	139	223	275	334	407	464
Среднемесячная заработная плата	руб.	72	82	91	97	101	106
Фонд социокультурных мероприятий и жилищного строительства	тыс. руб.	–	–	–	–	11,2	27,3
Фонд материального поощрения	тыс. руб.	–	–	–	–	30,5	85,5
Фонд развития производства	тыс. руб.	–	–	–	–	13,4	20,4
Выпуск продукции в натуральном выражении							
Протезы всех видов	тыс. шт.	8,9	8,7	9,7	9,1	9,5	10,2
Обувь протезно-ортопедическая	тыс. пар.	10,7	12	13,3	13,9	14,8	15,4
Бандажные изделия	тыс. руб.	–	20,9	33	55,2	106,3	163,6
Кроме этого выдано							
Автомашин «Запорожец»	шт.	–	484	640	713	840	795
Мотоколясок	шт.	985	280	800	900	2403	650

Источник: [15].

Заключение. С восстановлением первых протезных предприятий в республике постепенно начала выстраиваться механизм протезирования, который со временем трансформировался в сложноструктурированную систему, способную не только эффективно решать поставленные перед ней задачи, но и постоянно совершенствоваться, расширяя спектр оказываемых услуг. Это нашло своё выражение в принятии ряда законов, постановлений, инструкций, а также мер организационного плана, направленных на повышение эффективности протезирования и обеспечение средствами передвижения инвалидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятка инвалида войны / Сост. О.И. Гандина, О.И. Галкина, Н.М. Ободан, Л.С. Шпиро. – Л.: Б. и., 1941. – 60 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 102. Оп. 3. Д. 4.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1970. Оп. 2. Д. 2.
4. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1739.
5. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3059.
6. ГАВО. – Ф. 1738. Оп. 2. Д. 6.
7. ГАВО. – Ф. 1738. Оп. 2. Д. 40.
8. ГАВО. – Ф. 1970. Оп. 2. Д. 5.
9. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3067.
10. НАРБ. – Ф. 102. Оп. 8. Д. 26.
11. НАРБ. – Ф. 911. Оп. 1. Д. 534.
12. ГАВО. – Ф. 1970. Оп. 3. Д. 5.
13. ГАВО. – Ф. 1970. Оп. 3. Д. 98.
14. ГАВО. – Ф. 1970. Оп. 3. Д. 115.
15. Основные показатели работы органов социального обеспечения БССР за 1956–1969 гг. / Мин-во соц. обеспечения БССР. – Минск, 1970. – 95 с.
16. ГАВО. – Ф. 1970. Оп. 3. Д. 200.

Поступила 05.11.2024

ORGANIZATION OF PROSTHETIC WORK IN THE BSSR (1943–1970)

I. MARTSYNKEVICH

(Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University)

The article analyzes the main areas of activity of the social security agencies of the BSSR in organizing prosthetic business in the republic (1943–1970). The process of formation and improvement of prosthetic enterprises, expansion of the range of manufactured products and development of new types of them are considered. The mechanism of providing prosthetic and orthopedic products to those in need, as well as the procedure for providing, repairing and servicing specialized vehicles for the disabled are shown.

Keywords: organization, prosthetics, orthopedics, prostheses, motorized carriages, Zaporozhets car, repair, disabled people, social security, household services.

УДК 069(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-44-48

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ БССР
В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» (1953–1964 гг.)****О.И. СЕВНИЦКАЯ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье характеризуется культурно-просветительная деятельность музеев в период хрущевской «оттепели» (1953–1964 гг.). На основе архивных первоисточников и исторической литературы рассматривается важный период истории отечественных музеев, который совпал с критикой культа личности и реабилитацией жертв политических репрессий, освоением космоса и мирной атомной энергетики, экономическими реформами и улучшением материальной жизни людей и, наконец, попыткой построения коммунистического общества. Партийно-государственная политика в области музейного дела БССР в этот период была направлена на идейно-политическое воспитание советских граждан, увеличение количества экскурсий и других массовых мероприятий, пропаганду коммунистических идей и мировоззрения. Основными формами культурно-просветительной работы музеев являлись экскурсии, лекции, передвижные выставки, кружки, семинары, встречи. За музейем окончательно утвердился статус научно-просветительных учреждений.

Ключевые слова: хрущевская «оттепель», культурно-просветительная работа, выставки-«передвижки», лекции, кружки, семинары, тематические экскурсии.

Введение. В период хрущевской «оттепели» (1953–1964 гг.) перед музеями были поставлены новые идеологические задачи, определившие основные направления их «массовой политико-воспитательной и культурно-просветительной работы». На деятельность музеев особенно повлияло принятие 9 января 1960 г. постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», в которых были обозначены основные направления идеологической работы в СССР, а также формы и методы её осуществления [1, с. 53]. Цель статьи – охарактеризовать и проанализировать культурно-просветительную деятельность музеев в период хрущевской «оттепели». Согласно первому учебному пособию в СССР «Основы советского музееведения» (1955 г.), наиболее полно раскрывавшему функции музеев, культурно-просветительная работа являлась основным направлением деятельности музеев и должна была содействовать выполнению функций пропаганды общественно-значимых и научных идей, воспитанию граждан в духе советского патриотизма, а также способствовать расширению круга музейных посетителей [2, с. 327]. Так, в 1961 г. культурно-просветительная работа Мозырского краеведческого музея строилась и проводилась «...в целях дальнейшей популяризации XXI съезда КПСС, январского Пленума ЦК КПСС, а также решений XXII съезда партии»¹.

XX съезд КПСС, положивший начало развенчанию культа личности И.В. Сталина, дал сотрудникам музеев надежды на решение многих застарелых проблем и открыл новые перспективы в работе. Так, например, в Волковыском военно-историческом музее П.И. Багратиона в 1962 г. в отделе «Великая Отечественная война 1941–1945» были осуществлены мероприятия для окончательной ликвидации последствий культа личности и «полного восстановления последовательной исторической правды». В экспозиции, лекциях и беседах отражалась роль народа, как творца истории и создателя материальных благ. Особое внимание было уделено показу руководящей роли КПСС – направляющей силы Советского народа в борьбе за построение коммунизма и отстаивания мира»².

Широкое распространение получили такие формы культурно-просветительной работы, как экскурсии, кружки, лекции, беседы, семинары, консультации, передвижные выставки, встречи с участниками Гражданской и Великой Отечественной войн, передовиками производства и т.д. Помощь неорганизованным посетителям оказывали выпускаемые музеями путеводители и схемы расположения материалов [2, с. 329]. Вопросы развития культурно-просветительной и образовательной деятельности музеев затрагивались в работах ряда белорусских (А. А. Гужаловский «Музеи Беларуси (1941–1991 гг.)» [1], О.Ю. Лесная «Партийно-государственная политика в области музейного дела БССР в 1953–1964 гг.» [3] и др.) и российских (М.В. Васинская «Культурный туризм в Петродворце в 1960-е гг.» [4], В.И. Златоустова «Государственная политика в области музейного дела (1945–1985)» [5] и др.) авторов.

Основная часть. Среди всех форм культурно-просветительной работы музеев особое место занимали экскурсии, главной целью которых было формирование у посетителей чувства советского патриотизма на научной основе. Для этого в содержании экскурсий должны были найти отражение постановления КПСС и советского правительства по важнейшим вопросам жизни страны. Так, в отчете Мозырского краеведческого музея за 1961 г. говорилось: «При проведении экскурсий особое внимание обращаем на патриотизм наших советских людей, как в прошлом, так и в настоящем, указываем на роль и значение бригад и ударников коммунистического труда в деле срочного выполнения семилетнего плана и построения коммунистического общества в нашей стране»³.

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72. Л. 60.

² НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 136. Л. 60.

³ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72. Л. 112.

В советских музеях широкое распространение получили тематические экскурсии, чему способствовал тематико-хронологический принцип построения экспозиций большинства музеев исторического и краеведческого профилей. В 1964 г. из 440 экскурсий, проведенных в Бобруйском краеведческом музее, 231 были тематическими⁴. Темы экскурсий могли быть как широкие, так и специализированные, в первую очередь, они должны выполнять познавательные и воспитательные задачи, а также откликаться на актуальные общественно-политические события. Так, в Барановичском краеведческом музее в 1961 г. проводились экскурсии и сборы пионерских отрядов на темы: «Наш город в 1980 г.», «История пионерской организации города», «От первых субботников до бригад коммунистического труда»⁵, а в Слонимском районном краеведческом музее в 1964 г. из 90 экскурсий 17 было проведено на темы, посвященные Великой Отечественной войне и партизанскому движению на Слонимщине⁶. Согласно постановлению ЦК КПСС от 12 мая 1964 г. «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» осуществлялась организация во всех музеях, кроме мемориальных, отделов советской истории. Так, тематические экскурсии по советскому периоду должны были раскрывать перед посетителями на наглядном примере развитие промышленности и сельского хозяйства края⁷.

Демократизация общественной жизни в период хрущевской «оттепели», которая сопровождалась улучшением материального положения людей обусловила развитие внутреннего и международного туризма. В связи с этим широкое распространение получили внемузейные экскурсии, представлявшие собой показ и изучение памятных мест и чаще всего служившие дополнением и продолжением экскурсий по музейной экспозиции. Совместно с городским экскурсионным бюро сотрудниками Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны в 1961 г. были проведены экскурсии по достопримечательностям Минска: «По местам коммунистического подполья», «Минск – столица БССР», «Минск – древнейший город Белоруссии», «Минск – центр культуры БССР», «Промышленный Минск», участие в которых приняло более 3 тыс. чел⁸.

В рассматриваемый период в большинстве музеев БССР организовывались военно-исторические экскурсии по местам действий партизанских отрядов и подпольных организаций в период Великой Отечественной войны, что являлось частью идеологическо-воспитательной работы с населением. Так, подобные экскурсии проводились в Лепельском районном краеведческом музее по местам партизанских боев и дислокации партизанских баз в Лепельском и Ушачском районах⁹, а также в Волковысском военно-историческом музее имени П.И. Багратиона по памятным местам действий детской подпольной организации «Пионерский тайник» в деревне Карповцы¹⁰. В 1964 г. в Минском областном краеведческом музее были разработаны маршруты экскурсий по местам боев партизанских бригад и отрядов: 1. От Молодечно до оз. Нарочь через Мядель, 2. Молодечно – Воложин – Ивенец – Налибокская пуца – Столбцы и т.д.¹¹

Еще на проходившем в 1952 г. XIX съезде КПСС была выдвинута идея политехнизации школы. В 1958 г. эта идея получила дальнейшее развитие в виде закона «О связи школы с жизнью, о дальнейшем развитии народного образования», определившего вектор развития советского образования в период хрущевской «оттепели». Музеи должны были принять в этой работе активное участие, поэтому многие тематические экскурсии ориентировались на школьные программы и учебники. Эта деятельность также служила целям научной и атеистической пропаганды [2, с. 356]. Так, например, уроки для учащихся школ и студентов в 1961 г. были проведены в Барановичском краеведческом музее¹² и Волковысском военно-историческом музее П.И. Багратиона на темы: «Наш край в далеком прошлом», «Отечественная война 1812 г.», «Всенародная партизанская война 1812 г.», «Юные мстители в боях за Родину»¹³.

Одной из распространенных форм взаимодействия музея и школы были пионерские сборы, обычно проводившиеся в музее с привлечением соответствующего экспозиционного материала в сопровождении выступлений школьников, научных деятелей, передовиков производства и т.д. Так, в 1961 г. в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны было проведено 25 тематических пионерских сборов: «Пионеры – герои Великой Отечественной войны», «Их именами названы улицы Минска», «Нам жить, друзья, при коммунизме», «Этих дней не смолкнет слава» и т.д. В программе сборов были и выступления художественной самодеятельности пионеров¹⁴.

На состоявшемся в октябре 1961 г. XXII съезде КПСС, а затем на июньском (1963 г.) Пленуме ЦК КПСС было подчеркнуто значение всех принципиальных положений, заложенных в законе «О связи школы с жизнью...». Этот закон оказал большое влияние на повышение роли краеведения как в учебной, так и в воспитательной работе. В 1960 г. школы перешли на новые программы, в рамках которых преподавание географии строилось

⁴ НАРБ. – Ф. 974 Оп. 2. Д. 284. Л. 110.

⁵ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72. Л. 100.

⁶ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 284. Л. 6.

⁷ Там же. – Л. 110.

⁸ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72. Л. 83.

⁹ Там же. – Л. 59.

¹⁰ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2 Д. 136. Л. 60.

¹¹ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 284. Л. 279.

¹² НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72. Л. 100.

¹³ Там же. – Л. 95.

¹⁴ Там же. – Л. 83.

целиком на краеведческой основе. Если раньше эта работа проводилась большей частью только в немногочисленных кружках с небольшим числом участников, то после издания закона она велась в разных формах: краеведческие кружки, походы, экспедиции и др. Активно в работу по изучению родного края включились музеи. Например, в 1961 г. в Лидском государственном краеведческом музее был проведен семинар с преподавателями истории и географии по использованию краеведческого материала на уроках и организации школьных краеведческих музеев. Помимо этого, в Лидском музее были составлены маршруты туристских походов, для прохождения их школьниками района¹⁵. В 1961 г. в Гомельском областном краеведческом музее краеведческая работа велась путем проведения экскурсий и викторины на тему: «Знаешь ли ты свой край?», выступлений по радио и телевидению, оказания методической и практической помощи школам и институтам в проведении туристических походов¹⁶.

Во второй половине 1950-х гг. – первой половине 1960-х гг. большое внимание уделялось изучению местной истории и привлечению к этой деятельности широких слоев населения. Так, например, в краеведческой работе Минского областного краеведческого музея были задействованы краеведы области, преимущественно учителя, активисты музея, велась переписка с отдельными гражданами. Помимо этого, музеем оказывалась методическая помощь школам в вопросе организации краеведческих кружков, музеев и уголков. Для школ и дома пионеров г. Молодечно было разработано несколько маршрутов туристических походов по направлениям: Молодечно – Ивенец – Налибокская пуща, Молодечно – Вязьнка (родина поэта Я. Купалы). С целью распространения краеведческих знаний и привлечения актива, оказывавшего помощь в собирательской, научно-исследовательской и других работах, сотрудники музея выступали перед населением и учащимися школ Молодечно с беседами: «Прошлое и настоящее города Молодечно», «Знаешь ли ты свой край?», а также периодически на страницах районной газеты печатали статьи о новых экспонатах, рассылали, отпечатанные в типографии обращения к жителям области и т.д.¹⁷

Одним из направлений культурно-просветительной работы музеев являлась организация исторических, географических, литературных, краеведческих, археологических и др. кружков и клубов. Формами кружковой работы были теоретические и практические занятия, выходы на природу, экскурсии, встречи с людьми, организации выставок и др. Например, актив Полоцкого краеведческого музея в 1962 г. составлял более 100 краеведо-корреспондентов. По причине отсутствия на тот период краеведческого кружка в музее, было налажено сотрудничество со школьными краеведческими кружками¹⁸. Формирование актива музея способствовало организации кружков и клубов, работа которых содействовала пополнению фондов. Так, в собирательской, научно-исследовательской и культурно-просветительной работе Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны участвовал актив музея, объединенный в «Клуб боевой славы». В его состав входило более 500 человек – ветераны Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, комсомольцы, писатели, Герои Социалистического Труда и др.¹⁹

Важной формой культурно-просветительной работы музеев являлись семинары, участие в которых могли принимать не только школьники, но и различные категории взрослых посетителей. Во многих музеях проводились семинары для учителей, студентов, работников других специальностей, изучавших музеи, их фондовые коллекции и содержание экспозиций. Так, в 1962 г. в Витебском областном краеведческом музее были проведены семинарские занятия для студентов Ветеринарного и Медицинского институтов, а также учащихся школ на тему «Великая Отечественная война»²⁰.

Одной из самых распространенных и применяемых почти в каждом музее форм культурно-просветительной работы, осуществлявшихся с целью изучения произведений марксизма-ленинизма, решений Коммунистической партии и Советского правительства, были лекции. Так, согласно пособию «Основы советского музееведения» (1955 г.), лекционная пропаганда являлась «ответственным участком идеологической работы, требующим глубоких специальных знаний» [2, с. 361]. Сотрудниками Государственного музея истории Великой Отечественной войны в 1961 г. были прочитаны лекции на темы: «XXII съезд КПСС», «Партизанское движение», «Герои Гражданской войны», «Об отдельных операциях Советской Армии в период Великой Отечественной войны», «Об успехах социалистического строительства в Белоруссии» и т.д.²¹ Лекции читались не только в стенах музеев, но и за их пределами. Так, в 1961 г. Лидским краеведческим музеем было прочитано на предприятиях и в колхозах 23 лекции: по истории города и района – 12, по материалам XXII съезда КПСС – 11.²² Лекции часто проводились в период предвыборных кампаний. Например, сотрудниками Брестского областного краеведческого музея в 1962 г. на избирательных участках было прочитано 6 лекций на тему «Брест в прошлом, настоящем и будущем».²³ Многие музейные лекции были посвящены юбилейным датам. Так, в 1962 г. в честь 150-летия победы над армией Наполеона сотрудниками Волковысского военно-исторического музея имени П.И. Багратиона был

¹⁵ Там же. – Л. 61.

¹⁶ Там же. – Л. 138.

¹⁷ Там же. – Л. 150.

¹⁸ НАРБ. – Ф.974 Оп.2 Д. 136. Л. 144.

¹⁹ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 215. Л. 85.

²⁰ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 136. Л. 127.

²¹ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72. Л. 83.

²² Там же. – Л. 61.

²³ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 136. Л. 82.

прочитан цикл лекций на предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях на темы «Штаб II-й Русской армии в г. Волковыске», «150-летие Бородинского сражения», «Выдающийся русский полководец М.И. Кутузов», «Всенародная партизанская борьба», «Талантливый русский генерал П.И. Багратион». Кроме того, Волковыским военно-историческим музеем имени П.И. Багратиона совместно с райкомом партии в 1962 г. был организован городской митинг, посвященный 150-летию выдающейся победы Русской армии и народа в Отечественной войне 1812 г., на котором присутствовало свыше 1,5 тыс. человек²⁴.

Помимо лекций, посвященных юбилейным датам, в музеях организовывались встречи с участниками Гражданской и Великой Отечественной войн, передовиками производств, делегатами съездов и др. Например, в том же Волковыском военно-историческом музее в 1962 г. к 40-летию пионерской организации им. В.И. Ленина был проведен комплекс массовых мероприятий, включавший встречи молодежи с участниками Великой Отечественной войны²⁵. Еще одним направлением культурно-просветительной работы стали музейные вечера. Например, научными сотрудниками Брестского областного краеведческого музея в 1962 г. были проведены подобные вечера с показом через эпидиоскоп экспонатов, рассказывающих о природных богатствах области. Музейные вечера были организованы в колхозах «40 лет Октября» Каменецкого района и «Красный партизан» Малоритского района, на строительстве Березовской ГРЭС и в Жабинковской школе-интернате²⁶.

В 1961 г. в залах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны были проведены встречи, включавшие выступления «старых коммунистов», лиц встречавшихся с В.И. Лениным, участников Октябрьской революции и Гражданской войны, делегатов XXII съезда КПСС, ученых, писателей-лауреатов государственных премий, членов бригад коммунистического труда и т.д. Вне музея – на предприятиях, в воинских частях, учебных заведениях было проведено 80 подобных встреч, восемь из которых в колхозах и совхозах Минского района. Вместе с Ленинским РК ЛКСМБ г. Минска в залах музея прошло вручение комсомольских билетов молодым рабочим. Было проведено совместно со смежными городскими организациями 8 тематических вечеров: «Белоруссия – республика партизанской славы», «Этих дней не смолкнет слава», «Они сражались за Родину». На этих вечерах присутствовало около 4 тыс. человек²⁷.

Значительный объем культурно-просветительной работы проводился на базе стационарных и передвижных выставок. Согласно пособию «Основы советского музееведения», выставки использовались музеями для того, чтобы оперативно откликнуться на важнейшие политические события и актуальные проблемы современности. Через выставки музей должен был пропагандировать политические и научные знания. Стационарные выставки чаще всего организовывались на подлинном материале, их тематика в основном была связана с юбилейными датами, актуальными проблемами дня. Так, в здании Слонимского районного краеведческого музея в 1961 г. были организованы три выставки: «Навстречу XXII съезда», «Решения XXII съезда в жизнь» и выставка, посвященная 20-летию со дня начала Великой Отечественной войны²⁸.

Так называемые выставки-«передвижки» организовывались не только республиканскими, но также краеведческими и мемориальными музеями, обычно они перевозились из одного учреждения в другое, из колхоза в колхоз, из школы в школу. Выставки-«передвижки», создаваемые с целью пропаганды, чаще всего ограничивались двумя, тремя щитами, на которых размещались фотоснимки отдельных экспонатов, интерьеров, репродукций картин. Помимо этого, также можно было увидеть отдельные темы экскурсий, лекций и др. [1, с. 366]. Например, сотрудниками Гомельского областного краеведческого музея в 1962 г. с целью пропаганды исторических решений XXII съезда КПСС была создана фотовыставка на 12 щитах «Претворим в жизнь решения XXII съезда КПСС»²⁹. Пинским районным краеведческим музеем в 1962 г. была организована фотовыставка «Претворим в жизнь решения XXII съезда КПСС на примере колхоза им. Горького Пинского района», которая на агитмашине Пинской районной библиотеки объездила все колхозы Пинского района. Еще одна выставка «Трудовыми успехами встречаем выборы в Верховный Совет СССР» была создана ко дню выборов в Верховный Совет СССР, и экспонировалась у здания музея и в районной библиотеке. Выставка «Создадим изобилие сельскохозяйственных продуктов» была расположена на пяти щитах, её привозили в колхозы Пинского района, где по материалам выставки проводились беседы и доклады о решениях мартовского пленума ЦК КПСС.

Фотовыставка «Нам не по пути с изуверами-сектантами» была создана на основе местных материалов, разоблачавших деятельность сектантов в Пинске. Выставка экспонировалась на протяжении месяца у здания музея, затем она побывала во всех колхозах Пинского района, где также читались лекции на атеистические темы: «Порвем паутину мракобесов-сектантов», «За что судили главарей секты пятидесятников в д. Сошно Пинского района?». Эта выставка, состоявшая из 24-х фотодокументов, демонстрировалась почти четыре месяца. В 1963 г. Слонимский районный краеведческий музей провел две выставки: «Наука и религия» и «По путям развития жизни». В связи с ужесточением антирелигиозной политики в первой пол. 1960-х гг. такого рода выставки проводились и в других музеях³⁰.

²⁴ Там же. – Л. 59.

²⁵ Там же. – Л. 62.

²⁶ Там же. – Л. 82.

²⁷ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 72. Л. 83.

²⁸ Там же. – Л. 55.

²⁹ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 136. Л. 194.

³⁰ Там же. – Л. 60.

В период хрущевской «оттепели» большое внимание уделялось популяризации деятельности музеев. Так, сотрудники музеев выступали на радио и телевидению, публиковали заметки и статьи в периодической печати, распространяли листовки в кинотеатрах перед сеансами, на столах гостиничных номеров, размещали рекламу в витринах магазинов и т.д., а для неорганизованных посетителей печатались путеводители, краткие справочники, описания экскурсий и лекций. Так, например, в 1964 г. в Гродненском государственном историко-археологическом музее был издан путеводитель по залам³¹. Рекламная деятельность Минского областного краеведческого музея в том же году была представлена публикациями написанных на музейных материалах статей «Сын секретаря райкома», «Кто они – герои?», «Тайна городища», «Первый ученый земли Несвижской» и др. Кроме того, сотрудники музея выступали в местной печати, а также по радио с обращением к населению и призывами включиться в сбор экспонатов³².

Заключение. Таким образом, критика культа личности и реабилитация жертв политических репрессий, освоение космоса и мирной атомной энергетики, экономические реформы и улучшение материальной жизни людей, наконец, попытка построения коммунистического общества оказали значительное влияние на культурную жизнь БССР и определили смену пропагандистских установок, характерных для предшествующего периода. Тем не менее, несмотря на активизацию культурно-просветительной и краеведческой деятельности в период хрущевской «оттепели» музей продолжал оставаться прежде всего идеологическим учреждением, строившим свою работу в соответствии с определяемыми на съездах КПСС задачами, постановлениями ЦК КПСС, Совета Министров СССР и др. В связи с этим главными задачами культурно-просветительной деятельности музеев было раскрытие преимуществ социализма, распространение марксистско-ленинской идеологии, формирование коммунистического мировоззрения и воспитание граждан в духе советского патриотизма. Основное внимание партийно-государственных органов было сконцентрировано на выполнении музеями в основном идеологических задач, заключавшихся в первоочередном отражении и пропаганде истории советского общества в ущерб другим периодам истории Беларуси. Самыми доступными формами «массовой» работы были экскурсии, лекции и выставки-«передвижки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гужаловский А.А. Музеи Беларуси (1941–1991 гг.). – Минск: НАРБ, 2004. – 218 с.
2. Основы советского музееведения / Науч.-исслед. ин-т музееведения; редкол.: П.И. Галкина и др. – М.: Госкультпросветиздат, 1955. – 368 с.
3. Лесная О.Ю. Партийно-государственная политика в области музейного дела БССР в 1953—1964 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – 2017. – № 2. – С. 30–36.
4. Васинская М.В. «Культурный туризм в Петродворце в 1960-е гг.» [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-turizm-v-petrodvortse-v-1960-e-gg> (дата обращения: 22.05.2024).
5. Златоустова В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945 – 1985 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII – XX вв.). – М., 1991. – Ч. 1. – С. 226–292.

Поступила 06.06.2024

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF MUSEUMS OF THE BSSR DURING THE KHRUSHCHEV “THAW” (1953–1964)

A. SEVNICKAJA
(Belarusian State University, Minsk)

The article characterizes the cultural and educational activities of museums during the Khrushchev “thaw” (1953–1964). Based on archival primary sources and historical literature, an important period in the history of domestic museums is considered, which coincided with criticism of the cult of personality and rehabilitation of victims of political repression, space exploration and peaceful nuclear energy, economic reforms and improvement of people’s material lives, and, finally, an attempt to build communist society. Party and state policy in the field of museum affairs of the BSSR during this period was aimed at the ideological and political education of Soviet citizens, increasing the number of excursions and other public events, and promoting communist ideas and worldviews. The main forms of cultural and educational work of museums were excursions, lectures, traveling exhibitions, clubs, seminars, and meetings. Museums have finally gained the status of scientific and educational institutions.

Keywords: Khrushchev’s “thaw”, cultural and educational work, “movement” exhibitions, lectures, clubs, seminars, thematic excursions.

³¹ НАРБ. – Ф. 974. Оп. 2. Д. 284. Л. 169.

³² Там же. – Л. 276.

УДК 271.22(476)-756(476.6):069

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-49-51

**ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МИНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (2014–2019):
СОЗДАНИЕ И СТРУКТУРА ЭКСПОЗИЦИИ****Н.О. ЯКУШЕВА***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье рассматривается процесс создания церковно-археологического музея, а также показана структура экспозиции и основные коллекции. Во введении определена актуальность и цель исследования, научная новизна, область применения, историография проблемы. В основной части исследования показан исторический путь создания экспозиции музея и некоторые аспекты его деятельности, обозначена структура и состав фонда, а также наиболее важные экспонаты, представляющие историческую и культурную ценность. В заключении сделан вывод о том, что музей является научно-исследовательским и духовно-просветительским структурным подразделением Минской духовной семинарии Белорусской Православной Церкви и играет важную роль в сохранении и приумножении духовного наследия Республики Беларусь. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке исследований в области музееведения, истории церкви и образовательном процессе.

Ключевые слова: *церковно-археологический музей, Минская духовная семинария, Минская епархия, музейное дело, экспозиция церковного музея, Белорусская Православная Церковь.*

Введение. Выбор хронологических границ исследования в диапазоне с 2014 по 2019 годы обусловлен формированием основных экспозиционных залов церковно-археологического музея Минской духовной семинарии. Цель статьи состоит в определении значения процесса формирования фонда церковно-археологического музея семинарии для сохранения истории православия на территории Беларуси. Задачи: а) рассмотреть историю создания музея и процесс организации музейной экспозиции; б) проанализировать структуру, состав музейных коллекций и некоторые аспекты деятельности.

Для достижения поставленной цели были изучены следующие письменные источники: публикации в церковных периодических изданиях (журналы) и отчеты о деятельности музея из фондов архива Минской духовной семинарии. Изучение этих документов дало возможность рассмотреть исторический путь создания экспозиционных залов музея и некоторые аспекты его деятельности, показать структуру экспозиции и основные коллекции, а также отметить одни из наиболее ценных экспонатов музея. Достаточно информативным источником о его деятельности являются официальные интернет-ресурсы Белорусской Православной Церкви. В белорусской и зарубежной историографии комплексного исследования данной темы не проводилось.

Основная часть. В 1989 г. Минская духовная семинария вновь открылась в монастыре в Жировичах, который по сегодняшний день является духовным центром Белорусского Экзархата Московского Патриархата, активно занимается духовно-просветительской деятельностью и несёт социальное служение. Согласно законодательству Республики Беларусь семинария является юридическим лицом и осуществляет свою деятельность в соответствии с Каноническими правилами Белорусской Православной Церкви и Уставом семинарии как высшего богословского учебного заведения¹.

В 1996–2008 гг. прошла полная реставрация комплекса зданий семинарии [1, с. 307], а уже в обновленном после ремонта помещении в 2014 г. здесь был открыт церковно-археологический музей благодаря трудам ректора по научной работе Александра Валерьевича Слесарева. Торжественное открытие музея состоялось 12 февраля этого года митрополитом Минским Павлом во время Актового дня. Экспозиция была расположена на первом этаже учебного корпуса и состояла из следующих залов: первый был посвящен истории Минской духовной семинарии и важнейшим этапам её становления; второй зал – истории церковного искусства на территории Беларуси XI–XX вв.; третий зал – рукописным и старопечатным книгам XVI–XVIII вв. На стенах второго и третьего залов можно было увидеть уникальную иконостасную резьбу XVIII в., а также иконы XVIII – начала XX в., антиминсы XIX – первой половины XX в. и др. [2, с. 44].

Согласно материалам пресс-службы Минской духовной семинарии в здании данного высшего богословского учебного заведения 12 февраля 2016 г. состоялось открытие мемориальной аудитории профессора Дмитрия Петровича Огицкого (1908–1994), который в 1947–1949 и 1960–1963 гг. преподавал в Минской духовной семинарии в Жировичах. В экспозиции были представлены рукописи, личные вещи, а также фотоматериалы, отражающие жизненный путь профессора. 12 февраля 2018 г. в день Собора вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста был открыт зал церковно-археологического музея семинарии, посвященный истории Успенского монастыря в Жировичах. В экспозицию вошли различные предметы, которые принадлежали настоятелям монастырских храмов в XIX в., иконы, фотоматериалы и т.д.²

¹ URL: <https://church.by/organizacii/minskaja-duhovnaja-seminarija>.

² Минская духовная семинария. – URL: <https://minds.by/museum>.

В феврале 2019 г. начал функционировать следующий зал церковно-археологического музея, где были представлены портреты и фотографии выдающихся выпускников белорусских духовных семинарий XIX – первой половины XX в., материалы по истории духовно-религиозного образования и просвещения на территории Беларуси того же периода³.

Таким образом, экспозиция церковно-археологического музея Минской духовной семинарии характеризуется достаточно значительным информационным потенциалом, что подтверждает его широкая тематическая структура. На 2019 г. экспозиция состояла из следующих экспозиционных залов: первый зал, посвященный истории Минской духовной семинарии; второй зал, посвященный истории Жировичского Успенского монастыря; третий зал, посвященный церковному искусству XI–XX вв.; четвертый зал, посвященный рукописным и старопечатным книгам XVI–XVIII вв.; пятый зал, посвященный истории духовно-религиозного образования и просвещения на территории Беларуси XIX – первой половины XX в. По данным официального интернет-ресурса Министерства культуры Республики Беларусь здание Монастырского комплекса в агрогородке Жировичи Слонимского района Гродненской области, где территориально расположен с 2014 г. церковно-археологический музей, было внесено в список историко-культурного наследия республиканского значения⁴.

Следует отметить, что в архиве и музее Минской духовной семинарии хранятся уникальные вещи и ценные экспонаты, среди которых есть документы, посвященные её истории [2, с. 44]. Одним из таких предметов является издание проповедей Иосифа Семашко с памятной надписью священника. В фондах церковно-археологического музея хранятся документы, относящиеся к периоду нахождения Литовской духовной семинарии в Жировичах (письмо на польском языке, предположительно, студента Литовской семинарии, и учебная проповедь на латыни 1830-х гг.) [3, с. 14–17]. В собрании также находится Евангелие Бытеньского монастыря, которое является памятником белорусского книгопечатания и ценным историческим письменным источником, раскрывающим малоизвестные стороны прошлого монастырских библиотек Беларуси [4, с. 99]. Согласно отчетным документам архива Минской духовной семинарии наиболее примечательными и одними из наиболее ценных музейных предметов, пополнившими фондовые коллекции, стали следующие *письменные источники*: 1) печатные и рукописные материалы, отражающие историю выселки в 1912 г. в Жировичский монастырь епископа Саратовского Гермогена Долганова; 2) Священное Писание Ветхого и Нового Завета, подаренное в 1960 г. иеродиакону Парфению и др.; *вещественные источники*: памятный серебряный жетон, изготовленный в 1730 г. по случаю торжеств в честь Жировичской иконы Божией Матери (в настоящее время экспонируется в зале, посвященном истории Жировичского Успенского монастыря) и др.; *фотоматериалы*: 1) фотографии из личного архива Д.П. Огицкого (1908–1994); 2) фотографии выпускников Минской духовной семинарии 1951 г. и две общие фотографии преподавателей и студентов периода 1953–1956 гг. с дарственными надписями и автографами на оборотной стороне и др.; *предметы изобразительного искусства*: иконы Божией Матери, в том числе «Жировичская», портреты митрополитов, антиминсы с автографами и др.⁵

По результатам изучения списков музейных предметов и экспозиции автор предлагает использовать для ведения учета общепринятое в музееведении деление музейных предметов на следующие группы: письменные источники, вещественные источники, предметы изобразительного искусства, фотоматериалы (таблица).

Таблица. – Структура и состав фонда историко-археологического музея Минской духовной семинарии

Наименование группы	Музейные предметы
Письменные источники	Книги, рукописи, брошюры, письма, воспоминания, журналы, конспекты лекций, плакаты
Вещественные источники	Церковная утварь, ордена, памятные знаки, памятные медали, керамика, облачения
Предметы изобразительного искусства	Иконы, антиминсы, предметы живописи
Фотоматериалы	Фотоальбомы, фотографии

В рамках экспозиционно-выставочной работы музея семинарии осуществлялась образовательно-воспитательная функция, которая представлена основной формой деятельности – экскурсией. Согласно отчетам архива Минской духовной семинарии за несколько лет работы с 2016 по 2018 годы было проведено более тысячи экскурсий, а также был продемонстрирован ряд временных выездных экспозиций: в Молодечно в районном доме культуры в рамках Дня православной книги (2017), где среди экспонатов можно было увидеть одни из наиболее примечательных – «Евангелие на престольное» (Вильно, 1600), рукописная «Книга о вере» (середины XVII в.), «Апостол» российского первопечатника диакона Ивана Федорова (Львов, 1574); временная экспозиция рукописных и старопечатных книг во Дворце культуры Молодечно (2017) из фондов музея в рамках презентации перевода Священного Писания Нового Завета на белорусский язык и в 2018 г. аналогичная временная экспозиция проводилась в районной библиотеке имени Янки Купалы в Лиде в рамках проведения недели православной книги и др.⁶

³ Духовные школы // Ведомости Минской митрополии. – 2019. – № 4. – С. 52–54. – С. 52.

⁴ URL: <https://gospisok.gov.by/>.

⁵ Отчет о научной работе Минской духовной семинарии в 2017/2018 учеб. г. // АМинДС. – Д. Годовые отчеты проректора по научной работе. – Л. 11–14. Отчет о научной работе Минской духовной семинарии в 2018/2019 учеб. г. // АМинДС. – Д. Годовые отчеты проректора по научной работе. – Л. 11–12.

⁶ Отчет о научной работе Минской духовной семинарии в 2016/2017 учеб. г. // АМинДС. – Д. Годовые отчеты проректора по научной работе. – Л. 8–9. Отчет о научной работе Минской духовной семинарии в 2017/2018 учеб. г. // АМинДС. – Д. Годовые отчеты проректора по научной работе. – Л. 11–14.

Также велась работа по научному изучению и расширению музейного фонда. Музейные коллекции пополнялись, в основном, безвозмездно за счёт дарителей, среди которых были не только представители церкви, но и светские люди. Ежегодно коллекции дополнялись музейными предметами на различную тематику, разнообразие которых может впоследствии послужить основой для организации тематических лекций, музейно-педагогических занятий и интересных мероприятий, например, на тему ознакомления с историей православия на территории Беларуси, Минской духовной семинарии и др. Большую часть экспозиции заняли письменные, вещественные источники, а также предметы изобразительного искусства. Их богатый информационный потенциал способен повысить образовательный уровень посетителей в вопросах церковной истории, так как пространство музея достаточно приспособлено для культурно-образовательной деятельности. Экспозиция музея способна впоследствии расширить представления посетителя о старопечатных книгах, церковной утвари, иконах и др., что подтверждает перспективу развития образовательно-воспитательной функции церковно-археологического музея Минской духовной семинарии.

Согласно результатам проведенного исследования, необходимо отметить, что различные фондовые коллекции музея дают возможность осуществлять научную и просветительскую деятельность, организовывать выездные временные экспозиции, главной задачей которых является реализация форм деятельности музея посредством экспозиций, где основной является экскурсия. Наличие в фондах различных музейных предметов позволяет соотносить их с комплексом исторических дисциплин (археология, нумизматика, отечественная история, история церкви и др.), а также искусствоведением (фотоискусство, живопись, графика и др.).

Заключение. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что церковно-археологический музей является структурным подразделением Минской духовной семинарии Белорусской Православной Церкви, который хранит, комплекзует, экспонирует, проводит научно-исследовательскую и духовно-просветительскую работу. В его коллекциях находятся музейные предметы, которые являются важным источником информации по истории Минской духовной семинарии и Свято-Успенского монастыря, церковного искусства XI–XX вв., книгопечатания XVI–XVIII вв., духовного образования и просвещения на территории Беларуси в XIX – первой половине XX в. Таким образом, процесс формирования фонда церковно-археологического музея Минской духовной семинарии по-прежнему актуален для сохранения и восполнения истории православия Беларуси, воспитания будущих поколений, формирования патриотизма и уважения к православным традициям белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврецкий Т.А. Минская епархия // Православная Энциклопедия: энцикл. В 73 т. / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М., 2017. – Т. XLV. – С. 289–320.
2. Демидов А. Из музея Минской духовной семинарии // Ступени. – 2019. – № 3(75). – С. 44–45.
3. Пшенико Г. Память о воссоединителе // Ступени. – 2018. – № 1(69). – С. 14–17.
4. Попов В.В. Евангелие Бытеньского монастыря в церковно-археологическом музее Минской духовной семинарии // Минские епархиальные ведомости. – 2014. – № 6(113). – С. 97–99.

Поступила 30.11.2024

CHURCH AND ARCHAEOLOGICAL MUSEUM OF MINSK THEOLOGICAL SEMINARY (2014-2019): CREATION AND STRUCTURE OF THE EXHIBITION

N. YAKUSHEVA
(Belarusian State University, Minsk)

The article discusses the process of creating a church-archaeological museum and also shows the structure of the exhibition and the main collections. The introduction defines the relevance and purpose of the study, scientific novelty, scope and historiography of the problem. The main part of the study shows the historical path of creating the museum's exhibition and some aspects of its activities, outlines the structure and composition of the fund, as well as the most important exhibits of the historical and cultural value. In conclusion, it is shown that the museum is a research and spiritual-educational structural unit of the Minsk Theological Seminary of the Belarusian Orthodox Church and plays an important role in preserving and enhancing the spiritual heritage of the Republic of Belarus. The results obtained can be used in the further development of research in the field of museology, church history and the educational process.

Keywords: Church-Archaeological Museum, Minsk Theological Seminary, Minsk Diocese, museum work, church museum exposition, Belarusian Orthodox Church.

УДК 393.05.94

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-52-58

СТАРЫЯ ХРЫСЦІЯНСКІЯ МОГІЛКІ Ў БРАСЛАВЕ: ГІСТОРЫЯ І ЭПІГРАФІКА¹

канд. гіст. навук С.У. ГРУНТОЎ

(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5316-1180>e-mail: szerezew@gmail.com

У артыкуле разглядаецца гісторыя старых хрысціянскіх могілак Браслава як важнай часткі культурнага ландшафта горада і месца памяці супольнасці яго жыхароў. З дапамогай перыядычнага друку, архіўных крыніц, картаграфічных матэрыялаў, інтэрв'ю і палявога даследавання саміх могілак прасочваюцца розныя аспекты развіцця браслаўскага некропаля. Разглядаецца суіснаванне двух канфесій у прасторы могілак, найбольш каштоўныя гістарычныя помнікі, іх форма і эпіграфіка на рускай, польскай і беларускай мовах.

Ключавыя словы: могілкі, Браслаў, эпітафіі, эпіграфіка, пахаванне, надмагілле, архітэктура, культурны ландшафт, памяць.

Уводзіны. Горад Браслаў добра вядомы навукоўцам, краязнаўцам і турыстам сваімі архітэктурнымі помнікамі, гістарычнай забудовай і маляўнічымі краявідамі. Нельга сказаць, што ён быў абыйдзены ўвагай у публікацыях, але да цяперашняга дня яны, пераважна, прымалі форму зборнікаў навуковых ці краязнаўчых артыкулаў, што непазбежна вядзе да фрагментарнасці ведаў пра горад і ўтварэння свайго кшталту “сляпых зон”, абыйдзеных увагай даследчыкаў. Да іх ліку можна аднесці старыя хрысціянскія могілкі Браслава, якім да цяперашняга часу была прысвечана толькі адна невялікая навуковая публікацыя – раздзел у кнізе пра гістарычныя могілкі беларускай часткі былога Віленскага ваяводства, апублікаванай у 2007 г. [1, с. 44–48, 295–296]. Нажаль, аўтары публікацыі не заўважылі гістарычную частку могілак, якая знаходзіцца па іншы бок вуліцы Юрэнка, таму і без таго сціплая інфармацыя пра іх не дае належнага ўяўлення пра стары браслаўскі некропаль. У больш шырокай перспектыве ў даведніках і на інтэрнэт-рэсурсах звычайна згадваюцца толькі дзве могілаквыя брамы, а старым надмагіллям увага не надаецца. На свой лад, гэта часткова апраўдана, таму што гістарычны краявід браслаўскіх могілак істотна перакрыт напластаваннямі пазнейшых пахаванняў, а нешматлікія помнікі, пастаўленыя ў часы Расійскай імперыі і міжваенны перыяд, нельга назваць выбітнымі па сваім узроўні.

Такая сітуацыя азначае толькі, што нам патрэбна крыху большае разумовае намаганне, большая ўвага, каб убачыць браслаўскія могілкі як складаны і цікавы тэкст, які, без сумневу, заслугоўвае прачытання. У гэтым артыкуле я пастараюся паказаць, як сфарміраваўся культурны ландшафт старых хрысціянскіх могілак у Браславе, у чым яго тыповыя для рэгіёна і ўнікальныя рысы, як сёння ён працягвае заставацца важнай крыніцай для вывучэння сямейнай памяці і ўзаемадзеяння паміж рознымі канфесійнымі супольнасцямі.

Асноўная частка. На картах XIX ст. добра бачна, што сучасныя старыя хрысціянскія могілкі ў Браславе знаходзіліся там жа, дзе і сёння, але тады гэта была ўскраіна мястэчка. Колькасць насельніцтва ў пачатку XX ст. раўнялася, прыблізна, палутара тысячам чалавек, з якіх каля двух трэцяў складалі яўрэі. Так, паводле перапісу 1921 г. тут жыло 1587 чалавек, з іх 1130 іўдзеяў, 363 рыма-католікі, 81 праваслаўны, 11 старавераў і 2 пратэстанты. Такім чынам, хрысціянскія могілкі Браслава служылі месцам пахавання для дзвюх параўнальна невялікіх супольнасцей вернікаў з мястэчка і некалькіх навакольных вёсак. У якасці выключэння месцам пахавання мог служыць прыкасцёльны цвінтар і замкавая гара – на апошняй у 1926 г. быў пахаваны доктар Станіслаў Нарбут² [2, с. 206]. У тым жа годзе Браслаў стаў цэнтрам Браслаўскага павету, што прывяло да яго хуткага росту, так што да 1939 г. колькасць жыхароў вырасла больш як у тры разы, да 4900 чалавек.

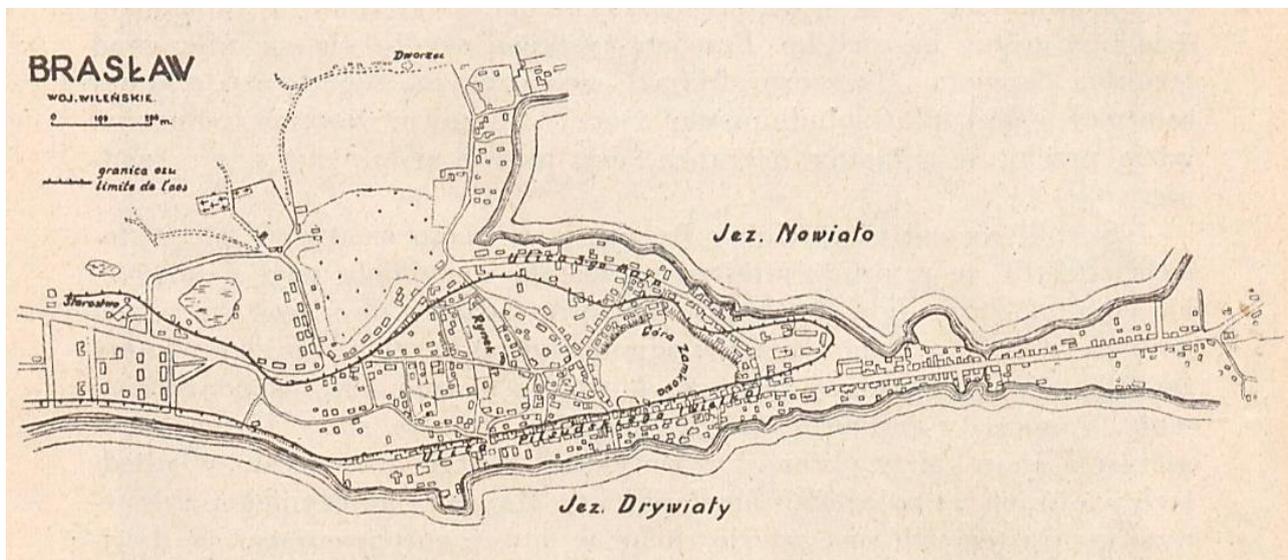
Рост насельніцтва патрабаваў павелічэння памеру могілак. Тэрыторыя была павялічана за кошт пляца з паўночна-заходняга боку могілак, які сёння знаходзіцца па іншы бок вуліцы Юрэнка. Тут знаходзіліся пахаванні часоў Пешай сусветнай вайны, і тут жа ўзнікла прастора з новымі каталіцкімі пахаваннямі часоў другой Польскай Рэспублікі. На польскай карце-кіламетраўцы канца 20-х гг. мы ўжо бачым змененую форму могілак з выступам у заходнім накірунку. Адкрытым застаецца пытанне: калі адзіная прастора могілак была разрэзана на дзве часткі. Карта Браслава, апублікаваная ў працы Ванды Рэвельскай “З антрапагеаграфіі Браслава” (Кракаў, 1934 г.) падае прастору могілак ужо падзеленай на дзве часткі (малюнак 1), але вуліца, якая іх падзяляе, пазначана толькі пункцірам і скончваецца неўзабаве за могілкамі. Верагодна, гэта быў тэхнічны праезд у накірунку палёў (вёсак у гэтай частцы не было), які мог праходзіць проста па лініі мяжы старых могілак праз новую далучаную частку [3, с. 6].

Можна меркаваць, што пазначаны пункцірам праезд быў ператвораны ў сапраўдную вуліцу ўжо ў савецкі час і дзве часткі могілак аказаліся раздзеленымі канчаткова. Прынамсі, пра гэта сведчыць інтэрв'ю, запісанае

¹ Артыкул напісаны ў рамках працы над праектам БРФФД № Г23ИП-034 “Сямейная памяць беларусаў: народныя традыцыі і спосабы захавання (XIX - пачатак XXI ст.)” (нумар дзяржаўнай рэгістрацыі 20231246).

² Фотаздымкі пахавальнай працэсіі захоўваюцца ў фондах Браслаўскага краязнаўчага музея: Каталог матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці Станіслава Нарбута / Брасл. краязн. тав-ва імя О. Гедэмана. – Браслаў, 2003. – 32 с.

мною ў 80-гадовай жыхаркі Браслава ў 2010 г.: “Мама во на браслаўскай кладбішчы пахавана і татка на браслаўскай кладбішчы. А тата пашоў пад машыну. Тут у нас як робілася работа тамака, не пайшло так як нада на гэтым роўна, але пайшло ўзялі ад кладбішча адхвацілі, ну вот і папаў пад машыну. Я плакала-плакала, канешне. [В сьмьсле дарогу праводзілі как бы через кладбішце?] Дарогу, дарогу, ня людзі, ня людзі, уласць цянула дарогу, каб та людзі не пацягнулі б на кладбішчэ. [А дзе гэта так была?] Вот тут, у Браславі, у Браславі гэта была. Пацягнулі дарогу і ўсё, што ты зделаеш як ёсць, так ёсць”³.

Малюнак 1. – План Браслава перад 1934 г. Могілка ў верхняй левай частцы

Крыніца: [3].

Рэспандэнтка сведчыць, што адбылося правядзенне новай вуліцы ўжо ў савецкі час, і ніякія пратэсты сваякоў не здолелі спыніць задуманага. Верагодна, прыкладна ў той жа час адбылося невялікае пашырэнне старой часткі могілак у межах вуліц Юрэвіча і Чырвонаармейскай так, што старыя могілкавыя брамы апынуліся ўнутры могілак і хутка былі аточаны новымі пахаваннямі. Аўтары згаданага раздзелу пра браслаўскія могілкі датуюць гэта пашырэнне 1940-мі гадамі [1, с. 46]. Здымкі Браслава, зробленыя з амерыканскага спутніка ў 1970-я сведчаць пра тое, што ў той час старыя хрысціянскія могілкі ўжо мелі цяперашні выгляд.

Цікава адзначыць, што рэспандэнтка ўспрымае старую, большую, частку могілак як праваслаўную, а меншую, новую, як каталіцкую. У апошнім выпадку гэта і сапраўды справядліва: відавочна, новая частка перастала выкарыстоўвацца адразу пасля завяршэння нямецкай акупацыі і занесена ў ранейшы выгляд. Яна зазнала непазбежны рабаванні, але тут не праводзіліся новыя пахаванні. У той час, як старая частка, каталіцка-праваслаўная, пасля вайны актыўна перазасвойвалася, так што новы слой пахаванняў у большасці выпадкаў лёг паверх старых, пакідаючы толькі асобныя помнікі з трывалых матэрыялаў. Улічваючы павяненныя змены ў канфесійным і нацыянальным складзе насельніцтва Браслава, гэта частка стала, пераважна, запаўняцца праваслаўнымі пахаваннямі, што, верагодна, і прывяло да яе ўспрыняцця ў адпаведным статусе. Адпачатку старая частка могілак складалася з двух сектараў – паўночнага (каталіцкага) і паўднёвага (праваслаўнага), але сёння гэтыя адрозненні малазаўважныя.

Імклівае запаўненне тэрыторыі старых могілак пазнейшымі пахаваннямі было выклікана дэфіцытам вольнага месца: далучаная тэрыторыя па іншы бок брамаў мела зусім нязначную плошчу і хутка была запоўнена. Яшчэ адным фактарам было тое, што многія старыя надмагіллі на некропалі былі драўлянымі і з часам знікалі натуральным чынам, “вызвалючы” месца для новых пахаванняў. З гэтай нагоды ў слоўніку рэгіянальнай мовы Браслаўшчыны зафіксавана нават наступнае выказванне: “Даўней памятнакаў на магільніку не ставілі, крыж наставяць дзеравянны і ўсё (...) даўней жыды памятнікі ставілі, а цяпер мы” [4, с. 441].

Дзве брамы стылістычна блізкія да браслаўскага касцёла Нараджэння Найсвяцейшай Дзевы Марыі, будаўніцтва якога было завершана ў 1897 г., і да шэрагу іншых храмаў у рэгіёне. Можна меркаваць, што паходзяць яны таксама з канца XIX – пачатку XX ст. З улікам прысутнасці на могілках пахаванняў дзвюх канфесій, лагічна было б меркаваць, што гэтыя брамы таксама падзелены канфесійна, але ж лацінскія крыжы, што захаваліся на абедзвюх, сведчаць пра адваротнае. Справа ўскладняецца яшчэ і тым, што абедзве яны знаходзяцца ў былой праваслаўнай частцы могілак. На большай браме яшчэ можна пазнаць сляды ад размешчанай па яе цэнтры маленькай аркі, пад якою быў невялікі зван (сёння страчаны). Пытанне пра тое, кім і як яны былі ўзведзены, яшчэ патрабуе далейшых пошукаў у архівах (малюнак 2).

³ Запісана С.У. Грунтавым ад Казлоўскай Веры Фёдараўны, 1930 г.н. у Браславе 14.05.2010 г.

Малюнак 2. – Брамы браслаўскіх могілак. 2022 г. Фота аўтара

Невялікая колькасць гістарычных надмагілляў дазваляе разгледзець многія з іх дастаткова дэтална, нават, у межах аднаго артыкула. Для гэтага мы пачнём з большай і старэйшай усходняй часткі могілак.

Аднымі з найбольш заўважных на браслаўскіх могілках з’яўляюцца пахаванні сям’і Васілеўскіх, акружаныя простаю каванай агароджай. Цэнтральны помнік тут – гэта надмагілле протаіерэя Уладзіміра Васілеўскага і яго жонкі Аляксандры пад высокай гранітнай стэлай, завершанай крыжом (малюнак 4, а). Эпітафія на помніку наступная: *Здось покояцца | протоіерей | Владимиръ Антоновичъ | ВАСИЛЕВСКИЙ | ум. 17 марта 1914 г. | на 69 г. жизни | и супруга его | Александра Константиновна | урожд. Качановская | ум. 22 января 1931 г. | на 82 г. жизни | Вьчняя Вамъ Память | Дорогіе Родители!*

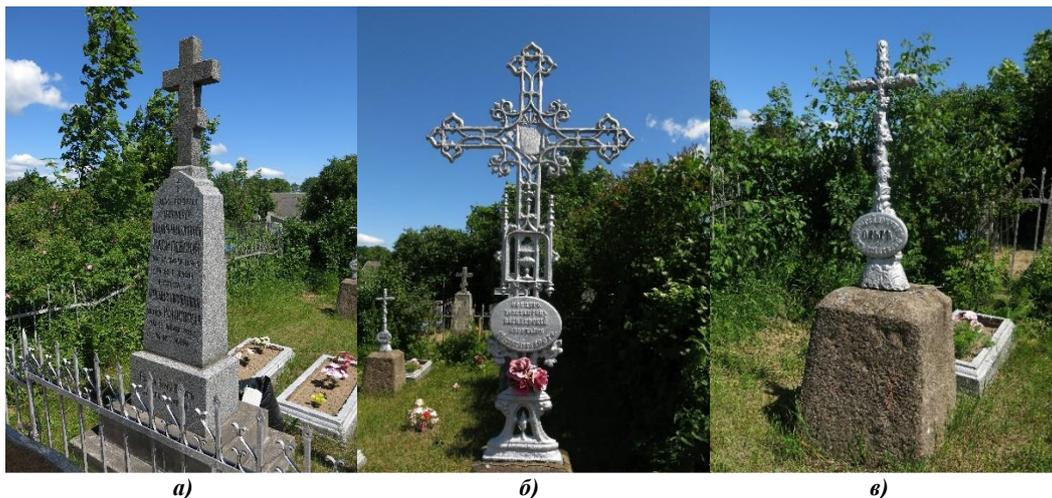
Верагодна, зыходзячы з пачатковай фразы, помнік быў пастаўлены ўжо пасля смерці Аляксандры Канстанцінаўны. Протаіерэй Уладзімір Васілеўскі быў даволі заўважнай фігурай у жыцці Браслава апошняй трэці XIX – пачатку XX ст., пражыўшы настояцелем мясцовай царквы цягам 45 гадоў. Яго некралог у “Весніку Віленскага праваслаўнага Свята-Духава брацтва” захаван і апісанне эмацыянальных сцэн развітання з ім, у тым ліку, на браслаўскіх могілках: *“5 марта, в 7 ч. вечера, после невыносимых страданий, о. Владимир скончался, благодаря Всевышнего Бога за посылаемое испытание и благословляя окружающих его жену, детей и свою паству. В тот же вечер, после обычного священнического облачения, началась панихида, а затем чтение Св. Евангелия. В четверг вечером был вынос в им же построенную церковь, а в субботу целым сонмом священников с диаконом совершена литургия, после которой началось священническое отпевание, продолжавшееся до 2 с четвертью часов дня. <...> Когда же настало время последнего целования и во время прощального слова сына о. Владимира – священника, а так же и перед опусканием в могилу, когда другой сын – священник просил позволения поплакать на груди дорогого отца, поднялся всеобщий плач: плакали буквально все – и пастыри и пасомые, и католики, и евреи, во множестве наполнявшие церковь и кладбище”* [5, с. 159]. Абапіраючыся на гэта апісанне, трэба меркаваць, што пахаванне а. Уладзіміра Васілеўскага служыла месцам памяці для ўсёй супольнасці жыхароў Браслава безадносна іх веры, гэтак жа сама, як дваццаццю гадамі пазней такім месцам стала пахаванне доктара Станіслава Нарбута на Замкавай гары. Звяртае на сябе ўвагу і тое, што на помніку дата смерці пададзена па новым стылі, што служыць дадатковым довадам на карысць таго, што помнік быў пастаўлены ўжо ў міжваенны час пасля смерці жонкі а. Уладзіміра.

Разам з тым, запіс у метрычнай кнізе аб памерлых браслаўскай царквы за 1914 г. дазваляе ўдакладніць звесткі пра смерць святара. З яго мы даведваемся, што памёр ён у статусе “заштатнага протаіерэя Цытавянскай царквы” 4 сакавіка, а настояцелем браслаўскай царквы ў гэты час быў яго сын Аляксей, які паставіў свой подпіс пад запісам пра смерць бацькі⁴. Менавіта гэтай даце варта верыць, таму што яна адпавядае той, што пададзена на помніку па новым стылі. Магчыма, аўтар некралога памыліўся, а, магчыма, свядома “пасунуў” дату смерці, каб пахаванне прыходзілася на трэці дзень пасля яе.

Справа ад надмагілля сужонкаў Васілеўскіх знаходзіцца помнік у выглядзе літога карункавага крыжа, пастаўленага на гранітную базу ў выглядзе простага агранёнай стэлы (малюнак 4, б). Крыж дастаткова шырока распаўсюджаны ў рэгіёне: у цэнтры яго плат Св. Веранікі і прылады Хрыстовых пакут, у ніжняй частцы прымацавана невялікая авальная шыльда з лаканічным надпісам: *Офицеръ | Константинъ | ВАСИЛЕВСКИЙ | скончался | 18 сентября 1907 г.* Гэта малодшы сын протаіерэя Уладзіміра Васілеўскага, памерлы ў 23 гады [6, с. 6]. Як гэта нярэдка бывае, заўчасная смерць маладых людзей і гора блізкіх прыводзілі да замаўлення вялікіх і дарагіх помнікаў.

У другім шэрагу аточаных адною агароджай помнікаў знаходзіцца яшчэ два літыя крыжы на каменных стэлах. Першы вырашаны ў выглядзе дэндралянага крыжа, спавітага стылізаваным плюшчом (малюнак 4, в), на авальным медальёне наступны надпіс: *Дорогой дочушкь | Ольгь | от родителей.* Другі помнік уяўляе сабою праваслаўны шасціканцовы крыж з барэльефнай выявай анёла ля яго асавання, які, стоячы, адным локцем абапіраецца на урну. На самім крыжы адліты наступны надпіс: *Упокой Господи младенца | Аркадія.*

⁴ Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 605. Воп. 20. Спр. 622. – Арк. 31адв. – 32.

а) протаіерэй Уладзімір Васілеўскі і яго жонка Аляксандра; б) малодшы сын Канстанцін; в) дачка Вольга
Малюнак 4. – Надмагіллі пахаванняў сям’і Васілеўскіх. 2022 г. Фота аўтара

Звяртае на сябе ўвагу, што на помніках адсутнічаюць прозвішчы і даты смерці. Гэта цікавы прыклад таго, як працуе сямейная памяць: помнікі ў другім шэрагу разлічаны ў першую чаргу на тое, каб быць месцам памяці для блізкіх (у адрозненні ад помнікаў першага шэрагу, якія, відавочна, захоўваюць памяць пра памерлых для ўсёй супольнасці). Няма патрэбы нагадваць прозвішчы (яны зразумелыя з кантэкста) і нават даты смерці – іх захоўвае памяць бацькоў, да гэтых успамінаў яны звяртаюцца ў жалобе. Менавіта на такую, вусную памяць сям’і гэтыя помнікі найперш і разлічаны, у той час як для іншых людзей, яны застаюцца паўзакрытымі, і тым больш пасля таго, як мінае стагоддзе. Усё абмежавана да мінімальнай інфармацыі, мы ведаем, што тут пахаваны дзеці і іх імёны. Гэтак жа сама многія драўляныя сялянскія помнікі маглі не мець на сабе надпісаў, памяць пра тых, хто пад імі пахаваны, захоўвала сям’я, а пасля таго, як яна знікала ў пакаленнях, таксама парохнелі і знікалі самі помнікі. На прыкладзе пахаванняў Васілеўскіх добра бачна, што падобная мадэль памяці магла рэалізоўвацца і ў пахаваннях прадстаўнікоў сацыяльных эліт.

Варта адзначыць і даволі незвычайная размяшчэнне магільных насыпаў – усе яны знаходзяцца за помнікамі. Верагодна, гэта павязана з прафесіяй галавы сям’і, які быў святаром. У беларускай народнай традыцыі крыжы і ў цэлым помнікі ставілі “ў галаву”, у той час як афіцыйнае праваслаўе прадугледжвала пастаноўку помніка “ў ногі”, што замацоўвалася рознымі вытлумачэннямі. Так, лічылася што ў час Страшнага Суда прачнуўшыся памерлы будзе бачыць перад сабою крыж; па іншай версіі, памерлы мог бы за яго трымацца ў час уваскрасення і выхаду з магілы. Трэба меркаваць, што паслядоўнае прытрымліванне канона прывяло да незвычайнага спосабу размяшчэння помнікаў.

Непадалёк знаходзіцца яшчэ адно пахаванне Васілевічаў за падобнай каванай агароджай. Першы помнік уяўляе сабою высокую двух’ярусную стэлу з чорнага граніту на пастаменце, завершаную шасціканцовым крыжом таго ж матэрыялу. Тэкст эпітафіі наступны: *Митрофорный | протоіерей | Алексѣй | Владиміровичъ | ВАСИЛЕВСКИЙ | род. 17/II 1876 г. | ум. 17/II 1942 г. | и его супруга | Елена Ивановна | урожд. Павловичъ | род. 1/IV 1880 г. | ум. 16/IV 1941 г. | Во царствіи Твоем | помяни ихъ Господи.* Аляксей Васілеўскі – гэта сын протаіерэя Уладзіміра Васілеўскага, які быў настояцелем браслаўскай царквы пасля таго, як бацька адыйшоў ад спраў. Звяртае на сябе ўвагу тое, што тэкст эпітафіі выкананы дарэвалюцыйным правапісам, якога сям’я Васілеўскіх прытрымлівалася і ў 30-я, і ў 40-я гг.

Побач знаходзіцца яшчэ адзін помнік з чорнага граніту ў форме стэлы на цокале, завершанай высокім шасціканцовым крыжом. Эпітафія на ім наступная: *Ольга Осиповна | ПАВЛОВИЧЪ | ур. Михайловская | ум. 16.X.1926 г. | прожив 74 г.* Кім прыходзіцца спачылая сям’і Васілеўскіх, нам невядома, але знаходжанне пахавання ў адной агароджы ясна сведчыць пра сваяцкія сувязі. У адрозненні ад пахаванняў Васілеўскіх ранейшага пакалення, тут мы бачым класічнае размяшчэнне магільных насыпаў перад помнікамі, але, магчыма, зменена палажэнне цела ў зямлі, так што яно адпавядае праваслаўнаму канону з крыжом, пастаўленым у нагах.

Яшчэ адно святарскае пахаванне захавалася над магілай ксяндза Пятра Даўгвіловіча – гэта і адзін з самых старых, выяўленых на сёння, помнікаў на браслаўскіх могілках [7, с. 21]. Помнік уяўляе сабою простую ярусную стэлу з граніта з адноўленым крыжом у завяршэнні. Эпітафія на помніку наступная: *Ś.P. | Ksiądz Piotr | DOWGWILLOWICZ | Dziekan Proboszcz | Brastawski | zm. 24 Pazdz. 1874 r. | wieku lat 80. | Pełnemu cnot i zaślug | Kapłanowi. | Wdzięczni parafianie*⁵.

⁵ У раздзеле, прысвечаным браслаўскім могілкам у кнізе «Zabytkowe cmentarze...» прозвішча памылкова перададзена як Dowgiałłowicz [1, с. 47].

Цікавым прыкладам мясцовага камнярэзнага майстэрства з'яўляецца надмагілле Нікадэма Станкоўскага, памерлага ў 1911 г. (малюнак 5, а). Асновай яго служыць ярусная стэла з прарэзанай спераду прафіляванай нішай і выявай лацінскага крыжа на Галгофе. У верхняй частцы карункавы літы лацінскі крыж са стылізаванымі чатырохлістнікамі па канцах. Відавочна, гэта прадукцыя адной з лакальных майстэрняў. Прынамсі, гэта можна сказаць пра стэлу, у той час як у якасці завяршэння выкарыстаны тыповы для рэгіёна літы крыж. Эпітафія наступная: *Tu spoczywa | s.p. Nikodem | STANKOWSKI | żył lat 60 zm. | 27 mar. 1911 roku.*

Малюнак 5. – Надмагіллі Нікадэма Станкоўскага (а), Франца Жоджыка (б) і Аляксея Ракава (в). 2022 г. Фота аўтара

Такія помнікі, як пастаўлены над магілай Нікадэма Станкоўскага, дзякуючы іх добраму ўзроўню захавання дазваляюць рэканструяваць знешні выгляд іншых надмагілляў, якія дайшлі да нашага часу са значнымі стратамі. Прыкладам такога помніка можа служыць надмагілле з наступнай эпітафіяй: *Учитель Преображенский | умер 1884 г. | отъ родственниковъ | и знакомых.* Тэкст захаваўся на невялікай шыльдзе ў аснованні літога крыжа, які зламаўся адразу над ёю і на сённяшні дзень страчаны. Але пакінуты фрагмент дазваляе без сумневу сцвярджаць, што гэта быў такі самы крыж, што і на надмагіллі Нікадэма Станкоўскага. Розніца толькі ў тым, што, у выпадку настаўніка Прэабражэнскага, ён быў усталяваны на значна больш простую па выкананні стэлу. Яшчэ адзін аналагічны крыж захаваўся ў складзе помніка з высокай гранітнай стэлай, але шыльда, аналагічная апісанай вышэй, на ім страчана, затое, на самой стэле захаваўся лаканічны надпіс “1903”. Тры гэтыя помнікі дазваляюць казаць пра тое, што такі тып літых крыжоў выкарыстоўваўся ў рэгіёне, пачынаючы з сярэдзіны 1880-х і да пачатку 1910-х гг.

Яшчэ адзін цікавы прыклад мастацкага ліцця – масіўны чугунны крыж над пахаваннем Станкоўскіх, таксама даволі тыповы для могілак Паўночнага Захада Беларусі і сумежных рэгіёнаў Латвіі і Літвы. Эпітафія, адлітая на самім крыжы з двух бакоў, нажаль, не ўтрымлівае датаў смерці ці пастаноўкі помніка: *Tu spoczywają zwłoki wiecznej pamięci | Józefa i Wiktorisi STANKOWSKICH | Poswięcił tę pamiętką Stroskany syn | Józef Stankowskij.*

Не ўсе браслаўскія помнікі падзелены па моўнай прыкмеце: бываюць і змешаныя варыянты. Цікавым прыкладам можа служыць помнік з чырвонага і шэрага гранітаў у выглядзе тумбы пад высокім крыжом, на якім знаходзіцца надпіс “*Да будетъ воля Твоя*” (малюнак 5, б). Асноўная частка эпітафіі выглядае так: *Францъ Федоровичъ | ЖОДЖИКЪ | ск. 29 авг. 1895 г. – 66 л. | żona jego Katarżyna ur. | Tyszko, zm. 30 maja 1885 r. | 44. l. i дъти Ваня, Ваня и Костя | Миръ праху вашему | дороге родители и брат(ъ)я.* Верагодна, выкарыстанне двух моў павязана з каталіцкім паходжаннем жонкі памерлага, у той час, як руская мова большай часткі тэксту і выкарыстанне адпаведных малітоўных формул гавораць пра тое, што помнік пастаўлены як праваслаўны, хоць і пад крыжом лацінскага тыпу, выкарыстанне якога не было канфесійнай вызначальнай прыкметай на браслаўскіх могілках, як і ў разгледжаным вышэй выпадку літога крыжа з чатырохлістнікавымі завяршэннямі. Помнік акружаны каванай агароджай, за ім, як і за пахаваннямі Васілеўскіх, прысутнічаюць старыя кусты бэзу, якія, відавочна, некалі былі пасаджаны тут сваякамі і датрывалі да нашых дзён – у адрозненні ад могілаквых дрэў, якія на старой частцы амаль цалкам страчаны.

Адным са старэйшых помнікаў на могілках з'яўляецца помнік Аляксея Ракава, памерлага ў 1871 г. (малюнак 5, в). Ён вырашаны ў выглядзе стылізаванай пад неапрацаваны камень гранітнай стэлы з прамавугольнай шыльдай спераду, дзе выразана наступная эпітафія: *Мировой посредникъ | Алексѣй Михайловичъ | РАКОВЪ | +15 Февр. 1871 г. | В знакъ памяти отъ | товарищей и знакомыхъ.* Гэты тэкст з'яўляецца цікавым прыкладам сітуацыі, дзе суб'ектамі памяці ў дачыненні памерлага выступаюць не яго родныя, а сябры і знаёмыя. Верагодна, у пахаванага не было сваякоў у Браславе, дзе яму давялося працаваць дробным чыноўнікам і тут жа памерці. Спачыўшы ў гэтай сітуацыі вызначальна пра сваю пасаду, а не праз сваяцкія стасункі, адсутнічаюць і звыклія малітоўныя памінальныя формулы.

На могілках абсалютна дамiнуюць помнікі з эпітафіямі на польскай і рускай мовах, якія з'яўляюцца і канфесійнымі маркерамі памерлых. Разам з тым прысутнічае і некалькі надмагілляў на беларускай мове. Самыя старыя пастаўлены над пахаваннямі сям'і Юхневічаў, вырашаных у форме двух высокіх стэлаў з партрэтнымі медальёнамі і завершаных невялікімі лацінскімі крыжамі. Інскрыпцыі гэтых помнікаў служаць каштоўным матэрыялам да гісторыі фарміравання беларускамоўнай эпітафіі: *ЮХНЕВІЧ | Канстанцін | Аляксандравіч | нар. 15.XII.1896 г. | пам. 14.VIII.1971 г. | Дарагому бацьку | і дзядулю | ад дзяцей | і ўнукаў; С.П. | ЮХНЕВІЧ | Стэфанія | Міхайлаўна | нар. 28.I.1902 г. | пам. 18.VIII.1957 г. | і | ЮХНЕВІЧ | Алёдзія-Анна | Канстанцінаўна | нар. 25.VII.1925 г. | пам. 23.XII.1925 г. | I помнік скромны | гэты паставілі | Вам дарагія: | жонка, маці, | дачка і сястра. | У думках і сэрцах | нашых | будзеце вечна.* Канстанцін Юхневіч – вядомая постаць беларускага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі, абіраўся паслом у польскі сейм, актыўна займаўся публіцыстыкай і палітычным жыццём [10, с. 260]. Таксама варта адзначыць, што сярод старой часткі brasлаўскіх могілак знаходзяцца пахаванні ахвяр Савецка-польскай вайны 1919–1921 гг., але ад пастаўленых некалі стандартных шыльдаў да нашага часу захавалася толькі некалькі з чытальнымі прозвішчамі [1, с. 47].

Іншае вайсковае пахаванне знаходзіцца праз дарогу, на новай часцы могілак. Гэта ўжо згаданыя магілы ахвяр Першай сусветнай вайны. Яны таксама захаваліся ў даволі дрэнным стане, зараслі мохам і травой. Вергодна, апошні раз гэтыя могілкі прыводзіліся да ладу падчас нямецкай акупацыі 1941–44 гг., калі ўсе вайсковыя пахаванні Brasлаўскага раёна былі ўзятыя пад улік. У тагачасных дакументах гэтыя пахаванні часоў Першай сусветнай пазначаны як “у Brasлаве, пры рымска-каталіцкіх могілках”⁶ – трэба меркаваць, што размова тут ішла менавіта пра існуючы сёння асобна па іншы бок вуліцы ўчастак.

Найбольш цікавым помнікам гэтай часткі могілак можна назваць надмагілле павятовага віцэстарасты Вінцэнта Унятыцкага, памерлага ў 1936 г. (малюнак 6, а) Помнік уяўляе сабой мадэрністычную стэлу чырвонага граніту, вырашаную профілямі чатырох крыжоў на кожнай грані, змешчаную на невысокім пастаменце. На пастаменце выразана эпітафія і размешчаны партрэт памерлага. Тэкст эпітафіі вельмі лаканічны: *Ś.P. | Wincenty | UNIATYCKI | wicestrosta | powiatowy | *17-XI-1879 +15-VII-1936 | Cześć jego pamięci.* Тэрыторыя пахавання была акружана агароджай, ад якой застаўся толькі змураваны з каменя контур і невялікія рэшткі металічных канструкцый. Злева ад помніка знаходзіцца вялікі склеп, вырашаны ў форме мураванага з каменя і бетону партала, які замыкае земляны насып над склепам (малюнак 6, б). Склеп быў разрабаваны: металічныя дзверы яго сёння зачынены. Інфармацыя пра тое, якой сям'і ён належаў, адсутнічае. Прастора вакол склепа была акружана агароджай, ад якой засталіся толькі мадэрністычныя высокія трохкутныя элементы.

Малюнак 6. – Надмагілле Вінцэнта Унятыцкага (а) і склеп (б) на новай частцы могілак. 2022 г. Фота аўтара

У астатнім пахаванні на гэтай часцы могілак прадстаўлены, пераважна, стандартнымі бетоннымі і каменнымі стэламі 1930 – 40-х гг. Фрагмент аднаго разбітага партрэтнага медальёна і акрэсленыя месцы размяшчэння іх на помніках, дзе яны страчаны, дазваляюць гаварыць пра тое, што выкарыстанне надмагільнай фатаграфіі стала пашыранай практыкай у Brasлаве ўжо ў 30-я гг. XX ст.

Заклучэнне. Не выклікае сумневу, што brasлаўскія могілкі яшчэ шмат здолеюць расказаць пра гісторыю горада і яго жыхароў пры ўмове мэтанакіраваных пошукаў у архівах і правядзенні іх сістэматычнай інвентарызацыі. Зроблены агляд дазваляе ўбачыць гэтае месца як важную частку культурнага ландшафта горада, якая на розных узроўнях захоўвае памяць яго жыхароў. Тут мы знаходзім і пахаванні прадстаўнікоў асобных сямей у некалькіх пакаленнях, і месцы спачынку асоб, важных для гісторыі горада, а значыць, для ўсіх яго жыхароў.

⁶ Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 2848. Воп. 1. Спр. 6. – Арк. 5.

Браслаўскія могілкі да 20-х гг. XX ст. развіваліся як тыповыя местачковыя могілкі рэгіёна з падобнымі помнікамі і арганізацыяй прасторы. Імклівае развіццё Браслава пасля 1927 г. прывяло да іх павелічэння і хуткага насласнення новых пахаванняў на старыя, стварыўшы культурны краявід, які выразна адрозніваецца ад усіх некропаляў браслаўскага рэгіёна. Утвораны ландшафт захоўвае ў сабе гісторыю развіцця Браслава другой паловы XIX – XX ст., патрабуе ашчаднага стаўлення і падтрымання, а таксама вывучэння ў самых розных навуковых перспектывах.

ЛІТАРАТУРА

1. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczy Pospolitej: województwo Wileńskie na obszarze Republiki Białorusi / A. Lewkowska, J. Lewkowski, W. Walczak. – Warszawa: DiG, 2007. – 512 с.
2. Майсяёнак А. Станіслаў Нарбут // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Браслаўскага раёна. – Мінск: Паліграффармленне, 1998. – С. 202–206.
4. Rewieńska W. Z antropogeografii Brasława. – Kraków: Osobne odbicie z "Wiadomości Geograficznych" Nr. 10, 1934. – 7 s.
5. Brasławszczyzna / red. nauk. E. Smułkowa. – Т. 2: Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu: (słownik brasławski). – Warszawa: Wydaw. Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. – XXVIII, 765 с.
6. Фёдоров А. Браслав. Прот. Василевский // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. – 1914. – № 7-8. – С. 158–159.
8. Рашкевіч А. Радавод сям'і святароў Васілеўскіх // Павеі. – 2001. – № 4. – С. 6–7.
9. Fibek J. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi. – Т. 2: Zachodnia część Diecezji Witebskiej, obszar dawnej diecezji wileńskiej i teleszyńskiej, dekanaty: Brasławski, Widzki, Postawski, Miorski, Szarkowszczyński, Głębocki, Dokszycki. – Łomża: Zakon Braci Mniejszych Kapucynów. Prowincja Warszawska, 2016. – 702 с.
10. Шыдлоўскі К., Панцялейка А. Браслаўшчына ў складзе Польскай дзяржавы (1920 – 1939 гг.) // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Браслаўскага раёна. – Мінск: Паліграффармленне, 1998. – С. 249–261.

Паступіў 15.12.2024

СТАРОЕ ХРИСТИАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В БРАСЛАВЕ: ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА

канд. ист. наук С.В. ГРУНТОВ

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)

В статье рассматривается история старого христианского кладбища в Браславе как важной части культурного ландшафта города и места памяти сообщества его жителей. С помощью периодики, архивных источников, картографических материалов, интервью и полевого исследования самого кладбища прослеживаются разные аспекты развития браславского некрополя. Рассматривается сосуществование двух конфессий в пространстве кладбища, наиболее ценные исторические памятники, их эпиграфика на русском, польском и белорусском языках.

Ключевые слова: кладбище, Браслав, эпитафии, эпиграфика, похороны, надгробие, архитектура, культурный ландшафт, память.

OLD CHRISTIAN CEMETERY IN BRASLAU: HISTORY AND EPIGRAPHY

S. HRUNTOU

(Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article examines the history of the old Christian cemetery in Braslau as an important part of the cultural landscape of the city and a place of memory for the community of its residents. With the help of periodicals, archival sources, cartographic materials, interviews and field research of the cemetery itself, various aspects of the development of the Braslau neopol are traced. The coexistence of two confessions in the cemetery space, the most valuable historical monuments, their epigraphy in Russian, Polish and Belarusian are considered.

Keywords: cemetery, Braslav, epitaphs, epigraphy, funeral, tombstone, architecture, cultural landscape, memory.

УДК 39.01(476)(051)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-59-64

ЭТНАЛАГІЧНАЕ Вывучэнне Паўночнай Беларусі ў сярэдзіне 1940-х – 1960-я гг.¹

канд. гіст. навук, дац. У.Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6433-0039>

У артыкуле разгледжана гісторыя этналагічнага вывучэння Паўночнай Беларусі ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі. Прадстаўлены аналіз палявых этнаграфічных даследаванняў, праведзеных у межах рэгіёна ў 1945–1960-х гг. Ахарактарызаваны апублікаваныя працы, прысвечаныя этнічнай культуры насельніцтва Паўночнай Беларусі. Вылучаны асноўныя накірункі даследаванняў, ахарактарызавана іх метадыка і тэарэтычныя асновы. Раскрыта навуковае значэнне і ўклад даследаванняў, праведзеных у гэты перыяд, у вывучэнне наўночнabelарускага рэгіёна, дадзена ім адзнака.

Ключавыя словы: этналогія, Паўночная Беларусь, пасляваенны перыяд, палявыя этнаграфічныя даследаванні, гістарыяграфія.

Уводзіны. У сучаснай беларускай этналагічнай навуцы адным з важнейшых накірункаў з’яўляюцца рэгіянальныя даследаванні. Сфармуляваная яшчэ ў 1980-х гг. канцэпцыя гістарычна-этнаграфічных рэгіёнаў (абласцей) Беларусі прадвызначыла ў далейшым агульныя падыходы, накірункі і метадалогію такіх даследаванняў. У сваю чаргу правядзенне любога рэгіянальнага даследавання немагчыма без падсумавання вопыту папярэднікаў, якія вывучалі гэту тэрыторыю, без аналізу і характарыстыкі тых прац, што былі прысвечаны азначанаму рэгіёну. У дадзеным артыкуле будучь разглядацца асаблівасці этнаграфічнага вывучэння Паўночнай Беларусі ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі. У беларускай этналагічнай навуцы гэтаму перыяду ўдзяляецца мала ўвагі. Нават у спецыялізаваных этнаграфічных працах, прысвечаных этнаграфічнаму вывучэнню Беларусі, першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі разглядаюцца даволі схематычна і фрагментарна. Рэгіянальныя даследаванні 1950–1960-х гг. увогуле амаль не прааналізаваны.

Пры гэтым усё ж варта адзначыць, што ў беларускай этналагічнай навуцы ўжо прадпрымаліся некаторыя спробы сістэматызаваць даследаванні пасляваеннага перыяду, а таксама вывучаліся асобныя накірункі. Так, яшчэ ў 1972 г. была апублікавана абагульняючая праца па гісторыі беларускай савецкай этнаграфіі, падрыхтаваная В.К. Бандарчыкам [1]. У даследаванні з пазіцыі савецкай этнаграфічнай навуцы разгледжаны некаторыя накірункі ў вывучэнні насельніцтва Беларусі, у т.л. і ў яе рэгіянальным вымярэнні. Пазней гэтыя матэрыялы ўвайшлі ў выданне “Беларусы. Т. 3. Гісторыя этналагічнага вывучэння” [2]. Асобныя этнаграфічныя даследаванні пасляваеннага перыяду былі разгледжаны ў гістарыяграфічных працах Н.Я. Луйгас і І.Г. Бачылы. Так, І.Г. Бачыла прааналізавала шэраг публікацый аб матэрыяльнай культуры беларусаў, апублікаваных у 1950 – 1960-х гг. [3]. А даследчыца Н.Я. Луйгас ахарактарызавала працы, прысвечаныя сям’і і сямейнай абраднасці беларусаў [4]. Дзейнасці вядомага беларускага савецкага этнографа М.Я. Грынבלата прысвяціў некалькі прац С.А. Захаркевіч [5–7].

Асноўная частка. У даваенны перыяд асноўная роля ў этнаграфічным вывучэнні БССР належала секцыі этнаграфіі і фальклору (утворана ў 1937 г. у выніку аб’яднання секцыі этнаграфіі і фальклорнай камісіі) Інстытута гісторыі АН БССР. Нягледзячы на пачатак Вялікай Айчыннай Вайны і эвакуацыю Акадэміі навук, этнаграфічныя даследаванні яе супрацоўнікаў не спыніліся. Так, яшчэ ў часы вайны ў 1944 г. беларускі этнограф М.Я. Грынблат скончыў даследаванне, прысвечанае этнічнаму складу заходніх абласцей БССР². Гэтай тэмай даследчык стаў займацца з 1943 г. па спецзаданні Генштаба Чырвонай арміі. Апроч уласна навуковай мэты, матэрыялы даследавання мусілі быць выкарыстаны савецкім кіраўніцтвам для правядзення дзяржаўных межаў. Па запрашэнні член-карэспандэнта АН СССР Дз. К. Зяленіна беларускі этнограф М.Я. Грынблат, які ў той час знаходзіўся ў эвакуацыі ў Ташкенце, быў уключаны ў распрацоўку спецтэмы Інстытута этнаграфіі АН СССР “Заходняя этнаграфічная граніца СССР”. У снежні 1943 г. Грынблат, разам з іншымі ўдзельнікамі спецтэмы, што працавалі ў Ташкенце ў эвакуацыі, быў пераведзены ў Маскву. Як вынікае з матэрыялаў, у межах гэтай вялікай тэмы дзве падтэмы (“Беларуска-польская этнаграфічная граніца” і “Літоўска-нямецкая этнаграфічная граніца”) выконваліся з удзелам М.Я. Грынבלата. У 1944 г. ён падрыхтаваў асобны раздзел, які меў назву “Да пытання аб заходняй этнаграфічнай граніцы беларусаў”. Да гэтага раздзела таксама дадавалася карта “Заходнія граніцы беларускай этнаграфічнай тэрыторыі”. У 1945 г. на спецсавеце ў Маскве ён абараніў кандыдацкую дысертацыю па гэтай праблеме [8, с. 148; 6, с. 90–95].

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання праекта БРФФД “Стратэгіі выжывання і адаптыўныя практыкі вясковага насельніцтва Паўночнай Беларусі ў пасляваенны перыяд” (дамова № Г23ИП-037 ад 02.05.2023 г.).

² У розных крыніцах і дакументах, а таксама ў розных перыяды назва гэтага даследавання вар’іравалася. Так, у адным варыянце яна называлася “Аб заходніх раёнах рассялення беларусаў”. У іншых дакументах яна вядома пад назвай “Да пытання аб заходняй этнаграфічнай мяжы беларусаў”. У дакументах храналагічна апошняя назва гэтага даследавання – “Да пытання аб заходняй этнаграфічнай граніцы беларусаў” [6, с. 93–96].

Яксна новы этап у развіцці беларускай этналагічнай навукі пачаўся пасля Вялікай Айчыннай Вайны. Пасля вызвалення Беларусі і вяртання АН БССР у Мінск пры Інстытуце гісторыі быў адноўлены сектар этнаграфіі і фальклору [2, с. 280–281]. Як сведчаць матэрыялы, палявыя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ажыццяўляліся сектарам ужо з 1945 г., а пачынаючы з 1949 г. сектар пачаў ладзіць штогадовыя этнаграфічныя экспедыцыі на тэрыторыі Беларусі.

У першыя пасляваенныя гады найбольш значная роля ў этнаграфічным вывучэнні Беларусі належала М.Я. Грынблату. Дзякуючы яго намаганням быў ажыццяўлены шэраг этнаграфічных экспедыцый па Беларусі, у тым ліку і ў паўночны рэгіён. Ужо ў 1945 г. пад яго кіраўніцтвам была здзейснена этнаграфічная экспедыцыя, якая закранала паўночнабеларускія землі. Яна праводзілася з 22 ліпеня па 20 жніўня па маршруце Барысаў – Плешчаніцы – Далгінава – Вілейка – Маладзечна. Апроч М.Я. Грынבלата, удзельнікамі значыліся Г.І. Цітовіч, М.С. Мееровіч і Л.Г. Альтшулер. З захваўшагася дзённіка Л.Г. Альтшулер вядома, што ў ходзе экспедыцыі былі зафіксаваны апісанні абрадаў, разнастайныя тэксты песень, узоры матэрыяльнай культуры (прадметы ткацтва, народнага дойлідства), асаблівасці народнай гаворкі [7, с. 23–26].

У 1950-х гг. палявыя этнаграфічныя даследаванні сталі яшчэ больш інтэнсіўнымі. Першая буйнамаштавая этнаграфічная экспедыцыя, якая закранула паўночнабеларускі рэгіён, была праведзена ў 1954 г. (арганізавана сектарам этнаграфіі Інстытута гісторыі АН БССР). Экспедыцыя ахапіла цэнтральныя і паўночна-заходнія раёны Падзвіння. Яна атрымала неафіцыйную назву “Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г.”. Яе матэрыялы захоўваюцца ў Ахіве ІМЭФ³. А ў наступным 1955 г. была праведзена Віцебска-Магілёўская этнаграфічная экспедыцыя АН БССР, якая ахапіла самыя ўсходнія раёны сучаснай Віцебскай вобласці, а таксама некаторыя памежныя расійскія тэрыторыі⁴. У 1956 г. сектарам этнаграфіі Інстытута гісторыі АН БССР была ажыццяўлена Мінска-Гомельская экспедыцыя, якая закранула і тэрыторыю Маладзечанскай вобласці. У той перыяд у Маладзечанскую вобласць уваходзілі заходнія раёны сучаснай Віцебскай. Акрамя таго, экспедыцыя ўвабрала паўночныя раёны Мінскай вобласці (Барысаўскі, Лагойскі і інш.), а таксама Талачынскі раён Віцебскай вобласці⁵. Усе гэтыя экспедыцыі былі комплексныя, таму ў ходзе палявых даследаванняў былі зафіксаваны даволі разнастайныя матэрыялы, якія датычацца многіх аспектаў матэрыяльнай і духоўнай культуры мясцовага насельніцтва.

Актывізацыі этнаграфічных даследаванняў Беларусі спрыяла стварэнне ў 1957 г. Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (ІМЭФ) АН БССР з асобным сектарам этнаграфіі. З гэтага часу ІМЭФ становіцца галоўным цэнтрам этнаграфічнага вывучэння Беларусі, у т.л. і паўночнага рэгіёна. Нягледзячы на тое, што ў пасляваенныя гады асноўная ўвага надавалася вывучэнню матэрыяльнай спадчыны беларусаў, праблемы духоўнай культуры таксама не абміналіся. У першую чаргу трэба адзначыць даволі плённую збіральніцкую дзейнасць супрацоўнікаў ІМЭФ у рэгіёне.

У 1950 – 1960-х гг. палявыя этнаграфічныя даследаванні ў рэгіёне ажыццяўлялі і супрацоўнікі іншых навуковых і музейных устаноў. Сярод іх значнае месца займаў Дзяржаўны музей этнаграфіі народаў СССР (у сучасны перыяд – Расійскі этнаграфічны музей). Так, у 1957 г. адбылася этнаграфічная экспедыцыя на Захад Беларусі. Яна закранула і некаторыя мясціны Маладзечанскай вобласці. У 1958 г. супрацоўнікі музея таксама ладзілі палявыя даследаванні на Захадзе Беларусі, у тым ліку і ў межах Маладзечанскай вобласці. Этнаграфічнае вывучэнне Беларусі ажыццяўлялася музеямі і ў 1965 г. У ходзе працы былі абследаваны Маладзечанскі і Мядзельскі раёны Мінскай вобласці. У выніку ў этнаграфічным музеі былі сабраны экспанаты па матэрыяльнай культуры, а таксама значная фотакалекцыя. Справаздачы аб ажыццяўленых экспедыцыях захоўваюцца ў архіве Расійскага этнаграфічнага музея⁶.

Палявыя фальклорна-этнаграфічныя даследаванні ў паўночна-заходніх рэгіёнах Беларусі ў 1950 – 1960-я гг. ажыццяўлялі таксама і літоўскія даследчыкі. У гэты перыяд апошнія праяўлялі цікавасць да памежных беларуска-літоўскіх тэрыторый, таму палявыя даследаванні былі праведзены ў межах шэрагу раёнаў Паўночна-Заходняй Беларусі. У дадзены перыяд палявыя фальклорна-этнаграфічныя даследаванні праводзілі супрацоўнікі Інстытута літоўскай мовы і літаратуры, а таксама Вільнюскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Першыя комплексныя этнаграфічныя даследаванні ў рэгіёне былі ажыццяўлены ў 1952–1953 гг. і закранулі Воранаўскі раён Гродзенскай вобласці. На працягу 1950 – 1960-х гг. быў здзейснены шэраг экспедыцый на тэрыторыю Паўночна-Заходняй Беларусі (Воранаўскі, Лідскі, Навагрудскі, Дзятлаўскі, Астравецкі, Мядзельскі р-ны). Пераважная большасць палявых даследаванняў праводзілася пад кіраўніцтвам Ю. Давідайціса (Jurgis Dovydaitis). Зафіксаваныя матэрыялы і багатая фотакалекцыя ў сучасны перыяд захоўваюцца ў Інстытуце літоўскай літаратуры і фальклору⁷.

Калі з сярэдзіны 1940-х гг. адбываецца назапашванне фактычнага этнаграфічнага матэрыялу, то з 1950-х гг. з’яўляецца шэраг даследаванняў, у якіх разглядаліся разнастайныя аспекты этнічнай гісторыі, традыцыйнай і сучаснай культуры насельніцтва Беларусі. У гэты перыяд этнаграфічнымі даследаваннямі ў Беларусі займаліся М.Я. Грынблат, Л.А. Малчанова, А.І. Залескі, У.М. Іваноў, Г.І. Дулеба, А.М. Міцкевіч, і інш. Спецыфічнай рысай

³ Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі (далей – АІМЭФ). – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 37-57.

⁴ АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 66.

⁵ АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 172, 173, 178.

⁶ Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). – Ф. 2. Оп. 1.

⁷ Lietuvių tautosakos archyvas. – Fondas LTR; Fondas LTRFt.

этнографічных прац гэтага перыяду з'яўляецца ўплыў ідэалагічнага фактару [4, с. 7], што прадвызначыла характар даследаванняў (падыходы, методыку, крыніцы) і стала прычынай пэўнай аднабаковасці і тэндэнцыйнасці атрыманых вынікаў.

Адным з важнейшых накірункаў беларускай савецкай этнаграфічнай навукі ў пасляваенны перыяд стала вывучэнне матэрыяльнай культуры і народнага мастацтва. Ужо ў 1950-я гг. з'явіўся шэраг выданняў альбомнага характару, прысвечаных гэтым тэмам. У 1951 г. быў выдадзены альбом “Беларускае народнае мастацтва” [9]. Матэрыялы, апублікаваныя ў гэтым выданні, былі падрыхтаваны яшчэ ў даваенны перыяд беларускім этнографам І.А. Сербавым. Выданне было прысвечана традыцыйнаму ткацтву, вышыўцы, вязанню, набойцы. У 1953 г. быў апублікаваны альбом “Беларускі народны арнамент”, падрыхтаваны М. Кацарам [10], ў 1958 г. – альбом “Беларуская народная архітэктурная разьба”, падрыхтаваны Л.А. Малчанавай [11]. Нягледзячы на тое, што ў гэтых выданнях не ставілася задача паказаць рэгіянальную разнастайнасць беларускай традыцыйнай культуры, усё ж паўночнабеларускія матэрыялы ў іх былі прадстаўлены.

У 1956 г. выйшла комплекснае даследаванне, прысвечанае матэрыяльнай культуры беларусаў, рускіх і ўкраінцаў пад назвай “Усходнеславянскі этнаграфічны зборнік. Нарысы народнай матэрыяльнай культуры рускіх, украінцаў і беларусаў у XIX – пачатку XX ст.” [12]. Выданне было падрыхтавана супрацоўнікамі Інстытуту этнаграфіі АН СССР Я.Э. Бломквіст, Н.І. Лебедзевай і Г.С. Маславай. У ім былі разгледжаны асаблівасці народнага дойлідства, адзення і ткацтва ўсходнеславянскіх этнасаў. Нягледзячы на тое, што даследаванне было абагульняючым, у ім былі шырока прадстаўлены і паўночнабеларускія матэрыялы.

Істотная роля ў вывучэнні матэрыяльнай культуры Беларусі ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі належала Л.А. Малчанавай, якая пасля заканчэння аспірантуры з 1948 г. працавала ў сектары этнаграфіі Інстытута гісторыі АН БССР, а з 1957 г. – у ІМЭФ АН БССР. Яе даследаванні былі прысвечаны традыцыйным гаспадарчым заняткам і прыладам працы, асаблівасцям народнай архітэктуры, планіроўкі паселішчаў і сядзібы, традыцыйнаму адзенню. Своеасаблівым падсумаваннем навуковых пошукаў Л.А. Малчанавай у вывучэнні матэрыяльнай культуры беларусаў у 1950 – 1960-я гг. стала выданне “Матэрыяльная культура беларусаў” (1968) [13]. Абагульненне вынікаў даследавання матэрыяльнай культуры беларусаў адбылося ў дысертацыйным даследаванні Л.А. Малчанавай “Вытворчая дзейнасць і матэрыяльная культура беларускага сялянства XIX – пачатку XX ст.” (1969).

У 1960-я гг. распрацоўваюцца і іншыя аспекты традыцыйнай матэрыяльнай культуры беларусаў, у тым ліку з выкарыстаннем паўночнабеларускіх матэрыялаў. Пытаннем народнага дойлідства Віцебшчыны прысвяціў артыкул У.С. Гуркоў [14]. Даследчыца І.М. Елатомцава апублікавала манаграфію “Мастацкая кераміка Савецкай Беларусі” (1966) [15].

У пасляваенны перыяд вывучэнне матэрыяльнай культуры і народнага мастацтва не было адзіным накірункам у беларускай этнаграфічнай навукі. Яшчэ ў пачатку 1950-х гг. у савецкай этнаграфіі сфарміраваўся асобны накірунак па вывучэнні побыту сялян і рабочых. У 1950 г. у часопісе “Савецкая этнаграфія” быў апублікаваны праграмны артыкул М.М. Чабаксарава “Этнаграфічнае вывучэнне культуры і побыту маскоўскіх рабочых”. Ён пачынаецца з наступнай фармуліроўкі: “В составе современных социалистических наций есть два основных класса: класс рабочих и класс крестьян” [16, с. 107]. Менавіта гэтыя два аб'екты (рабочыя і сяляне/калгаснікі) становяцца найважнейшымі ва ўсіх пасляваенных даследаваннях этнаграфічнай праблематыкі. А ў 1951 г. адбылася Усесаюзная нарада этнографіаў, якую склікаў Інстытут этнаграфіі АН СССР. У якасці аднаго з важнейшых яе вынікаў было вызначэнне новых накірункаў даследаванняў. Падкрэслівалася, што ў савецкай этнаграфічнай навукі наміраецца пералом ад вывучэння архаічных форм культуры да вывучэння сучаснага жыцця народаў [2, с. 280]. Адпаведна, у розных этнаграфічных цэнтрах СССР пашыраюцца падобныя даследаванні.

Беларуская этнаграфічная навукі ў гэтым плане не стала выключэннем. Ужо ў пачатку 1950-х гг. вядзецца вывучэнне побыту і культуры беларускай калгаснай вёскі. Так, быў абследаваны адзін з калгасаў Хойніцкага раёна. Пазней на аснове гэтых матэрыялаў М. Малчанавай і М. Грынבלатам быў апублікаваны асобны артыкул “Новыя з'явы ў быце калгаснай вёскі” (у выданні “Беларускі этнаграфічны зборнік”, 1958 г.) [17]. З гэтага часу ў прадметнае поле беларускіх этнографіаў трапілі не толькі традыцыйныя ўзоры матэрыяльнай культуры, але і сучасныя на той час формы. У 1954–1957 гг. тэматыка этнаграфічных даследаванняў некалькі пашыраецца, і ў якасці прадметнага поля пачынаюць выступаць побыт сялян у партызанскіх зонах, паўсядзённая культура рабочых і калгаснікаў [2, с. 281]. Але, аналізуючы апублікаваныя работы па гэтых накірунках, а таксама сабраныя палявыя матэрыялы, што захоўваюцца ў архівах, неабходна звярнуць увагу на некаторую тэрытарыяльную дыспрапорцыю. Як паказвае аналіз гэтых матэрыялаў, Паўночная Беларусь даволі спіпла прадстаўлена як у навуковых публікацыях, так і ў архіўных матэрыялах.

Значная роля ў этнаграфічным даследаванні насельніцтва Беларусі ў пасляваенны перыяд належыць А.І. Залескаму. Ён падрыхтаваў вялікую колькасць публікацый па пытаннях т.зв. “новых рысаў” у побыце і абраданасці сялян і рабочых. Бадай першай яго працай, прысвечанай дадзенай праблематыцы, быў артыкул “Аб некаторых з'явах у пасляваенным сямейным быце беларускіх калгаснікаў”, апублікаваны ў згаданым вышэй “Этнаграфічным зборніку” (1958 г.) [18]. Яго даследаванне храналагічна адносіцца да першага пасляваеннага дзесяцігоддзя. Асновай для працы сталі матэрыялы палявых даследаванняў, але выкарыстаны выключна палескія запісы аўтара. Асаблівай увагі заслугоўваюць гістарычна-этнографічныя даследаванні А.І. Залескага аб побыце сялян ва ўмовах акупацыі. Так, ім былі падрыхтаваны наступныя працы: “Быт беларускіх сялян у партызанскім краі” (1960), “У партызанскіх краях і зонах” (1962), “У тыле ворага” (1969) і інш. У 1960 г. выходзіць

кніга “Быт беларускіх сялян у партызанскім краі” [19]. Манаграфія вучонага была прысвечана даследаванню пабытовых умоў партызанскіх атрадаў. Асновай для працы сталі палявыя этнаграфічныя матэрыялы, зафіксаваныя ў час экспедыцыі 1955 г. у Любаньскі раён Мінскай вобласці. У якасці крыніц таксама былі выкарыстаны і матэрыялы перыядычнага друку. Як паказвае аналіз зместу працы, матэрыялы з іншых рэгіёнаў Беларусі аўтарам амаль не выкарыстоўваліся.

У гэты перыяд вывучэннем побыту гарадскога насельніцтва займаўся У.М. Іваноў. Ужо ў 1959 г. ён апублікаваў гістарыяграфічны артыкул “З гісторыі вывучэння быту савецкіх рабочых”. А ў канцы 1950-х – першай палове 1960-х гг. ім быў апублікаваны шэраг артыкулаў, прысвечаных побыту і абраднасці рабочых Беларусі. Так, у 1959 і 1960 гг. выходзяць працы “Рысы новага ў быце рабочых Савецкай Беларусі”, “Сучасны шлюб і вяселле рабочых”, “Грамадскі і сямейны быт брыгад камуністычнай працы Беларускай ССР”. Своеасаблівым падсумаваннем усіх гэтых даследаванняў У.М. Іванова стала абароненая ў 1961 г. кандыдацкая дысертацыя па пытаннях пабытовай культуры рабочых горада Мінска [20]. У калектыўнай брашуры “Новыя звычаі і абрады – у наш быт” (1960 г.), напісанай А.І. Залескім і У.М. Івановым, разглядаюцца новыя рысы ў побыце і агульныя асаблівасці функцыянавання сучаснай, на момант напісання працы, сямейнай абраднасці ў Беларусі [21, с. 35–36, 39–41]. Гэты ж матэрыял, праўда ў скарачаным выглядзе, быў змешчаны ў кнізе У.М. Іванова “Жизнь рождает новые обряды” (1964) [22].

У 1960-х гг. сямейны і грамадскі побыт сялян Барысаўшчыны даследавала Ганна Іванаўна Дулеба. Па гэтай тэме яна падрыхтавала шэраг артыкулаў і дысертацыйнае даследаванне. Найбольш комплексна вынікі вывучэння былі прадстаўлены ў яе дысертацыі “Сучасны грамадскі і сямейны побыт беларускіх калгаснікаў” (1966) [23]. Асновай для яе працы сталі матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў, якія былі праведзены ў рэгіёне. Г.І. Дулеба комплексна абследавала 5 калгасаў Барысаўскага раёна (“Маяк коммунизма”, “Чкалова”, “Красная зорька”, “Красная Белоруссия”, “Свердлова”). У якасці метадаў даследчыцай былі выкарыстаныя як традыцыйныя назіранне і інтэрв’ю, так і анкетаванне. У выніку, Г.І. Дулеба комплексна апытала 581 сям’ю, што сфарміравала вялізарны комплекс даных па дадзенай праблематыцы. У якасці прадметнага поля дысертацыйнага даследавання сталі пытанні грамадскага побыту, сям’і і сямейных адносін, сямейнай абраднасці. Нягледзячы на пэўны ідэалагічны ўплыў, дысертацыйная работа даследчыцы ўтрымлівае значную колькасць цікавых і ўнікальных этнаграфічных матэрыялаў. Напрыклад, у ёй змешчаны каштоўныя палявыя матэрыялы аб пахавальным абрадзе вясковага насельніцтва Барысаўскага раёна Мінскай вобласці ў пасляваенны перыяд [23, с. 320–324].

Даследчыца Г.І. Дулеба таксама апублікавала шэраг іншых прац, прысвечаных побыту і абраднасці вясковага насельніцтва ў 1950 – 1960-я гг. Сярод такіх работ варта ўзгадаць наступныя: “Некаторыя рысы сучаснай сям’і і сямейнага быту” (1967) [25], “Змены становішча беларускай жанчыны-сялянкі за гады савецкай улады” (1969) [24]. У якасці крыніцазнаўчай базы для іх былі выкарыстаныя матэрыялы этнаграфічных экспедыцый у розныя рэгіёны Беларусі, а таксама статыстычныя даныя.

У 1960-я гг. даследаваннем харчавання і народнай кулінарыі займаўся І.П. Корзун. Шэраг яго работ быў прысвечаны традыцыям харчавання, а некаторыя – і сучаснаму стану. У 1965 г. ім была абаронена дысертацыя на тэму “Ежа і харчаванне беларускага сялянства” [26]. Нягледзячы на тое, што асноўная ўвага ў даследаваннях І.П. Корзуна, прысвечаных сістэме харчавання беларускага насельніцтва, адведзена традыцыям кулінарыі, у іх аналізуецца таксама і стан у пасляваенны перыяд.

У гэты перыяд шэраг прац, прысвечаных народнай медыцыне, апублікаваў Л.І. Мінько. Трэба адзначыць, што значнае месца ў яго даследаваннях адведзена характарыстыцы сучаснага на той час стану функцыянавання народнай медыцыны сярод сельскага насельніцтва Беларусі. А таму ўлічваючы спецыфіку тагачаснай ідэалогіі, істотную долю ў яго працах заняла крытыка сімвалічных спосабаў лячэння, якія найбольш канцэнтравана ўвасоблены ў феноміне знахарства. Такім чынам шэраг прац Л.І. Мінько якраз і былі прысвечаны крытыцы знахарства (“Пережитки знахарства и их вред” (1964), “Методы и формы борьбы с пережитками знахарства” (1964), “Пережитки лечебной магии и их вред” (1969)). У 1965 г. ён абараніў дысертацыю на тэму “Белорусская народная медицина и вред знахарства” [27], пасля чаго ў 1971 г. выходзіць яго манаграфія, цалкам прысвечаная знахарству і формам барацьбы з ім у сучасным на той час грамадстве [28]. Беларускі этнограф У.С. Філіпенка наступным чынам ахарактарызаваў навуковае значэнне даследаванняў Л. Мінько: “Аўтар змясціў багата этнаграфічнага і фальклорнага матэрыялу, у тым ліку сабранага на Падзвінні, па рацыянальных сродках народнай медыцыны, асабліва фітатэрапіі, і магічных прыёмах лекавання. Але трактаваліся яны выключна з крытычнага, матэрыялістычнага пункту гледжання. Асабліва шкодзіла арганічнаму ўспрыняццю народнай медыцыны як цэласнага элементу традыцыйнай духоўнай культуры штучнае проціпастаўленне Л. І. Мінько народнай медыцыны знахарству” [29, с. 14].

Значнае месца ў пасляваеннай беларускай этнаграфіі займала вывучэнне абраднасці беларусаў, асабліва сямейнага цыклу. У пасляваенны перыяд заўмаўся даследаваннем вясельнай абраднасці М. Нікольскі. У 1956 г. ён апублікаваў кнігу “Происхождение и история белорусской свадебной обрядности” [30]. Нягледзячы на тое, што аўтар засяродзіў сваю ўвагу, у асноўным, на традыцыйных формах абраду, не абмінуў ён і некаторыя асаблівасці яго эвалюцыі ў пасляваенны перыяд. Так, адзначалася, што “хронологически наше исследование начинается с первобытно-общинной эпохи и заканчивается современной советской эпохой” [30, с. 4]. У рэальнасці ж работа была прысвечана амаль выключна даследаванню архаічных традыцый у вясельнай абраднасці. Да сучаснай на момант падрыхтоўкі даследавання абраднасці М. Нікольскі звярнуўся толькі ў заключэнні да кнігі, але разгляд стану вясельнай абраднасці беларусаў у пасляваенны перыяд і тут быў зусім сціплым [30, с. 268–269].

Пытаннімі сямейнай абраднасці беларусаў на аснове матэрыялаў XIX – пачатку XX стагоддзя займаўся А.М. Міцкевіч [31]. Нягледзячы на тое, што асноўная ўвага даследчыка была скіравана на аналіз дадзенай часткі народнай культуры ў адзначаны прамежак часу, пэўная ўвага надавалася таксама і асаблівасцям яе існавання ў сучасны для аўтара перыяд. У некаторых сваіх публікацыях А.М. Міцкевіч закранае агульныя пытанні існавання сямейнай абраднасці беларусаў у 1950 – 1960-я гг. [32].

Заклучэнне. Такім чынам, падсумоўваючы вынікі праведзеных беларускімі этнографамі даследаванняў насельніцтва Паўночнай Беларусі ў пасляваенны перыяд, прыходзім да наступных высноў.

У першыя дзесяцігоддзі пасля вайны на тэрыторыі рэгіёна актыўна праводзіліся палявыя этнаграфічныя даследаванні. Лідарам у гэтай справе з’яўляўся сектар этнаграфіі Інстытута гісторыі АН БССР, а з 1957 г. – ІМЭФ АН БССР. Рускія і літоўскія этнографы таксама займаліся вывучэннем традыцыйнай культуры насельніцтва Паўночнай Беларусі ў 1950 – 1960-я гг. У выніку быў назапашаны багаты аб’ём матэрыялаў, які захоўваецца ў архівах і музеях Беларусі, Расіі, Літвы. З пачаткам 1950-х гг. актывізуецца не толькі збіранне і назапашванне палявога матэрыялу, але і публікацыя этнаграфічных даследаванняў. У першыя два пасляваенныя дзесяцігоддзі ў этнаграфічных працах вылучаліся два асноўныя накірункі. Па-першае, гэта было вывучэнне традыцыйнай матэрыяльнай культуры і народнага мастацтва беларусаў. Другую групу складалі даследаванні, прысвечаныя выў-ленню “новых рысаў” у побыце і культуры гарадскога і вясковага насельніцтва. Нягледзячы на шэраг пазітыўных аспектаў (асабліва гэта датычыцца вывучэння традыцыйнай матэрыяльнай культуры беларусаў), з-за ўплыву ідэалагічнага фактара многія працы гэтага перыяду праяўляюць стэрэатыпнасць, тэндэнцыйнасць і аднабокасць як у выбары прадметнага поля даследавання, так і ў атрыманых выніках. Многія аспекты з-за панавання афіцыйнай метадалогіі аказаліся па-за ўвагай даследчыкаў. Акрамя таго, нягледзячы на правядзенне рэгіянальных даследаванняў, у гэты перыяд усё ж дамінавалі абагульняючыя. І нават у выпадках, калі даследаванне было праведзена выключна на аснове матэрыялаў аднаго пасялення ці калгаса, яго вынікі імкнуліся “пашырыць” на ўсе беларускія землі. Больш таго, не ўсе рэгіёны Беларусі былі аднолькава ахоплены этнаграфічным вывучэннем. І калі Палескі рэгіён быў адносна няблага прадстаўлены ў навуковых публікацыях, па Паўночная Беларусь – даволі скупа.

ЛІТАРАТУРА

1. Бандарчык В.К. Гісторыя беларускай савецкай этнаграфіі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 163 с.
2. Беларусы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння / В.К. Бандарчык і інш. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 365 с.
3. Бачыла І.Г. Айчынная этналогія другой паловы XX – пач. XXI ст. аб традыцыйнай матэрыяльнай культуры беларусаў: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.07 / ДНУ “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”. – Мінск, 2018. – 24 с.
4. Луйгас Н.Я. Гістарыяграфія праблемы сям’і беларусаў у XIX–XX стст. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / ІМЭФ НАН Беларусі. – Мінск, 2003. – 20 с.
5. Захаркевіч С. Як гартавалася сталь: Станаўленне беларускага савецкага этнолага Маісея Якаўлевіча Грынבלата // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: зб. навук. прац. – Вып. 3. – Мінск: Беларус. навука, 2016. – С. 505–518.
6. Захаркевіч С.А. Барацьба за заходнія этнаграфічныя граніцы Беларусі: дзейнасць беларускага савецкага этнографа М.Я. Грынבלата падчас Другой сусветнай вайны // Традыцыі універсітэта: ад Франціска Скорины да сучаснасці: сб. матэрыялаў Міжнарод. навуц. конф., Мінск, 26–27 окт. 2017 г. / БГУ; рэдкал.: С.Н. Ходін [і др.]. – Мінск: Изд. центр БГУ, 2017. – С. 88–97.
7. Захаркевіч С.А. «Эти собиратели народной мудрости ведут себя по-разному...»: полевые дневники этнографических экспедиций Академии наук БССР второй половины 1940-х гг. как исторический источник // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Вып. 11 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.). – Мінск: БДУ, 2016. – С. 20-31.
8. Захаркевіч С.А. Первый исследователь этнических меньшинств и межэтнических отношений в Беларуси в отечественной этнографии: Моисей Яковлевич Гринблат // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Вып. 25 / Навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2018. – С. 146–150.
9. Беларускае народнае мастацтва: Альбом / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі, Секцыя этнаграфіі і фальклора; [Складлі: І.А.Сербай, М.Я.Грынблат, Н.С.Махнач; Пад рэд. Н.М.Нікольскага]. – Мінск: Выд. Акад. навук БССР, 1951. – 103, [1] с.
10. Беларускі народны арнамент / Савет прамысловай кааперацыі БССР. – Мінск: [б. в.], 1953. – 137 л.
11. Беларуская народная архітэктурная разьба / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР; склад. Л.А. Малчанова; пад рэд. М.Я. Грынבלата; маст. С.Ц. Гунько. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1958. – 90 с.
12. Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / Отв. ред. С.А. Токарев. – М.: АН СССР, 1956. – 805 с.
13. Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов / Ред. В.К. Бандарчик, А.И. Залесский. – Минск: Наука и техника, 1968. – 231 с.
14. Гуркоў У.С. Да пытання аб развіцці сялянскіх сядзіб Віцебшчыны // Пытанні беларускай этнаграфіі, фалькларыстыкі і тапанімікі. – Мінск, 1967.
15. Елатомцева И.М. Художественная керамика Советской Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1966. – 191 с.
16. Чебоксаров Н.Н. Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих // Советская этнография. – 1950. – № 3. – С. 107-122.
17. Грынблат М.Я., Малчанова Л.А. Новыя з’явы ў быце калгаснай вёскі. Сямейны быт калгаснікаў // Беларускі этнаграфічны зборнік / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1958. – Вып. 1. – С. 67–80.
18. Залескі А.І. Аб некаторых з’явах у пасляваенным сямейным быце беларускіх калгаснікаў // Беларускі этнаграфічны зборнік / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: АН БССР, 1958. – Вып. 1. – С. 122–140.

19. Залескі А.І. Быт беларускіх сялян у партызанскім краі. – Мінск: АН БССР, 1960. – 210 с.
20. Иванов В.М. Современный быт рабочих города Минска: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / АН УССР, Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии. – Киев, 1961. – 21 с.
21. Залескі А.І., Іваноў У.М. Новыя звычаі і абрады – у наш быт. – Мінск: друкарня імя Сталіна, 1960. – 63 с.
22. Иванов В.М. Жизнь рождает новые обряды. – Минск: Беларусь, 1964. – 185 с.
23. Дулебо А.И. Современный общественный и семейный быт белорусских колхозников : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.07. – Минск, 1966. – 367 л.
24. Дулебо А.И. Изменение положения белорусской женщины-крестьянки за годы Советской власти. – Минск, 1969. – 24 с.
25. Дулеба А.І. Некаторыя рысы сучаснай сям’і і сямейнага быту // Пытанні беларускай этнаграфіі, фалькларыстыкі і тапаніміі / АН БССР, Ін-т мовазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і шш.]. – Мінск, 1967. – С. 9–19.
26. Корзун И.П. Пища и питание колхозного крестьянства Белоруссии: (историко-этнографическое исследование): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Киев, 1963. – 24 с.
27. Минько Л.И. Белорусская народная медицина и вред знахарства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1965. – 20 с.
28. Минько Л.И. Знахарство: история, сущность, причины бытования. – Минск: Наука и техника, 1971. – 120 с.
29. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Народная медыцына беларусаў Падзвіння. У 2 ч. – Ч. 1 / склад. А.У. Лобач, У.С. Філіпенка. – Наваполацк: ПДУ, 2006. – 148 с.
30. Никольский Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. – Минск: АН БССР, 1956. – 276 с.
31. Мицкевич А.М. Семейная обрядность белорусского народа (по этнографическим данным XIX – начала XX вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / АН БССР, Отделение общественных наук. – Минск, 1966. – 16 с.
32. Міцкевіч А. Абрады без папоўшчыны // Беларусь. – 1965. – № 10. – С. 9.

Паступіў 11.12.2024

ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНОЙ БЕЛАРУСИ В СЕРЕДИНЕ 1940-Х – 1960-Е ГГ.

канд. ист. наук, доц. **В.Е. ОВСЕЙЧИК**
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассмотрена история этнологического изучения Северной Беларуси в первые послевоенные десятилетия. Представлен анализ полевых этнографических исследований, проведенных в границах региона в 1945–1960-х гг. Охарактеризованы опубликованные работы, посвященные этнической культуре населения Северной Беларуси. Выделены основные направления исследований, охарактеризована их методика и теоретические основы. Раскрыта научная значимость и вклад исследований, проведенных в этот период, в изучение северного белорусского региона, дана им оценка.

Ключевые слова: этнология, Северная Беларусь, послевоенный период, полевые этнографические исследования, историография.

ETHNOLOGICAL STUDY OF NORTHERN BELARUS IN THE MID-1940s – 1960s

U. AUSEICHYK
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article considers the history of ethnological study of Northern Belarus in the first postwar decades. The analysis of field ethnographic researches carried out within the borders of the region in 1945–1960s is given. The published works devoted to the ethnic culture of the population of Northern Belarus are characterized. The main directions of research are highlighted, their methodology and theoretical foundations are characterized. The scientific significance and contribution of the researches carried out during this period to the study of the Northern Belarusian region are revealed and their evaluation is given.

Keywords: ethnology, Northern Belarus, post-war period, field ethnographic research, historiography.

УДК 39.01(=161.3)+39.01(=172)](091)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-65-74

**У ПОШУКУ «РЭШТАК ПЛЕМЯННЫХ АСАБЛІВАСЦЕЙ»:
ЭТНАГРАФІЧНАЯ ГРОДЗЕНСКА-ПОЛАЦКАЯ ЭКСПЕДЫЦЫЯ 1954 ГОДА¹**

канд. гіст. навук, дац. Ю.І. ВНУКОВІЧ

(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2037-8150>

У артыкуле разглядаецца дзейнасць этнаграфічнай экспедыцыі, якая была праведзена супрацоўнікамі Інстытута гісторыі АН БССР па маршруце Гродна – Полацк у 1954 г. Матэрыялы экспедыцыі захоўваюцца ў архіве Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы, а таксама ў аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі. Яны змяшчаюць каштоўныя звесткі аб этнічнай і рэгіянальнай ідэнтычнасці насельніцтва Паўночна-Заходняй Беларусі. Былі прааналізаваны асноўныя задачы, стратэгіі і вынікі экспедыцыі, ахарактарызаваны фонд сабраных этнаграфічных, фальклорных, мовазнаўчых і вусна-гістарычных тэкстаў.

Ключавыя словы: *палявыя даследаванні, этнаграфічная экспедыцыя, беларускае памежжа, этнічнасць, савецкая этнаграфія, фальклорны архіў, М.Я. Грынблат.*

Уводзіны. З 1953 г. Інстытут гісторыі АН БССР пачаў праводзіць працяглыя маршрутныя этнаграфічныя экспедыцыі, звязаныя з навуковай распрацоўкай комплекснай праблемы «Паходжанне беларускай народнасці». Адказным кіраўніком выканання гэтага дзяржаўнага задання быў Маісей Якаўлевіч Грынблат (1905–1983) – беларускі савецкі этнограф і фалькларыст, які пакінуў багатую навуковую спадчыну: напісаў першую спецыяльную манаграфію па этнічнай гісторыі і паходжанні беларусаў, выдаў дзясяткі грунтоўных артыкулаў у навуковых зборніках і раздзелаў у калектыўных манаграфіях; удзельнічаў у шматлікіх палявых экспедыцыях, дзе занатоўваў узоры беларускага маўлення і фальклору, рабіў этнаграфічныя апісанні, гуказапісы, фотаздымкі і замалёўкі [41, с. 505–506]. Сваю кандыдацкую дысертацыю па тэме «Да пытання пра заходнюю этнаграфічную мяжу беларусаў» М.Я. Грынблат абараніў у Інстытуце этнаграфіі ў Маскве ў сакавіку 1945 г. на закрытым пасяджэнні, дзе таксама адбылася абарона яшчэ адной кандыдацкай дысертацыі вядомага тэрэтыка савецкай этнаграфіі – П.І. Кушнера² [9, с. 46, 151]. У пасляваенныя гады М.Я. Грынблат услед за сваім знакамітым калегай, з якім яны актыўна працавалі разам над выкананнем дзяржаўнага навуковага задання па вызначэнні этнічнага складу насельніцтва Усходняй Еўропы, адным з першых у Беларусі стаў актыўна займацца «памежнымі даследаваннямі» (або, як цяпер прынята казаць, *border studies*), каб больш дакладна высветліць этнічныя межы беларусаў і суседніх народаў. З 1953 па 1956 г. у выніку «Брэсцка-Гродзенскай», «Гродзенска-Полацкай», «Віцебска-Магілёўскай» і «Мінска-Гомельскай» этнаграфічных экспедыцый комплексна былі даследаваны, найперш, памежныя з суседнімі краінамі раёны Беларусі, што было прадиктавана неабходнасцю ўдакладнення і абгрунтавання этнаграфічных межаў беларусаў³ (малюнак 1).

Асноўная частка. Адна з найбуйнейшых этнаграфічных экспедыцый па вывучэнні паўночна-заходняга памежжа Беларусі адбылася летам 1954 г. У яе склад увайшлі старшыя навуковыя супрацоўнікі сектара этнаграфіі Інстытута гісторыі М.Я. Грынблат (кіраўнік экспедыцыі) і Л.А. Малчанава, мастак-этнограф С.Ц. Гунько, студэнт БДУ Г.С. Цвяткоў і А.К. Клышка (малюнк 2–3). Экспедыцыя атрымала назву «Гродзенска-Полацкай», паколькі яе маршрут праходзіў ад Гродна да Полацка⁴ – праз тагачасныя Гродзенскі, Свідзельскі, Васілішкаўскі, Радунскі і Воранаўскі раёны Гродзенскай вобласці, Ашмянскі, Астравецкі, Свірскі, Мядзельскі, Пастаўскі, Відзаўскі, Браслаўскі, Мёрскі і Дзісенскі раёны на той час Маладзечанскай вобласці, Дрысенскі, Асвейскі,

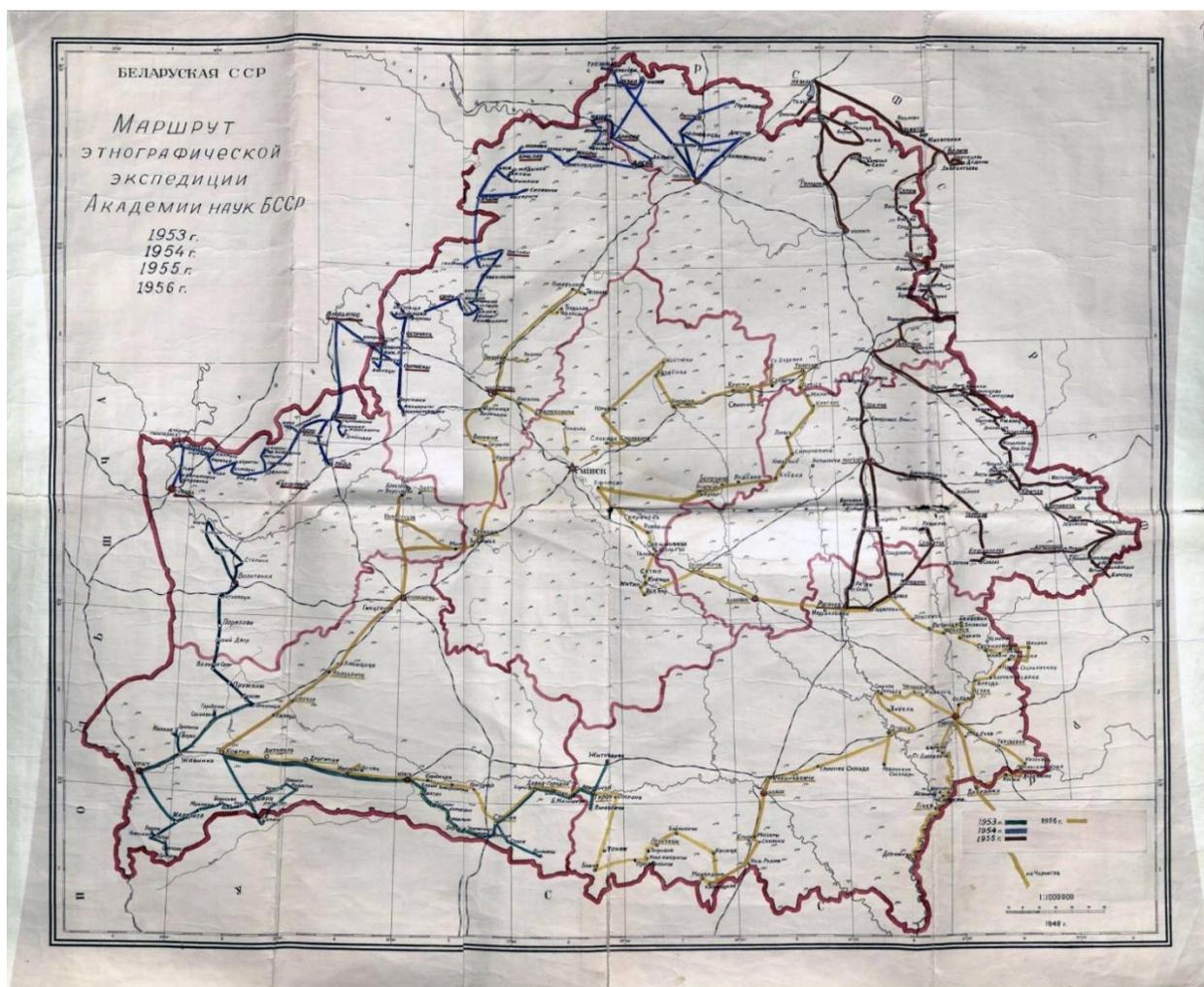
¹ Публікацыя падрыхтавана ў рамках выканання праекта БРФФД «Фальклорны архіў як інструмент вывучэння і захавання этнічнай ідэнтычнасці і памяці беларусаў» (дагавор № Г23ИП-033 ад 02.05.2023 г.).

² П.І. Кушнер быў адным з першых, хто ўзняў у савецкай этнаграфіі праблему пошуку «этнічных вызначальнікаў», на падставе якіх можна было б сцвярджаць пра прыналежнасць той або іншай групы людзей да пэўнай этнічнай супольнасці. Асаблівую ролю ў іх высвятленні на памежных тэрыторыях ён надаваў метадам палявой этнаграфічнай работы, падчас якой комплексна даследаваліся этнічная самасвядомасць, асаблівасці мовы, формы паселішч і жылля, прылады працы, традыцыі харчавання, адзенне, упрыгожванні, абраднасць, музычная культура і інш. Яго праца «Этнаграфічныя тэрыторыі і этнічныя межы» [42] мела вялікае тэрэтыка-метадалагічнае значэнне і аказала непасрэдны ўплыў на далейшую распрацоўку тэорыі этнасу, якой займаліся такія савецкія вучоныя, як С.А. Токараў, Ю.В. Брамлей, М.М. Чэбаксараў, В.І. Казлоў і інш. [37, с. 259–262].

³ Як адзначаў М.Я. Грынблат, «адным з найважнейшых вынікаў экспедыцыі 1953 г., якая абследавала паўднёвы захад і поўдзень Беларусі, стала пацвярджэнне агульнасці культуры і мовы насельніцтва гэтай часткі Беларусі з культурай і мовай насельніцтва астатняй тэрыторыі рэспублікі», чым абвяргаліся «памылковыя ўяўленні акад. Я.Ф. Карскага, якія выкарыстоўвалі ўкраінскія буржуазныя нацыяналісты, пра тое, што паўднёвыя часткі Гродзенскай і Мінскай губерняў нібыта населеныя ўкраінцамі або асобнай народнасцю – палешукамі-пінчукамі» [40, с. 123].

⁴ Першапачаткова планавалася, што экспедыцыя зойме не 60, а 90 дзён і завершыцца яна аж ў Магілёўскай вобласці, але дрэзак ад Віцебска да Магілёва было вырашана даследаваць у наступным 1955 годзе.

Расонскі, Полацкі раёны Віцебскай вобласці⁵. На працягу двух месяцаў – з 11 чэрвеня па 11 жніўня – экспедыцыйная група пераадолела маршрут каля 1500 кіламетраў (з якіх больш за 130 км прайшла пешшу) і ўсяго абследавала 77 населеных пунктаў⁶ [4, арк. 8]. Апрача этнаграфічных, фальклорных, вусна-гістарычных і мовазнаўчых запісаў (якія склалі больш за 25 друкаваных аркушаў тэкста), быў сабраны вялікі ілюстрацыйны матэрыял (больш 800 фота, этнаграфічных замалёвак і планаў), выяўлены шэраг рэчавых і археалагічных помнікаў і гістарычных дакументаў [40, с. 124, 126]. Матэрыялы экспедыцыі захоўваюцца ў архіве Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы⁷ [10–37], а таксама ў аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі⁸ [4–8]. Яны змяшчаюць каштоўныя звесткі аб этнічнай і рэгіянальнай ідэнтычнасці насельніцтва Паўночна-Заходняй Беларусі.

Малюнак 1. – Карта-схема маршрута этнаграфічных экспедыцый АН БССР 1953, 1954, 1955 і 1956 гг.
Крыніца: [6].

⁵ Апрача таго, экспедыцыя абследавала вёску Цеплішы Дагдэнскага раёна Латвійскай ССР і «некалькі разоў пераязджала праз асобныя раёны літоўскай тэрыторыі» [4, арк. 8].

⁶ «Не ўлічваючы абласных і раённых цэнтраў», былі абследаваны наступныя населеныя пункты: у Гродзенскім раёне – в. Гожа, Барбарычы, Цідовічы, хут. Прорва, вв. Прывалка, Дуброва, Свентаянск, г.п. Парэчча, в. Салацце, у Свідзельскім – в. Бершты, у Васілішкаўскім – вв. Новы Двор, Куляўцы, Матылі, Гайкоўцы, Скарбы, Вензаўшчына, г.п. Сабакінцы, у Радунскім – вв. Нача, Некрашунцы, хут. Бальцокевіч, вв. Жырмуны, Скарводы, у Воранаўскім – вв. Германішкі, Пажыжма, Дайноўка, Маркаўшчына, у Ашмянскім – вв. Доргішкі, Маркінята, Міхайлоўшчына, Казлоўшчына, Каменны Лог, Цудзенішкі, Кімяны, Ганева, хут. Мураўёўка, вв. Янканцы, Мальнішкі, у Астравецкім – вв. Быстрыца, Валэйкішкі, у Свірскім – вв. Сырмеж, Сяляткі, Буйкі, Каракулічы, Носавічы, Памошша II, Балашы, Сцепанёва, у Пастаўскім – вв. Камаі, Гвоздавічы, Ёдаўцы, хут. Падкамай, у Відзаўскім – вв. Сіпавічы, Ашкарагі, у Браслаўскім – вв. Муражы, Опса, Дамашы, Рымашы, Мядынкі Дамашоўскія, у Мёрскім – Лінкоўшчына, Лявонпаль, Мальцы, Зайцава, Кавалькі, Даўгінава, Басяняы, у Дрысенскім – пас. Луначарскі, в. Шатрова, пас. Бары, у Асвейскім – вв. Канчанне, Савейкі, Дубрава, Нарушова, у Расонскім – вв. Гарабачэва, Галоўчыцы, Янкавічы, Гараўцы, у Полацкім – в. Казімірова [1, арк. 21–22; 4, арк. 1–7].

⁷ Фонд экспедыцыі налічвае больш за 30 архіўных спраў.

⁸ У ім зберагаюцца чарнавыя экспедыцыйныя і справаздачныя матэрыялы М.Я. Грынבלата.

Малюнак 2. – Уздзельнікі экспедыцыі (злева направа) Г.С. Цвяткоў, А.К. Клышка, Л.А. Малчанавы і С.Ц. Гунько перапраўляюцца на пароме праз р. Заходнюю Дзвіну ў Мёрскім раёне. Фота М.Я. Грынבלата
Крыніца: АІМЭФ. Нег. № 2981.

Малюнак 3. – Уздзельнікі экспедыцыі Л.А. Малчанавы і С.Ц. Гунько ў в. Янкваічы Расонскага раёна. Фота М.Я. Грынבלата
Крыніца: АІМЭФ. Нег. № 2991.

Галоўныя задачы, якія ставіліся перад удзельнікамі экспедыцыі 1954 г., уключалі ў сябе «збор матэрыялаў <...> па матэрыяльнай культуры беларускай народнасці – землеробчыя прадметы працы, жыллё і гаспадарчыя пабудовы, ежа; па асаблівасцях духоўнай культуры – звычаі і абрады, народная творчасць, арнамент; моўныя назіранні; выяўленне рэштак племянных асаблівасцей у побыце, творчасці і мове для ўдакладнення меж рассялення дрыгавічоў, крывічоў і радзімічаў»⁹ [5, арк. 10]. Апрача таго, адначасова планавалася «фіксаваць новыя з’явы ў калгасным побыце» [Тамсама].

Вопытны «папявік» М.Я. Грынблат, для якога гэта была ні многа, ні мала ўжо дваццаць першая навуковая экспедыцыя, пачынаючы з 1926 г. [3, арк. 1–2], справядліва лічыў, што менавіта этнаграфічныя экспедыцыі «даюць у рукі даследчыка этнагенеза народнасці каштоўны матэрыял, які дапамагае вырашыць шэраг прыватных і агульных пытанняў этнічнай гісторыі народа» [40, с. 123]. Як ён пісаў: «Вопыт працы над тэмай “Паходжанне беларускай народнасці” пераканаў у важнасці прыцягнення канкрэтнага этнаграфічнага матэрыяла, без выкарыстання якога любая этнагенетычная пабудова застанеца і надалей недастаткова абгрунтаванай» [40, с. 126]. Менавіта збор такіх этнаграфічных фактаў, на падставе якіх можна было б ажыццявіць як мага больш поўную рэканструкцыю этнічнай гісторыі памежнага рэгіёна, і стаў асноўнай мэтай гродзенска-полацкай экспедыцыі.

Матэрыял збіраўся, галоўным чынам, «шляхам апытання старажылаў, асабістых назіранняў і “росшукаў” ужо зніклых з бытавання прадметаў матэрыяльнай культуры і прадметаў вытворчасці, гістарычных дакументаў і краязнаўчай літаратуры». Тэматычна і функцыянальна абавязкі паміж членамі экспедыцыйнай групы былі размеркаваны наступным чынам: кіраўнік М.Я. Грынблат адказваў за такія пытанні, як «этнічная гісторыя паселішча і этнічная мяжа, абрады і звычаі, моўныя з’явы, а таксама фатаграфаванне», у сферу адказнасці Л.А. Малчанавай траплялі «паселішчы, жыллё і гаспадарчыя пабудовы, земляробства, адзенне», мастак С.Ц. Гунько павінен быў рабіць «этнаграфічныя замалёўкі і планы», а студэнты БДУ Г.С. Цвяткоў і А.К. Клышка¹⁰ мусілі займацца «зборам матэрыялаў па ежы, жыллю і народнай творчасці» [1, арк. 26].

Рухаючыся па загадзя спланаваным маршруце з паўднёвага захаду на паўночны ўсход уздоўж мяжы Беларусі з Літвой і Латвіяй, удзельнікі этнаграфічнай экспедыцыі карпатліва фіксавалі лакальна-рэгіянальныя асаблівасці ў мове, самасвядомасці, фальклору, матэрыяльнай і духоўнай культуры мясцовых жыхароў.

Пошук архаічных з’яў матэрыяльнай культуры, вывучэнне якіх было ледзь не цэнтральнай тэмай савецкай этнаграфіі, заснаванай на прынцыпах эвалюцыянісцкай тэорыі, у беларускім выпадку зводзіўся да выяўлення ў сельскай мясцовасці набору артэфактаў у выглядзе “курных хат”, “земляных падлог”, “светачаў” і інш. Так, ужо ў першыя дні экспедыцыі ў Гродзенскім раёне ў в. Барбарычы М.Я. Грынблат пазначае ў сваім дзёніку: «У матэрыяльным быццё захавалася многа старажытнага. У прыватнасці, у Антона Міхайлавіча Трэмбовіча, 74 г., былога матроса “Расціслава”, захаваўся невялікі, нізенькі столік, за якім абедалі ў курнай хаце. Па краях стала прыкметны ямки, якія ўтварыліся ад расцірання па сталае буйной солі» [17, арк. 24]. Л.А. Малчанова на суседнім хутары Прорва таксама фіксуе адпаведную інфармацыю: «По расказу 97-летнего старика Антона Владиславовича Прэпэсть здесь были курные хаты. Печи делали без комина. Дым выходил в дверь и через отверстие, которое просекалось около двери в сени. После того, как дым сойдет, дыру затыкали мешком. Окна были маленькие. В дер. Лестница в 2 км. от Гожи до недавнего времени была курная хата. Освещалась лучиной, для чего было специальное приспособление, которое называлось “дед”» [10, арк. 38–39]. Апрача тэкставых апісанняў такога кшталту, мастак С.Ц. Гунько робіць дэталёвыя замалёўкі інтэр’ера курных хат, выяўленых на хут. Нача і в. Скарводы Радунскага раёна [31, арк. 24, 25, 29]. І нават у апошні дзень экспедыцыі ў в. Казімірова Полацкага раёна¹¹ ў час апытання найстарэйшага мясцовага жыхара Сцепашчанкі Савеля Лаўрэнавіча 1867 года нараджэння М.Я. Грынблат адмыслова акцэнтую, што той яшчэ «гадаваўся ў курнай хаце» і памятае, як «наместо коміна ставілі дзерэвяныя дуплянікі» [29, арк. 29].

У цэлым паўночна-заходняе беларускае памежжа, дзе ў 1950-я гг. сустракаліся вёскі, у якіх «значная частка сялянскіх гаспадарак яшчэ не ўступіла ў калгас» [17, арк. 8] і назіралася «высокая рэлігійнасць»¹² мясцовых жыхароў [17, арк. 13], уяўляла сабой даволі цікавы рэгіён для этнаграфічна-даследчыкаў элементаў традыцыйнай культуры

⁹ Удакладнялася, што калі ў 1953 г. этнаграфічная экспедыцыя ахапіла «тэрыторыю меркаванага стыку дрыгавічоў з валынянамі і драўлянамі», то ў 1954 г. яна планавала «прасачыць на падставе этнаграфічных назіранняў паўночныя рубяжы рассялення дрыгавічоў і іх стык з крывічанамі-палачанамі» [40, с. 123–124].

¹⁰ Будучы аўтар легендарнага «Буквара» зрабіў у экспедыцыйны шэраг каштоўныя запісаў, пакінуўшы пра сябе яшчэ і добрую памяць як пра збіральніка беларускага фальклору [34–36].

¹¹ Ад мясцовага жыхара М.Я. Грынблат тут таксама фіксуе чатыры этапы частавання цесляроў у працэсе будаўніцтва хаты: «1. Закладзіны, як тры венца палажыў; 2. Страпільнае; 3. Як самшаць, вянок павешаюць, штоб весела яму было жыць у хаце; 4. Вясеўкі, як улёзе у хату, улазіны» [29, арк. 26–27].

¹² Так, прыбыўшы ў в. Гожа Гродзенскага раёна 13 чэрвеня, М.Я. Грынблат сведчыць: «У вёсцы ёсць касцёл і ксёндз. У дзень нашага прыбыцця ў Гожу святкавалі „dzień Antoniego świętego”. Касцёл быў перапоўнены. Пасля імшы адбылася працэсія, у якой удзельнічалі маладыя дзяўчыны, усе ў белых даўгіх (да пяці) плацях. Плацці гэтыя шыюцца спецыяльна для касцёла. Пасля выхаду замуж жанчына ўжо не ўдзельнічае ў працэсіях, а таму сваё даўгое белае плацце падразае і носіць звычайна ў свята. У хатах многа абразоў, а таксама металёвыя крыжы з распяццем, розныя рэлігійныя малюнкі, пацеры, кантычкі і г.д. Ніякай навукова-атэістычнай прапаганды не вядзецца» [17, арк. 13–14]. У в. Прывалкі гэтага ж раёна робіць такі запіс: «На ўсіх канцах вуліц пастаўлены высокія драўляныя крыжы. Такія-ж крыжы сустракаюцца і перад хатамі, асабліва там, дзе хто-небудзь з сям’і загінуў у часе вайны. На такіх крыжах часта дошчачка з надпісам: “Od powietrza, głodu, ognia i wojny zbawi nas, Panie”» [17, арк. 45–46].

даіндустрыйнага грамадства¹³ (што былі акрэслены М.Я. Грынблатам як «пережиточные явления в условиях западных областей, сохранявшиеся до недавнего времени или сохраняющиеся еще в силу традиции» [40, с. 124]).

Асаблівая ўвага ў часе экспедыцыі надавалася апісанню традыцыйнай ворнай прылады мінулага – сахі¹⁴, якую М.Я. Грынблат разглядаў у якасці «вядомай падставы для вызначэння паўночна-ўсходняй мяжы рассялення дрыгавічоў і паўднёва-заходняй мяжы рассялення крывічоў-палачан» [40, с. 125] (малюнак 4). Калі «палеская» (або «літоўская») двузубая саха для парнай валавой вупражы характарызувалася ім як своеасаблівы маркер дрыгавіцкай тэрыторыі, то адзнакай тэрыторыі крывічоў выступала больш лёгкая «фруская» саха з перакідной паліцай для конскай вупражы [38, с. 214–217]. У выніку палявых даследаванняў 1954 г. былі ўсталяваны паўночны і паўночна-ўсходнія рубяжы пашырэння сахі «палескага» тыпу, якія дасягалі на поўначы сучасных межаў Літвы, а на паўночным усходзе – сярэдзіны Астравецкага раёна. Далей на паўночны ўсход была выяўлена паласа пераходнага тыпу сахі (у межах Свірскага і Пастаўскага раёнаў), а затым, пачынаючы з Відзаўскага раёна, пачыналася паласа другога тыпу сахі, характэрнай для тэрыторыі колішняга рассялення крывічоў¹⁵ [40, с. 125].

Малюнак 4. – Саха для абворвання бульбы ў в. Казімірова Полацкага раёна. Фота М.Я. Грынблата
Крыніца: АІМЭФ. Нег. № 2992.

¹³ Вось як, напрыклад, М.Я. Грынблат апісваў побытавую карціну, пабачаную ім у в. Куляўцы Васілішкаўскага раёна: «Звяртае на сябе ўвагу наяўнасць вялікай колькасці старадаўняга хатняга начыння – драўлянага і плеценага з саломы. У некаторых хатах ім літаральна застаўлены сены, якія ўяўляюць сабой своеасаблівы музей старажытнасцей» [18, арк. 52].

¹⁴ У часе экспедыцыі М.Я. Грынблат зрабіў дзясяткі фотаздымкаў [7, арк. 8–32], а мастак С.Ц. Гунько дэталізаваных малюнкаў выяўленых сох і іх асобных элементаў [30, арк. 4, 5, 6, 12, 19, 32, 33, 34, 39; 31, арк. 7, 8, 10, 11, 21, 30; 32, арк. 3, 7, 16, 18, 20, 30, 32, 36, 37; 33, арк. 11, 13, 27, 28, 39].

¹⁵ Этнаграфічным вывучэннем таксама было ўсталявана, што таму ці іншаму тыпу сахі адпавядаў пэўны тып бараны: палескай сасе – драўляная плеценая барана на 25 зубоў, перакладной сасе – драўляная барана з «пярэчка», у якія ўбіваліся 20–40 драўляных зубоў.

Як М.Я. Грынблат паведамляў у публікацыі, што з’явілася па выніках экспедыцыі: «Каштоўнымі дадатковымі дадзенымі для вывучэння этнічнай гісторыі беларусаў, для ўдакладнення міжплемянных меж з’явіцца таксама сабраныя экспедыцыяй матэрыялы аб абласных асаблівасцях ў тыпах паселішч, жылля, гаспадарчых пабудоў, адзення, у ежы, а таксама ў звычаях і абрадах (у прыватнасці, купальскім і валачобным), у народнай тэрміналогіі» [40, с. 125] (малюнак 5).

Малюнак 5. – “Рэды” або воз для сена ў в. Сіпавічы Відзаўскага раёна. Фота М.Я. Грынблата
Крыніца: АІМЭФ. Нег. № 2972.

Яшчэ больш выразна акрэсліць межы рассялення старажытных дрыгавічоў і крывічоў дапамагалі моўныя назіранні¹⁶. Да лінгвістычных прыкмет, што ўказвалі на тэрыторыю рассялення дрыгавічоў, М.Я. Грынблат адносіў распаўсюджанне ў мове мясцовых жыхароў «сакання, дыфтонгаў **іе**, **юо**, **ьіэ**, **юо**, захаванне этымалагічнага **о** ў некаторых безнаціскных складах, форм назоўнікаў множнага ліку на **э**, **е** (*валэ, кавалэ*), форм будучага часу дзеясловаў з дапаможным дзеясловам **іму**: *іцімем, спаць-муць* і інш.» Экспедыцыя зафіксавала гэтыя асаблівасці на поўначы і далёка на паўночным усходзе ад Гродна, аж да Радунскага раёна, гэта значыць да паўночна-ўсходніх межаў былой Гродзенскай губерні і паўночна-заходняй часткі Лідскага павета Віленскай губерні¹⁷. Далей на паўночны ўсход па лініі Радунь – Воранава – Ашмяны – Астравец ішла паласа пераходных ад паўднёва-заходняй групы беларускіх гаворак да паўночна-ўсходняй, у якой, аднак, пераважалі рысы, уласцівыя цэнтральным гаворкам. Пачынаючы са Свірскага раёна, М.Я. Грынблат ужо фіксаваў «дыялектныя асаблівасці, характэрныя для паўночна-ўсходніх гаворак і распаўсюджаныя на ўсёй крывіцкай тэрыторыі, – перадусім канчатак **ць** у формах трэцяй асобы адзіночнага ліку дзеясловаў I і II спражэнняў: *прыйдзець, ёдзець, даець, пускііць, косіць*; з’явы дысімілятыўнага акання і якання і інш.» [40, с. 124].

¹⁶ Увагу, якую ў сваіх экспедыцыях этнограф М.Я. Грынблат надаваў апісанню дыялектных асаблівасцей беларускай мовы, можна лічыць выключнай. Гістарычныя, этнаграфічныя і фальклорныя нарратывы, максімальна дакладна і старанна запісаныя ім з вуснаў інфармантаў, складаюць велізарны корпус тэкстаў, што сёння павінен разглядацца як унікальная крыніца па вывучэнні гаворак беларускай мовы.

¹⁷ «Крайнім паўночна-ўсходнім пунктам, да якога даходзіць такая асаблівасць паўднёвай або палескай гаворкі, як саканне», М.Я. Грынблат вызначыў вёску Бершты.

Што тычыцца этнічнай (або нацыянальнай) самасвядомасці¹⁸, то ў пераважна каталіцкіх раёнах Паўночна-Заходняй Беларусі¹⁹ ўдзельнікі экспедыцыі 1954 г. сустрэлі сялян, якія, як адзначаў М.Я. Грынблат, «пра ўнію нічога не ведаюць» і «назваюць сябе “палякамі”, блытаючы сваё веравызнанне (“польскую” веру) з нацыянальнасцю» [13, арк.4–6; 14, арк. 5, 32; 15, арк. 16; 16, арк. 19–20; 17, арк. 10–11, 23, 27, 40–41, 52; 19, арк. 13, 31]. Праблема этнічнай ідэнтыфікацыі насельніцтва ў такім выпадку вырашалася М.Я. Грынблатам пры дапамозе мовы як галоўнага этнічнага вызначальніка.

Варта адзначыць, што М.Я. Грынблат быў адным з нямногіх беларускіх этнографіў свайго часу, які не толькі старанна апісваў характэрныя (у тым ліку фанетычныя) рысы народных гаворак, але таксама звяртаў увагу на мову як на галоўную сацыяльна-рэlevantную прыкмету, паводле якой мясцовыя жыхары адрознівалі сябе ад іншых. Так, наконт моўных адрозненняў паміж жыхарамі гістарычнай Гродзеншчыны і Віленшчыны ён пісаў: «Характэрна, што з пераходам з тэрыторыі былой Гродзенскай губерні на тэрыторыю былой Віленскай губерні адразу адчуваюцца змены ў гаворцы. Актыўнае знікненне саканья. Тут ужо “сякаюць”. Але чуваць яшчэ дыфтонгі: *ю́, іе́, ы́э*. <...> Само насельніцтва заўважае розніцу паміж “гродзенскай мовай” і гаворкай былой Віленшчыны. Іпаліт Паўлавіч Свёкла, 70 год, цяляр з в. Ліхачы, кажа: “Гродзенская мова на *э*, а пад Маладзёчна на *і*. У ніх *дзяўкі́*, а ў нас *дзяўкэ́*. Сьмяюцца з нас: *гродзенскія зайцэ́*» [18, арк. 10, 51].

М.Я. Грынблат не цураўся запісаць у экспедыцыях насмешлівыя калектыўныя мянушкі, заснаваныя на прыкметах гукапераймання і перадачы незразумелых слоў. Напрыклад, у Воранаўскім раёне ў 1954 г. ён робіць такі запіс: «Смяюцца з гаворкі насельніцтва за Тракелямі (паўночнай часткі суседняга Лідскага раёна), у прыватнасці в. Мігуны. Там, гавораць, такія “язавікі” жывуць, “просты народ”, кажуць: *прышчшы, ушчшы*. (? Відаць, прышоўшы, ушоўшы, – форма, уласцівая паўночна-усходняй групе гаворак). Там кажуць таксама: *жэнь!* – гані, *дзяруга* – а не поцілка. Там зусім “інакша гавэнда, брыдкава, – езавікі” (з п[ункту] погл[яду] шляхты). “Яны шчытаюць, нібы яны чыстыя беларусі, а ў нас ні тое, ні сёе”. У Мігунах, у сваю чаргу, не “прызнаюць” слова “патэльня”, як гавораць тут, а кажуць – *скаварада́*» [13, арк. 23].

Каштоўнымі з’яўляюцца запісы, зробленыя М.Я. Грынблатам у часе экспедыцыі 1954 г., у якіх засведчаны лакальныя этнанімічныя назвы суседніх літоўцаў (напрыклад, мікраэтнонім заходнебалцкага паходжання «барцякі» ў Радунскім раёне: «Барцякі-літоўцы, што жывуць у Осаўскім с/с, завуць іх [беларусаў] гуды» [13, арк. 6]; «Барцякі гавораць па-літоўску і па-нашаму ўмеюць» [13, арк. 7] і інш.). У Ашмянскім і Астравецкім раёнах была распаўсюджана назва «гергуны», «гіргуны»: «Насельніцтва – беларусы-католікі. Літоўцы завуць іх чагакі (ад “чаго”), а яны літоўцаў – гергуны (“гергечуць” на незразумелай мове)» [14, арк. 13]; «[Літоўцаў называюць] гіргуны, ліцьвіны; за Гервятамі ўсё сакі і сакі [літ. *sakuti* “казаць”. – Ю.В.] [14, арк. 43]. Літоўцы сваіх суседзяў беларусаў, у сваю чаргу, называлі «гудамі», «гудасамі», аб чым М.Я. Грынблат таксама зрабіў запісы ў вёсках Салаце Гродзенскага («Насельніцтва – беларусы-католікі. Суседнія літоўцы завуць іх *gudas*, гуды. “Занямонскія ліцьвіны” называюць літоўцаў, што жывуць на правым баку Нёмана, таксама *gudas*» [18, арк. 6]), Скарбы Васілішкаўскага («Насельніцтва – беларусы, праваслаўныя. Суседнія літоўцы (да граніцы з Літвой – 3 км) завуць іх гудасы, а яны літоўцаў – жмогусы» [19, арк. 17]) і Гваздовічы Пастаўскага («[Літоўцы] нас называюць гудасы, гудай, што па-простаму гаворым» [15, арк. 42]) раёнаў.

У часе экспедыцыі 1954 г. М.Я. Грынблат фіксаваў не толькі паселішчы літоўцаў (у тым ліку моцна асіміляваных) на тэрыторыі Беларусі (у Гродзенскім [17, арк. 41, 53], Радунскім [13, арк. 6–7; 19, арк. 32–33, 41], Ашмянскім [13, арк. 39], Астравецкім [14, арк. 14, 28], Відзаўскім [15, арк. 51] і Браслаўскім [16, арк. 15, 19, 23, 27] раёнах), але і паселішчы беларусаў па той бок мяжы на тэрыторыі Літвы. Так, у вв. Малынішкі і Кімяны Ашмянскага раёна ён робіць адпаведныя запісы: «Насельніцтва – беларусы-католікі. Літоўцаў (“ліцьвякоў”) няма, “у вочы не бачылі іх”. Такое ж беларускае насельніцтва, у асноўным каталіцкае, і па літоўскай старане, у вв. Дайнава, Падваранцы, Макішкі, Гарабурдзішкі, Кейпуны, Скуі, Побень, Бяна, Курганы, Жэмлы, Жэмайтэлі, Ваўкачулі, Баяры і ў інш., “аж да Вільні”; «На тэрыторыі Літвы, у бліжэйшых вёсках Віньдзіюны, Барванішкі, Суднікі, як сцвярджаюць мясцовыя людзі, “німа жадных там літвіноў, такіе самыя беларусі”. І так “аж да самай Вільні адна гаворка... Там іх захаціла граніца туды. І за Вільнай. І ў Вільні па-просту гавораць, па-беларуску» [14, арк. 7, 14]. У суседнім Астравецкім раёне ён занатоўвае: «У Літве, у бліжэйшых вёсках жывуць тыя-ж беларусы-католікі. Гэта вв. Лаварышкі, Слабада, Язова, Сэргаўшчызна, Адамчукі, Фэрмы, Благавешчызна, Аколіца, аж да Вільня, а за Вільняй ужо большая частка ліцьвіней. Чыстыя літоўцы – дзесяць, пятнаццаць кіламетраў за Вільняй – Ёўля, Жэсьлі, і далей пад Коўна. [У бліжэйшай вёсцы Буйвідзі, у Літве], па-беларуску ўжо не панімаюць. <...> У Малятах старэйшыя літвіны нічога не разумеюць ні па-польску, ні па-беларуску» [14, арк. 42–43]. У в. Гваздовічы Пастаўскага раёна М.Я. Грынблат адносна тэрыторыі распаўсюджання літоўскай мовы адзначае, што яна

¹⁸ Гэты тэрмін быў уведзены ў паняццёвы апарат савецкай этнаграфіі П.І. Кушнерам.

¹⁹ Хоць М.Я. Грынблат і сцвярджаў, што «важным вынікам экспедыцыйнага абследавання, якое праводзілася ў 1954 г. у асноўным сярод беларусаў каталіцкай веры, з’явілася пацверджанне таго факта, што навізаная частка беларускага народа каталіцкая рэлігія не ўнесла заўважных змен ў культуру і побыт беларускага сялянства, якія засталіся адзінымі для ўсіх беларусаў, незалежна ад веравызнання» [40, с. 125], у палявых сшытках ён сістэматычна фіксаваў культурныя адрозненні паміж праваслаўнымі і каталікамі. Напрыклад, ён адзначаў, што ў інтэр’еры жылля апошніх «рушнікоў, як аздобы кута, няма» [13, арк. 9; 15, арк. 9, 16; 17, арк. 44; 18, арк. 11; 19, арк. 44 і інш.], а ў праваслаўных «калі прыдзеш у хату і німа рушнікоў, так саўсём нічога ня варты» [15, арк. 24].

«пачынаецца з Гадучэўшчыны (з бліжэйшай вёскі па літоўскай старане, Гадучцішкі, 12 км., па дарозе на Відзы)» і з вуснаў мясцовага жыхара Лоўкіса Андрэя Францавіча (1884 г. нараджэння) запісвае: «За Гадучцішкі гавораць па-літоўскі, хаця і панімаюць па-нашаму... <...> І ў Сьвеньцянах і далей пашла ўжо Літва чыстая, самастаяцельныя ліцьвіны» [15, арк. 42].

Значную ўвагу пры вывучэнні этнічнай гісторыі беларуска-літоўскага памежжа М.Я. Грынблат надаваў дакументаванню онімаў (назваў населеных пунктаў, рэк, азёр, балот, урочышч, а таксама прозвішч і мянушак людзей) як своеасаблівых сведчанняў балцкай або славянскай прысутнасці на гэтай тэрыторыі ў мінулым. Так, у Пастаўскім раёне ён не толькі запісвае асобныя назвы населеных пунктаў, але і робіць адпаведныя падлікі: «65 літоўскіх назваў у заходняй палове раёна, якая прымыкае да Літвы. У усх[одняй] частцы літоўск[іх] назваў амаль няма. Славянскіх назваў – 165. У суседнім (з паўднёвага ўсходу) раёне Мядзельскім літоўскіх назваў вёсак ужо зусім няма» [15, арк. 30–31]. Далей лічыць у Відзаўскім раёне: «Літоўскіх назваў – 71, славянскіх – 73, з іх 36 ва ўсходняй частцы раёна, а літоўскіх тут толькі 10. Такім чынам, асноўная маса літоўскіх назваў вёсак (61 з 71) – у заходняй палове раёна, якая прымыкае да Літвы» [15, арк. 47]. У Браслаўскім раёне, дзе ўжо сканчалася «этнічная граніца беларусаў з літоўцамі» і пачыналася суседства «з латышамі-латгальцамі», М.Я. Грынблат налічыў «літоўскіх назваў – 70, пераважна ў заходняй частцы раёна, якая прымыкае да Літвы і Латвіі. Славянскіх назваў – 149, прычым ва ўсходняй частцы раёна амаль выключна славянскія назвы» [16, арк. 12].

Апрача беларусаў і літоўцаў, у часе экспедыцыі 1954 г. М.Я. Грынблат апісваў і прадстаўнікоў іншых этнічных груп (напрыклад, татар у вв. Крушняны Гродзенскага [17, арк. 19], Кемейшы і Некрашунцы Радунскага [19, арк. 33, 45–53], Пажыжма Воранаўскага [13, арк. 16, 19–21] раёнаў, згадвае іх таксама ў Відзах [15, арк. 49]). Пачынаючы са Стульгаўскага сельсавета Ашмянскага раёна [13, арк. 39], ён таксама пачынае адзначаць паселішчы рускіх старавераў (у Астравецкім [14, арк. 44], Свірскім [15, арк. 5–6], Пастаўскім [15, арк. 39], Відзаўскім [15, арк. 49, 51], Мёрскім [16, арк. 33, 35, 36; 26, арк. 18–20] раёнах).

У экспедыцыі 1954 г. М.Я. Грынблат зрабіў таксама шэраг цікавых вусна-гістарычных запісаў, звязаных з канфесійным мінулым беларуска-літоўскага памежжа²⁰ (напрыклад, на тэрыторыі Ашмянскага і Астравецкага раёнаў ён занатаваў некалькі расказаў «аб гвалтоўным абарачэнні католікаў у праваслаўных пасля падаўлення паўстання 1863 г.» [14, арк. 18–19, 26–28, 33–36]), апісаў разнастайныя факты міжэтнічнага і міжканфесійнага ўзаемадзеяння мясцовых жыхароў [15, арк. 16; 19, арк. 49–50].

У цэлым каштоўнасць рознапланавых запісаў, зробленых М.Я. Грынблатам па комплекснай метадыцы этнаграфічнага апісання, вызначаецца як высокай ступенню дакладнасці і аўтэнтычнасці²¹, так і шырынёй закранутых і ўзнятых у часе экспедыцыі тэм. Спрабуючы высветліць арэалы тых або іншых этнаграфічных з’яў, ён падрабязна фіксаваў іх праявы на працягу ўсяго маршрута экспедыцыі. Пры гэтым М.Я. Грынблат выдатна разумее, што «вывучэнне любой этнаграфічнай з’явы немагчыма без фіксацыі адпаведнай народнай тэрміналогіі». У яго палявых сшытках максімальна поўна зафіксаваны дыялектныя назвы элементаў жылля, гаспадарчых пабудов, адзення, прадметаў сельскагаспадарчай працы, хатняга начыння, транспартных сродкаў, асобных народных страў, свят і абрадаў, звычайў, тэрміны сваяцтва, народнага медыцыны і г.д. Напрыклад, каштоўнымі з’яўляюцца фіксацыі валачобнага абраду, які пад рознымі назвамі быў шырока вядомы па ўсім маршруце ад Гродна да Полацка («Алкаўнікі – валачобнікі» (в. Жырмуны, Радунскі р-н) [22, арк. 34], «На вельканоц валоўнікі хадзілі, як прынясуць сьвяціцонку (з касцёлу). Музыку бяруць, збэрацца чалавек дзесяць-пятнаццаць, ходзяць і пяюць алялюю, а ім даюць яйкі. Сьпявалі за чонсткі... Паялі» (в. Каракулічы, Свірскі р-н) [12, арк. 27], «На вялікдзень валоўнікі хадзілі. Пад акошка падыйдуць і гавораць: Хрыстос васкрэсе! Тады пяюць, а ім ужо выносяць яйкі. Песьні сьвятыя. Польскія» (в. Сіпавічы, Відзаўскі р-н) [12, арк. 36]; «На вельканоц валоўнікі ходзяць, найболей дзеці, раней і старыкі. Ходзяць, сасьпявалі... Польскія і усякія. У старавераў пелі валачобныя песьні пра Ілью» (в. Дамашы, Браслаўскі р-н) [12, арк. 37]; «На пасху лалоўнікі ходзілі, белорусы» (в. Лінкаўшчына, Мёрскі р-н) [26, арк. 20]; «Хрыстосьнікі хадзілі – валачобнікі» (в. Янава, Мёрскі р-н) [26, арк. 22]; «На вялікдзень хадзілі валачобнікі ці алялюшчыкі» (в. Дубрава, Асвейскі р-н) [27, арк. 13]; «На пасху хадзілі валачобнікі. Хрыста ўзьвелічалі» (в. Янкавічы, Расонскі р-н) [28, арк. 3] і інш.). У часе экспедыцыі 1954 г. М.Я. Грынблат шляхам апытання выяўляў таксама мясцовасці, у якіх на Купалле «раскладалі агні», а ў якіх – не, традыцыя чаго магла вар’іраваць нават у межах аднаго сельсавета.

Сярод фальклорных запісаў, зробленых у часе экспедыцыі 1954 г., – пераважна песенныя творы (каляндарна-абрадавыя, сямейна-абрадавыя, прыпеўкі і інш.) і малыя фальклорныя жанры (загадкі, прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы і інш.). Запісы народнай прозы прадстаўлены галоўным чынам тапанімічнымі паданнямі. Напрыклад, у Гродзенскім раёне М.Я. Грынблат занатаўвае паданне пра «Райгруд, горад які знаходзіўся паблізу Прывалкаў і некалькі тысяч год таму назад праваліўся ў зямлю», у ім «народу жылося, як у раю, там было 12 касцёлаў», «кажуць, што Вільня (вар. Варшава) праваліцца, а гэты горад зноў паявіцца» [17, арк. 37]. Сярод шматлікіх за-

²⁰ Важнай задачай М.Я. Грынблат лічыў высвятленне арэала старакаталіцкага беларускага насельніцтва, якое ён лічыў нашчадкамі абеларушаных літоўцаў [6, с. 525].

²¹ Такой акадэмічнай дакладнасці яўна бракавала Л.А. Малчанавай, якая ў часе экспедыцыі займалася апісаннем паселішч, жылля, гаспадарчых пабудов, адзення і хатняга начыння. Напрыклад, у Свірскім раёне яна зрабіла вельмі спрэчны запіс, што жыхары вёскі Балашы «сами себя называют кривичами» [11, арк. 3].

пісаў народных прыкмет ёсць характэрныя толькі для рэгіёна беларуска-літоўскага памежжа (напрыклад, запісаныя ў Астравецкім («Дождж, а заўтра сэдэм брацьцяў сьпёнцых»²², то зацягне» [24, арк. 25]) і Пастаўскім («Як на Siedem braci śpiących дождж, – будзе ліць доўга» [12, арк. 32]) раёнах).

Заклучэнне. Такім чынам, этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя 1954 г. дазволіла не толькі ўдакладніць меркаванне межы рассялення старажытных дрыгавічоў і крывічоў, але і скласці ўсебаковае ўяўленне пра этнакультурную спецыфіку насельніцтва беларуска-літоўска-латышскага памежжа. У першую чаргу яно вылучалася канфесійна, мела культурныя сувязі з суседнімі неславянскімі народамі. Як пісаў М.Я. Грынблат, «па агульнай тэме “Паходжанне беларускай народнасці” было вывучана новае пытанне, якое ўзнікла ў ходзе даследаванняў і не было прадугледжана папярэднім планам, – пра ўдзел літоўцаў у этнагенезе беларусаў» [2, арк. 7]. Гэтае пытанне было раскрыта ў спецыяльным навуковым артыкуле, у якім этнограф на падставе сукупнасці разнастайных (у тым ліку выяўленых у часе экспедыцыі 1954 г.) фактаў давёў, што «скрайнія паўночна-заходнія раёны Беларусі ўздоўж мяжы з Літвой насяляюць беларусы-каталікі, якія не ведалі ў мінулым уніі і з’яўляюцца нашчадкамі абеларушаных літоўцаў» [6, с. 43].

ЛІТАРАТУРА

1. Адзед рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (АРКІР ЦНБ). – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 316. Стат'я «О некоторых итогах этнографической экспедиции Института истории АН БССР 1954 г.» Черновики и машинописный экз.
2. АРКІР ЦНБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1039. Индивидуальные отчеты о проделанной работе М.Я. Грынблата.
3. АРКІР ЦНБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1340. Список этнографических экспедиций, проведенных ст. науч. сотр. Института истории АН БССР М.Я. Грынблатом.
4. АРКІР ЦНБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1341. Маршрут этнаграфічнай экспедыцыі 1954 года.
5. АРКІР ЦНБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1342. Материалы (план работы, смета расходов, отчет и др.) этнографической экспедиции Института истории АН БССР в Гродненскую, Молодечненскую, Витебскую, Могилевскую области.
6. АРКІР ЦНБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1350. Карта маршрутов этнографических экспедиций АН БССР 1953, 1954, 1955, 1956 гг.
7. АРКІР ЦНБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1390. Записи М.Я. Грынблата, сделанные во время этнографической экспедиции АН БССР. 1954 г.
8. АРКІР ЦНБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1391. Записи М.Я. Грынблата, сделанные во время этнографической экспедиции АН БССР. 1954 г.
9. Альмов С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. – М. : ИЭА РАН, 2006. – 278 с.
10. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі (АІМЭФ). – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 19. Записи ст. науч. сотр. Молчановой Л.А. Этнографическая экспедиция 1954 г. Гродненская область.
11. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 24. Записи ст. науч. сотр. Молчановой Л.А. Этнографическая экспедиция 1954 г. Гродненская область.
12. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 37. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. Запісы М.Я. Грынблата.
13. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 38. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. IV. Запісы М.Я. Грынблата.
14. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 39. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. V. Запісы М.Я. Грынблата.
15. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 40. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. VI. Запісы М.Я. Грынблата.
16. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 41. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. VII. Запісы М.Я. Грынблата.
17. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 42. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. I. Запісы М.Я. Грынблата.
18. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 43. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. II. Запісы М.Я. Грынблата.
19. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 44. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. III. Запісы М.Я. Грынблата.
20. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 48. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. I. Запісы М.Я. Грынблата.
21. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 49. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. II. Запісы М.Я. Грынблата.
22. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 50. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. III. Запісы М.Я. Грынблата.
23. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 51. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. IV. Запісы М.Я. Грынблата.
24. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 52. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. V. Запісы М.Я. Грынблата.
25. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 53. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. VI. Запісы М.Я. Грынблата.
26. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 54. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. VII. Запісы М.Я. Грынблата.
27. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 55. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. VIII. Запісы М.Я. Грынблата.
28. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 56. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. IX. Запісы М.Я. Грынблата.
29. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 57. Этнаграфічная Гродзенска-Полацкая экспедыцыя АН БССР 1954 г. X. Запісы М.Я. Грынблата.
30. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 184. Этнографическая экспедиция 1954 года. Зарисовки Гунько С.Т.
31. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 185. Этнографическая экспедиция Ин-та истории АН БССР. 1954 год. Рисунки художника Гунько С.Т.
32. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 187. Экспедиция 1954 года. Зарисовки художника Гунько С.Т.
33. АІМЭФ. – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 188. Зарисовки художника Гунько С.Т. Экспедиция 1954 года. Молодечненская область.
34. АІМЭФ. – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 40а. – Сш. 1. Этнаграфічная экспедыцыя АН БССР 1954 г. Запісы Ан. Клышко.
35. АІМЭФ. – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 40а. – Сш. 2. Этнаграфічная экспедыцыя АН БССР 1954 г. Запісы Ан. Клышко.
36. АІМЭФ. – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 40а. – Сш. 3. Этнаграфічная экспедыцыя АН БССР 1954 г. Запісы Ан. Клышко.
37. Внуківіч Ю.І. Этнічныя прыкметы як аб’ект даследавання ў савецкай і постсавецкай этналогіі // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Вып. 31 / нав. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск, 2022. – С. 258–270.
38. Грынблат М.Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. – Минск: Наука и техника, 1968. – 288 с.

²² Паводле павер’я, пашыранага сярод каталіцкага насельніцтва беларуска-літоўскага памежжа, якое надвор’е будзе ў дзень Сямі спячых братоў (10 ліпеня), такое яно будзе і ў наступныя сем тыдняў.

39. Гринблат М.Я. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов // Вопросы этнической истории народов Прибалтики: по данным археологии, этнографии и антропологии / под ред. С.А. Таракановой, Л.Н. Тереньевой. – М., 1959. – С. 523–543.
40. Гринблат М.Я. О некоторых итогах этнографической экспедиции Института истории 1954 г. // Известия АН БССР. – 1955. – № 1. – С. 123–126.
41. Захаркевіч С. Як гартавалася сталь: станаўленне беларускага савецкага этнолага Маісея Якаўлевіча Грынבלата // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні. – Мінск, 2016. – Вып. 3. – С. 505–518.
42. Кушнер (Кнышев) П.И. Этнографические территории и этнические границы. – М : Изд-во АН СССР, 1951. – 277 с.

Паступіў 06.11.2024

**В ПОИСКАХ «ОСТАТКОВ ПЛЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ»:
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРОДНЕНСКО-ПОЛОЦКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1954 ГОДА**

канд. ист. наук, доц. Ю.И. ВНУКОВИЧ

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)

В статье рассматривается деятельность этнографической экспедиции, проведенной сотрудниками Института истории АН БССР по маршруту Гродно–Полоцк в 1954 году. Материалы экспедиции хранятся в архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, а также в Отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа НАН Беларуси. Они содержат ценную информацию об этнической и региональной идентичности населения северо-западной Беларуси. Проанализированы основные цели, стратегия и результаты экспедиции, а также охарактеризован фонд собранных этнографических, фольклорных, лингвистических и устно-исторических текстов.

Ключевые слова: *полевые исследования, этнографическая экспедиция, белорусское пограничье, этничность, советская этнография, фольклорный архив, М.Я. Гринблат.*

**IN SEARCH OF “THE REMAINS OF TRIBAL FEATURES”:
THE ETHNOGRAPHIC GRODNO-POLOTSK EXPEDITION OF 1954**

Yu. VNUKOVICH

*(The Center for the Belarusian culture, language and literature researches
of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)*

The article deals with the activities of the ethnographic expedition conducted by the Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR along the Grodno-Polotsk route in 1954. The materials of the expedition are stored in the archive of the Institute of Art, Ethnography and Folklore, as well as in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus. They contain valuable information about the ethnic and regional identity of the population of northwestern Belarus. The main goals, strategy and results of the expedition are analyzed, and the fund of collected ethnographic, folklore, linguistic and oral history texts is characterized.

Keywords: *field research, ethnographic expedition, Belarusian borderland, ethnicity, Soviet ethnography, folklore archive, M.Ya. Grinblat.*

УДК 796.034.2(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2025-73-1-75-79

**МАССОВЫЙ СПОРТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991–2023 гг.)****А.А. ОБЕЛЕВСКИЙ***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

В статье рассмотрены особенности формирования массового спорта в Республике Беларусь в 1991–2023 гг. Определены основные направления развития любительского спортивного движения, его социокультурные функции. Представлена периодизация истории массового спорта, показана специфика его развития на каждом этапе. Выявлены виды спорта, которые получили наибольшее распространение среди любителей здорового образа жизни Беларуси. Показана роль государственных и общественных организаций в развитии массового спортивного движения в республике в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: *спортивно-массовые мероприятия, здоровый образ жизни, культура досуга, соревнования, массовый спорт, Республика Беларусь.*

Введение. В послевоенном СССР массовый спорт был важным инструментом улучшения здоровья населения и организации активного отдыха граждан: регулярно проводились Всесоюзные спартакиады профсоюзов, студенческие спартакиады, зимние и летние спортивные праздники. Со второй половины 1950-х гг. начали проводиться Спартакиады народов СССР (летние и зимние), в финале которых встречались лучшие спортсмены из всех союзных республик [1, с. 37–38]. В БССР массовый спорт также получил широкое распространение: регулярно проводились Всебелорусские спартакиады, активно шла сдача нормативов комплекса «Готов к труду и обороне» (далее – ГТО), были созданы различные добровольные спортивные общества, объединяющие работников различных отраслей экономики [1, с. 43–44]. Для школьников проводились соревнования «Кожаный мяч», «Белая ладья», «Чудо-шашки», детские спортивные игры «Старты надежд», молодёжь участвовала в Республиканской спартакиаде учащейся молодёжи, Спартакиаде учащихся техникумов¹.

После распада СССР каждая бывшая союзная республика оказалась перед необходимостью самостоятельно определиться с политикой в отношении массового спорта, выбрать наиболее эффективные формы реализации его социокультурных функций. В Республике Беларусь к настоящему моменту накоплен значительный опыт в развитии любительского спорта, ежегодно проводится около 22 тысяч соревнований для детей, молодёжи, студентов, любителей спорта любого возраста². Осмысление белорусского опыта в сфере массового спорта позволит выявить основные тенденции его развития и наиболее популярные виды, сравнить степень вовлечения в массовое спортивное движение различных категорий населения. Данная проблема пока не нашла комплексного отражения в отечественной историографии. Очерк развития сферы физической культуры и спорта в Беларуси в конце XX – начале XXI вв. был представлен в первом томе энциклопедического справочника «Современная Беларусь» (2006) [1, с. 694–708]. Основные достижения в развитии массовой физической культуры в Беларуси в 2010-х гг. были представлены в пятом томе масштабного научно-популярного издания «Республика Беларусь – 25 лет созидания и свершений», изданном в 2020 г. [2, с. 355–488]. Н.В. Минина и Е.М. Нахаева рассматривали массовый спорт Беларуси как составную часть спортивного направления физической культуры наряду со спортом высоких достижений [3, с. 53–54]. Эффективность спортивно-массовой работы в Могилёвской области в 2017 г. проанализировала Е.В. Марченко [4], оценка возможностей развития массового спорта в Брестской, Витебской и Гродненской областях по состоянию на конец 2010-х – начало 2020-х гг. была представлена в информационных изданиях, подготовленных сотрудниками Республиканского учебно-методического центра физического воспитания населения [5; 6; 7]. Исходя из актуальности темы, целью данной статьи является выявление основных направлений развития массового спорта в Республике Беларусь в 1991–2023 гг.

Основная часть. В первой половине 1990-х гг. ситуация в сфере массового спорта Беларуси была достаточно сложной. Так, перестали проводиться общесоюзные любительские спортивные соревнования и состязания для школьников по игровым видам спорта³. С 1992 г. многие исполкомы местных Советов прекратили финансирование физкультурно-массовой работы по месту жительства, закрывались спортивные залы на предприятиях, под сокращение попали методисты по физической культуре и спорту. В 1994/1995 учебном году только 13% школьников были признаны здоровыми, наблюдался рост болезней молодёжи, сокращение продолжительности жизни. Сложная экономическая ситуация привела к тому, что профсоюзы, на чьём балансе числились многие спортивные сооружения и в задачи которых входило развитие именно массовой физической культуры и спорта, прекратили финансирование данной отрасли⁴. Тем не менее, в этот период не прерывалась традиция проведения

¹ Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 510. Оп. 1. Д. 874. – Л. 3, 16, 18, 33.

² URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/sport/healthy-lifestyle>.

³ ГАГр. – Ф. 510. Оп. 1. Д. 874. – Л. 14.

⁴ Проблемы социально-культурной сферы на современном этапе // Советская Белоруссия. – 1996. – 21 июня. – С. 2.

беговых любительских соревнований, появившихся в 1980-х гг., в Малорите, Осиповичах, г. Старые Дороги [4, с. 56; 8, с. 4, 16, 22]. В 1992 г. были организованы Первые юношеские игры Республики Беларусь⁵.

Пути решения проблем сферы физической культуры и спорта обсуждались на съезде руководства данной отрасли с участием Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, который состоялся 15.10.1996 г. По итогам съезда было, в частности, решено активизировать физкультурно-оздоровительную работу по месту жительства в городах и городских посёлках республики, что было закреплено на законодательном уровне в постановлении Кабинета Министров Республики Беларусь от 27 ноября 1996 года № 760⁶. Этот документ позволил начать проведение массовых детско-подростковых соревнований «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Белая молния», «Мяч над сеткой». Первый турнир «Золотая шайба» был проведен в 1997 г., а его заключительные мероприятия спустя год принесли победу команде деревни Зубово Оршанского района⁷. В регионах стали проводиться спартакиады среди детей и подростков по месту жительства. С конца 1990-х гг. ежегодно проводились республиканские соревнования по многоборью «Здоровье» (для зимних и летних видов спорта) для учащихся, республиканская Спартакиада допризывной и призывной молодёжи⁸. Создание Союзного государства Беларуси и России активизировало реализацию совместных проектов в различных сферах, в том числе, в спортивной. С 2003 г. ежегодно в различных городах Российской Федерации и Республики Беларусь проводились мероприятия Спартакиады Союзного государства для детей и юношества, включавшие соревнования по легкой атлетике, плаванию, хоккею, фестивали спортивных игр⁹.

Активизировалось и спортивное движение взрослых спортсменов-любителей. В мае 1999 г. в Минске впервые состоялся Всебелорусский легкоатлетический кросс на призы газеты «Советская Белоруссия», участие в котором приняли спортсмены из всех областей страны, с 2004 г. в Брагине проводился забег «Брагинская десятка» с международным участием, посвящённый памяти жертв Чернобыльской катастрофы¹⁰. В первой половине 2000-х гг. проводились республиканские мероприятия физкультурно-оздоровительной направленности для пожилых людей: слёты «Здоровье – человеку!», спортивные праздники «Здоровью возраст не помеха», «Сохраним здоровье» и фестивали оздоровительных клубов [1, с. 706].

Во второй половине 1990 гг. в регионах проводились областные рабочие спартакиады, включавшие соревнования по различным видам спорта. Наибольшее число участников было отмечено в соревнованиях по волейболу, мини-футболу, легкоатлетическому кроссу. Победители областных рабочих спартакиад 1999 г. приняли участие в Международных спортивных играх стран СНГ в конце июня того же года в Минске¹¹.

В начале 2000-х гг. появились новые любительские соревнования в министерствах и ведомствах Беларуси. Так, в Осиповичах регулярно проводился турнир по шахматам среди работников предприятий Министерства промышленности. С 2000 г. проводится республиканская отраслевая круглогодичная спартакиада работников связи (зимний (лыжные гонки) и летний этапы), республиканская отраслевая спартакиада среди инспекций Министерства по налогам и сборам. С 2004 г. проводилась Республиканская межотраслевая спартакиада профсоюзов, где участвовали спортсмены из организаций и предприятий различной ведомственной подчинённости¹². В том же году прошёл первый спортивный фестиваль для работающей молодёжи «Олимпия», организованный Белорусским республиканским союзом молодёжи при поддержке Минского облисполкома и других республиканских органов государственного управления. Участники данного мероприятия три дня жили в палаточном лагере у реки Исloch, соревнуясь в игровых видах спорта¹³. Все вышеперечисленные любительские соревнования проводились регулярно до конца изучаемого периода.

В 2004 г. в республике было организовано 11 013 спортивно-массовых мероприятий различных уровней, в которых приняло участие 1 518 182 человека. Из них 1330 относилось к спортивным фестивалям и праздникам, лидерами по количеству подобных мероприятий были Витебская (205) и Брестская (201) области. В то же время число участников таких мероприятий на Витебщине было небольшим – всего 37 433 человека, тогда как в 155 фестивалях спорта Минска приняли участие 125 020 любителей здорового образа жизни¹⁴.

С целью поддержки физкультурно-оздоровительного движения в стране, улучшения условий для занятий спортом и физической культурой, белорусские спортсмены, ветераны спорта, тренеры в 2005 г. объединились в Республиканское государственно-общественное объединение «Президентский спортивный клуб» (далее – Президентский спортивный клуб)¹⁵. Данная организация с 2006 г. взяла шефство над детским турниром «Золотая

⁵ ГАГр. – Ф. 510. Оп. 1. Д. 996. – Л. 12.

⁶ Александр Лукашенко: «В ваши руки отдана большая ценность – здоровье нации» // Спортивная панорама. – 1996. – 17 окт. – С. 1.

⁷ Зубкова М. Там, где начинается футбол. 2019. URL: <https://www.sb.by/articles/tam-gde-nachinaetsya-futbol.html>.

⁸ ГАГр. – Ф. 510. Оп. 1. Д. 996. – Л. 14–16.

⁹ XI Спартакиада Союзного государства для детей и юношества. 2014. URL: <https://postkomgr.pf/activities/various/198920/>.

¹⁰ URL: <https://www.sb.by/articles/zavershilsya-vsebelorusskiy-legkoatleticheskiy-kross-na-prizy-gazety-sovetskaya-belorussiya.html>; URL: <https://mst.gov.by/be/component/k2/item/18924-kalendar-sorevnovanij.html>.

¹¹ ГАГр. – Ф. 510. Оп. 1. Д. 996. – Л. 16.

¹² URL: <https://mst.gov.by/be/component/k2/item/18924-kalendar-sorevnovanij.html>.

¹³ Фестиваль для работающей молодёжи «Олимпия» пройдёт в Воложинском районе 15–17 августа. 2014. URL: <https://www.sb.by/articles/festival-dlya-rabotayushchey-molodezhi-olimpiya-proydet-v-vozhinskoy-rayone-15-17-avgusta.html>;

Олимпия. 2024. URL: <https://brsm.by/ru/olimpiya-ru/>.

¹⁴ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 934. Оп. 6. Д. 648. – Л. 3, таблица.

¹⁵ URL: <https://brsm.by/ru/president-sport-club-ru/>.

шайба», что позволило увеличить число его участников¹⁶. В 2007 г. по инициативе Президентского спортивного клуба был возрождён турнир школьных команд по шахматам «Белая ладья», стали проводиться республиканские соревнования среди детей и подростков «Снежный снайпер» (биатлон), «Стремительный мяч» (гандбол), с 2012 г. – соревнования по баскетболу среди детей и юношества. В 2010-х гг. Президентским спортивным клубом был организован республиканский спортивно-художественный конкурс «Подружись со спортом!», который проводился раз в два года. Школьники со всей страны могли поучаствовать в данном мероприятии, нарисовав своё видение спорта в жизни людей, а известные белорусские спортсмены выступали в качестве жюри. Финалисты получали путёвки в лагерь «Зубрёнок»¹⁷.

С 2006 г. ежегодно проводились соревнования в рамках Республиканской спартакиады школьников по 24 видам спорта, в которых на стадии отбора участвовали более 30% учеников средних школ республики, а в финале встречались более 2500 учащихся общеобразовательных школ¹⁸. Также дети и молодёжь ежегодно участвовали в соревнованиях по программе зимнего и летнего многоборья «Здоровье» и «Защитник Отечества». Работающая молодёжь в 2010-х гг. ежегодно собиралась на спортивном фестивале «Олимпия», для детей и молодёжи, живущих в сельской местности, проводилась спартакиада «Колосок» (футбол, волейбол)¹⁹.

Несмотря на заметный рост числа спортивно-массовых соревнований для детей и молодёжи по сравнению с концом 1990-х гг., у взрослых любителей спорта было больше возможностей разнообразить свой досуг участием в спортивном мероприятии. В 2010-х гг. Министерство спорта и туризма Республики Беларусь только в рамках программы развития движения «Спорт для всех» ежегодно финансировало около 50 республиканских соревнований, большинство из которых популяризировали игровые (хоккей, баскетбол) и легкоатлетические виды спорта, в частности, бег. Наибольшее число зрителей собирали любительские соревнования по хоккею на призы Президентского спортивного клуба (проводились с 2006 г.), спортивный праздник «Минская лыжня». Появлялись и новые мероприятия в этой сфере: так, с 2017 г. стал регулярно проводиться Могилевский марафон. Его первый старт был приурочен к 30-летию проведения чемпионата СССР по марафону, который проводился в городе на Днепре в 1987 г. [4, с. 56]. В Гродненской области проводились забеги «Гродненская ночная десятка», «Новогодний мини-марафон», полумарафон «Августовский канал» [5, с. 18]. В Витебской области своеобразным центром спортивно-массового движения был город Орша, где с 2003 г. проводился международный шахматный турнир, а с конца 2010-х гг. стали регулярно проводиться соревнования по бегу «Оршанский забег» и «Х-трейл» для детей и взрослых [6, с. 19–20]. В Брестской области среди любителей спорта также были популярными бег и шахматы [7, с. 17–20].

В октябре 2005 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко провёл совещание с руководством спортивных федераций и союзов, где, наряду с другими вопросами, отметил важность возрождения массовой физической культуры в трудовых коллективах²⁰. В итоге при министерствах и ведомствах было создано 25 общественных отраслевых физкультурно-спортивных клубов (далее – ФСК), координацию деятельности которых осуществлял Совет Федерации профсоюзов Беларуси [2, с. 373]. Именно ФСК стали заниматься организацией зимних и летних спартакиад для сотрудников различных ведомств, в 2015 г. их было проведено 45, в 2019 – 47 (и это только те, которые финансировались Министерством спорта и туризма Беларуси). Значительная часть корпоративных спортивных мероприятий проводилась для работников силовых ведомств (МВД, Пограничный комитет, Вооружённые силы и др.) на собственных спортивных базах за счёт профильного финансирования²¹.

В 2010-х – начале 2020-х гг. в Беларусь ежегодно приезжали любители бега из разных стран для участия в международных спортивно-массовых мероприятиях в Осиповичах, Малорите, Брагине, Гродно и Старых Дорогах [8, с. 4–25]. Белорусские спортсмены-любители также выезжали за пределы страны для участия в соревнованиях. Так, под эгидой Министерства промышленности в 2021 г. было организовано участие спортсменов-любителей в XVIII Международном рабочем спортивном фестивале в Варне (Болгария)²².

Таким образом, анализ календаря спортивно-массовых мероприятий Беларуси в конце 2010-х – начале 2020-х гг. показал, что большинство соревнований проводились для достаточно узкого числа участников (обычно, сотрудников определённого ведомства или министерства), также не так много было мероприятий, притягательных для широкого круга зрителей и сочетающих как спортивный, так и культурный компоненты. В определённой мере подобными характеристиками обладал республиканский зимний праздник «Минская лыжня», который ежегодно проводился в Раубичах под Минском в феврале. Зрители наблюдали за лыжной эстафетой команд различных министерств и ведомств, слушали выступления народных коллективов, могли принять участие в различных конкурсах и продегустировать блюда белорусской кухни. В 2023 г. на «Минской лыжне» первой в лыжной эстафете пришла команда Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, «золото» среди высших

¹⁶ Литвинова Т.В 1997 г. в Беларуси возродили турнир по хоккею «Золотая шайба». 2019. URL: <https://www.sb.by/articles/shayba-ne-prostaya-zolotaya-.html>.

¹⁷ URL: <https://sportclub.by/news/proekty/podruzhis-so-sportom/>.

¹⁸ URL: <https://www.sb.by/articles/gordost-za-belarus342.html>.

¹⁹ URL: <https://mst.gov.by/be/component/k2/item/18924-kalendar-sorevnovanij.html>.

²⁰ URL: <https://www.sb.by/articles/gosudarstvo-sportu-vse-a-sport-gosudarstvu.html>.

²¹ URL: <https://rumc.by/documents-downloads/Kalendarny-plan-2019.pdf>.

²² URL: <https://mst.gov.by/be/component/k2/item/18924-kalendar-sorevnovanij.html>.

органов власти завоевала команда Комитета государственного контроля, «серебро» – команда Национального олимпийского комитета²³. В 2021 г. День спорта, посвящённый бегу, прошёл в рамках брендового праздника «Вишнёвый фестиваль» в городе Глубокое Витебской области [6, с. 22].

Национальный олимпийский комитет Республики Беларусь решил восполнить пробел в мероприятиях, сочетающих спортивные и культурные элементы. Поскольку календарь мероприятий столичного региона был и так достаточно насыщен и культурными проектами, и спортивными состязаниями, было решено сделать спортивный праздник передвижным и проводить его преимущественно в районных центрах Беларуси. В 2021 г. состоялся первый культурно-спортивный фестиваль «Вытокі». Его встречали жители Лиды, Орши, Кобрин, Мозыря, Бобруйска, Солигорска, в 2022 г. фестиваль принимали Речица, Столин, Новогрудок, Горки, Полоцк, Копыль, а в 2023 г. – Жлобин, Барановичи, Слоним, Глубокое, Костюковичи, Борисов. По данным организаторов, в фестивале за три года приняли участие более 359 тысяч человек, лидером по количеству участников стал третий сезон «Вытокаў» (152 тысячи человек). Его наиболее масштабным квестом стал спортивный конкурс в Барановичах, где более семи тысяч детей попробовали себя в различных видах спорта²⁴. На «Вытоках» элементы городского праздника-гуляния (выставки-продажи сувениров и угощений, выступления творческих коллективов) сочетались с интерактивными спортивными площадками, где дети (основная целевая аудитория мероприятия) могли в игровой форме познакомиться с различными видами спорта. В 2022 и 2023 годах на фестивале проходил шоу-показ «Роднае-моднае», где свою продукцию демонстрировали белорусские производители одежды. Вечерняя программа «Вытокаў» включала концерт белорусских исполнителей, фейерверк и дискотеку. Также на «Вытоках» проходил конкурс молодых вокалистов, в котором приняли участие более 550 артистов, а в 2023 г. был реализован проект популяризации театрального искусства: шесть постановок лучших театров столицы увидели зрители каждого города-участника²⁵.

Заключение. Таким образом, массовый спорт в Республике Беларусь в конце XX – начале XXI вв. являлся инструментом продвижения здорового образа жизни в обществе и способом организации активного досуга населения. В развитии массового спортивного движения можно выделить несколько этапов:

1) 1991–2004 гг. – период выработки новых подходов к развитию массовой физической культуры. Распад советской системы физкультурно-массовой работы, экономические сложности первой половины 1990-х гг. привели к сокращению числа спортивно-массовых мероприятий в республике. Ситуация начала меняться с 1996 г., когда на высшем уровне был принят ряд управленческих решений по развитию массового спортивного движения. Акцент был сделан на возрождении популярных в советское время соревнований по игровым видам спорта для детей, которые не занимаются в специализированных спортивных школах, активизацию физкультурно-спортивной работы с населением по месту жительства, развитие корпоративного массового спорта путём организации отраслевых спартакиад. Спортивно-массовые мероприятия этого периода проводились чаще всего для определённой категории населения и не отличались зрелищностью, ставя своей целью популяризацию здорового образа жизни лишь среди участников соревнований.

2) Создание в 2005 г. Президентского спортивного клуба придало новый импульс развитию детского массового спорта в республике. По итогам совещания с участием высшего руководства страны, проведённого в октябре того же года, были созданы ФСК при министерствах и ведомствах, в чьи задачи входило развитие массового спортивного движения в трудовых коллективах. В результате расширилось число участников детско-юношеских любительских соревнований и видов спорта, по которым они проводились. К 2020-м гг. в стране сформировался обширный календарь спортивно-массовых мероприятий, включавший любительские соревнования с открытым участием, ведомственные спартакиады и турниры. Большинство мероприятий спортивно-массового характера с открытым участием на протяжении исследуемого периода проводились в г. Минске и Минской области, а самым популярным видом спорта у взрослых любителей был бег, что было обусловлено возможностью охвата широкого диапазона участников и простотой экипировкой.

Массовый спорт в Беларуси в 1991–2023 гг. развивался по следующим направлениям:

1) активный досуг трудоспособного населения, направленный на пропаганду здорового образа жизни и укрепление здоровья;

2) корпоративное спортивное движение, целью которого была консолидация сотрудников предприятия, организации или отрасли в целом, пропаганда здорового образа жизни;

3) активный досуг, совмещённый с физическим воспитанием, для подрастающего поколения.

Социальная значимость массового спортивного движения обуславливала повышенное внимание к нему со стороны государственных органов и общественных объединений, что обеспечивало массовому спорту средства для развития. Особенностью всех направлений массового спорта была малая ориентация на зрелищность спортивного действия. Соревнований, сопровождавшихся насыщенной культурно-развлекательной программой, было

²³ НОК Беларуси в призёрах «Минской лыжни». 2023. URL: <https://noc.by/news/nok-belarusi-v-prizerakh-minskoy-lyzhni-2023/>.

²⁴ URL: <https://noc.by/vytoki/>.

²⁵ URL: <https://belta.by/society/view/imenitye-gosti-o-vytokah-dlja-uchastnikov-etot-prazdnik-horoshaja-vozmozhnost-poprobovat-sebja-v-sporte-573624-2023/>.

немного до появления в 2021 г. культурно-спортивного фестиваля «Вытокі». Его мероприятия проводились ежегодно в ряде городов Беларуси и включали спортивные квесты и состязания для широкой аудитории всех возрастных групп, а также выступления творческих коллективов в различных жанрах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная Беларусь: энцикл. справ.: в 3 т. / редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. Т. 1. – Минск: Беларус. навука, 2006. – 773 с.
2. Республика Беларусь – 25 лет созидания и свершений: в 7 т. / Редсовет: В. П. Андрейченко. – Т. 5. – Минск: Беларус. навука, 2020. – 739 с.
3. Минина Н.В., Нахаева Е.М. История физической культуры и спорта: Отечественная история физической культуры и спорта: исторические факты, события, личности: курс лекций. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2022. – 68 с.
4. Марченко Е.В. Организация физкультурно-оздоровительной, спортивно-массовой работы по месту жительства и в трудовых коллективах Могилевской области // Физическая культура, спорт, здоровый образ жизни в XXI веке: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 дек. 2021 г., Могилев / под ред. М.Н. Дедулевич. – Могилев, 2022. – С. 54–57.
5. Игнатович И.Э., Подручная И.Н. Организация физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в Гродненской области. – Минск: ГУ «РУМЦ ФВН», 2020. – 36 с.
6. Аржанович В.Ф., Чернышева А.А. Организация физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в Витебской области. – Минск: ГУ «РУМЦ ФВН», 2022. – 56 с.
7. Игнатович И.Э., Комар А.В. Организация физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в Брестской области. – Минск: ГУ «РУМЦ ФВН», 2022 г. – 44 с.
8. Путьков В.В., Кононович С.А., Игнатович И.Э., Будник К.А. Брендовые спортивно-массовые мероприятия в Республике Беларусь, получившие международный статус: информ. материал. – Минск: ГУ «РУМЦ ФВН», 2021. – 30 с.

Поступила 26.11.2024

MASS SPORTS AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON IN THE REPUBLIC OF BELARUS (1991–2023)

A. OBELEVSKIY
(*Yanka Kupala State University of Grodno*)

The article examines the features of the formation of mass sports in the Republic of Belarus in 1991–2023. The main directions of development of the amateur sports movement and its socio-cultural functions are defined. The periodization of the history of mass sports is presented, the specifics of its development at each stage are shown. The types of sports that are most widespread among healthy lifestyle enthusiasts in Belarus are identified. The role of state and public organizations in the development of the mass sports movement in the republic in the late 20th – early 21st centuries is shown.

Keywords: *sports and mass events, healthy lifestyle, leisure culture, competitions, mass sports, Republic of Belarus.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Емельянчик О.А. Смертность населения Полоцка XI – XVIII вв. по данным палеодемографии	2
Магалінскі І.У. Суадносiны памiж тыпамi сплаваў i тэхналагiчнымi схемамi вытворчасцi вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыi Паўночнай i Цэнтральнай Беларусi	10
Новик Н.Е. Включение белорусских земель в образовательное пространство Российской империи в эпоху разделов Речи Посполитой	14
Сафронов П.М. Деятельность архиепископа Полоцкого и Витебского Василия (Лужинского), направленная на поддержку единоверчества	21
Колобаева У.А. Культурно-просветительская деятельность партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы	27
Длугаш Д.А. Причины и условия проведения БЦР 2-го Всебелорусского конгресса 27 июня 1944 года в рамках оккупационной политики третьего рейха	31
Мартинкевич И.А. Организация протезного дела в БССР (1943–1970 гг.)	36
Севницкая О.И. Культурно-просветительная деятельность музеев БССР в период хрущевской «оттепели» (1953–1964 гг.)	44
Якушева Н.О. Церковно-археологический музей Минской духовной семинарии (2014–2019): создание и структура экспозиции	49
Грунтоў С.У. Старыя хрысціянскія могілкі ў Браславе: гісторыя і эпіграфіка	52
Аўсейчык У.Я. Этналагічнае вывучэнне Паўночнай Беларусі ў сярэдзіне 1940-х – 1960-я гг.	59
Внуковіч Ю.І. У пошуку «рэштак племянных асаблівасцей»: этнаграфічная гродзенска-полацкая экспедыцыя 1954 года	65
Обелевский А.А. Массовый спорт как социокультурный феномен в Республике Беларусь (1991–2023 гг.)	75